ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
КОНАНЪ-ДОЙЛЯ.

Трагедія съ „Короско“.

Лисій король. Новая катакомба.

Капитанъ Шаркэ и друг. разсказы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
 Книгоиздательство П. П. Сойкина
Стремянная, собств. д. № 12.

Типографія П. П. Сойкина, Спб., Стремянная, 12.

Трагедія съ „Короско“.

Переводъ А. А. Энквистъ.

I.

Публика, вѣроятно, немало удивлялась тому, что ей ничего неизвѣстно объ участи пассажировъ «Короско». Въ наше время—универсальныхъ корреспондентовъ и гласности кажется положительно невѣроятнымъ, чтобы такого рода происшествіе, имѣвшее международный интересъ, осталось безъ отклика въ печати. Очевидно, на то были весьма серьезныя основанія, какъ интимнаго, такъ и политическаго характера. Самые факты, конечно, были хорошо извѣстны въ свое время нѣкоторому числу людей и даже какъ-то проскользнули въ провинціальной печати, но были встрѣчены съ недовѣріемъ.

Настоящій разсказъ написанъ на основаніи клятвенныхъ показаній полковника Кочрэнь-Кочрэнь и собственноручныхъ писемъ миссъ Адамсъ, уроженки города Бостона, въ штатѣ Массачузетсъ, дополненныхъ со словъ очевидца, капитана Арчера, состоящаго въ Египетскомъ кавалерійскомъ корпусѣ, и съ показаній, данныхъ имъ на секретномъ допросѣ правительственнаго агента. М-ръ Джемсъ Стефенсъ отказался добавить что-либо отъ себя, но такъ какъ въ представленныхъ ему показаніяхъ не нашелъ нужнымъ сдѣлать никакихъ измѣненій, то надо полагать, что и онъ не усмотрѣлъ въ нихъ никакихъ отступленій отъ истины.

13-го февраля 1895 г. небольшой винтовой пароходъ «Короско» вышелъ изъ Шеллаля, близъ первыхъ пороговъ Нила, держа рейсъ на Вади-Хальфу. У меня случайно сохранился списокъ его пассажировъ, который я и привожу здѣсь:

«Короско» 13-го февраля 1895 г.—Пассажиры:

Полковникъ Кочрэнь-Кочрэнь, изъ Лондона. Мистеръ Сесиль Броунъ, изъ Лондона. Джонъ Харри-Хидинглей, изъ Бо-

стона, Соед. Шт. Миссъ С. Адамсъ, изъ Бостона, Соед.-Шт. Миссъ С. Адамсъ, изъ Ворчестера, Массачузетсъ, Соед.-Ш. Monsieur Фардэ, изъ Парижа. Мистеръ и мистриссъ Бельмонтъ, изъ Дублина. Джемсъ Стеденсъ, изъ Манчестера. Джонъ Стюартъ, изъ Бирмингэма и мистриссъ Шлезингеръ съ нянькой и ребенкомъ изъ Флоренціи.

Таково было маленькое общество пассажировъ въ моментъ отправленія «Короско» изъ Шеллаля. Отсюда «Короско» долженъ былъ идти вверхъ по теченію нубійскаго Нила на протяженіи 200 миль, т. е. отъ первыхъ пороговъ Нила до вторыхъ.

Вся Нубія—страна въ высшей степени своеобразная, мѣстами широко раскинувшаяся, мѣстами стиснутая до размѣровъ узкой береговой полосы.

Подъ этимъ именемъ разумѣется только плодородная полоса земли, тянущаяся вдоль Нила по обѣ стороны этой, кофейнаго цвѣта, рѣки. Далѣе простираются уже безпредѣльные, безплодные пески Ливійской пустыни, захватывающіе чуть не всю ширину африканскаго материка, съ одной стороны, и уходящіе въ Красное море,—съ другой. И среди этихъ песковъ и пустынь, словно гигантскій дождевой червь, тянется извилистой полосой Нубія. Повсюду, на каждомъ шагу, попадаются слѣды погибшей расы и потонувшей въ глубинѣ вѣковъ древней цивилизаціи. Ряды могилъ и могильныхъ памятниковъ тянуться длинной вереницей, и тамъ, и сямъ передъ вами всплываютъ развалины древняго города; вы узнаете, что онъ былъ построенъ римлянами или египтянами, а чаще всего слышите, что даже и самая память о томъ, какъ онъ нѣкогда назывался, утеряна. Пусть такъ, но вы невольно удивляетесь, зачѣмъ здѣсь, среди пустыни, стоялъ нѣкогда городъ, и только, порывшись въ историческихъ источникахъ, узнаете, что цѣлый рядъ такихъ городовъ былъ построенъ исключительно для того, чтобы служить оплотомъ противъ набѣговъ дикихъ степныхъ племенъ, этихъ хищниковъ, явившихся сюда съ юга.

Туристы равнодушнымъ взглядомъ скользятъ по нѣсколько однообразнымъ ландшафтамъ этой страны смерти, далекихъ сѣдыхъ воспоминаній, безпечно курятъ, болтаютъ и флиртуютъ между собой.

Пассажиры «Короско» представляли собою очень милое, дружное общество. Большинство совершили вмѣстѣ путешествіе изъ Каира въ Ассуанъ и успѣли познакомиться и сбли-

зиться за это время. Даже прославленная англо-саксонская холодность и чопорность таяли подъ горячими лучами солнца на Нилѣ. Судьбѣ было угодно, чтобы въ числѣ пассажировъ «Короско» не оказалось ни одной непріятной личности, присутствія которой на этихъ небольшихъ пароходикахъ бываетъ достаточно, чтобы отравить удовольствіе всего маленькаго общества. На суднѣ, которое немногимъ больше большого парового катера, всѣ поневолѣ постоянно сталкиваются другъ съ другомъ, и отношенія, такія или иныя, завязываются между пассажирами. Полковникъ Кочрэнь-Кочрэнь былъ одинъ изъ тѣхъ бравыхъ англійскихъ офицеровъ, которыхъ британское правительство, нормируя сроки служебной дѣятельности своихъ гражданъ, объявляетъ неспособными къ дальнѣйшей службѣ, только по достиженіи ими предѣльнаго возраста.

Полковникъ Кочрэнь-Кочрэнь былъ высокій, сухой, горбоносый мужчина, прямой, какъ палка, съ изысканно-почтительнымъ и любезнымъ обращеніемъ и зоркимъ, наблюдательнымъ взглядомъ. Въ высшей степени опрятный и аккуратный въ своихъ вкусахъ, привычкахъ и одеждѣ, корректный до мелочей, онъ былъ настоящимъ джентльменомъ до кончиковъ ногтей. Изъ чисто англо-саксонскаго отвращенія ко всякаго рода экспансивности, онъ усвоилъ себѣ строгую сдержанность въ манерахъ, которую съ перваго взгляда можно было припринять за чопорность, но близко знавшіе его люди были увѣрены, что ему стоило не мало труда постоянно скрывать въ себѣ искренніе порывы своего добраго, чувствительнаго сердца. Онъ скорѣе внушалъ къ себѣ уваженіе, чѣмъ любовь, такъ какъ почему-то невольно чувствовалось, что знакомство съ нимъ не легко перейдетъ въ дружбу, но, съ другой стороны, можно было безошибочно сказать, что эта дружба, разъ вамъ удалось вызвать ее въ немъ, сдѣлалась-бы частью его существа.

Мистеръ Сесиль Броунъ,—слѣдуя случайному порядку, въ какомъ имена пассажировъ стояли въ пассажирскомъ спискѣ,—былъ молодой дипломатъ, состоявшій при одномъ изъ европейскихъ посольствъ, носилъ на себѣ отпечатокъ воспитанниковъ Оксфордскаго университета, т. е. былъ нѣсколько неестественно натянутъ въ обращеніи, но весьма интересенъ, какъ собесѣдникъ, и вообще человѣкъ развитой. У него было нѣсколько печальное и скучающее, но красивое молодое лицо, съ закрученными небольшими усиками, тихій голосъ и неслышная походка; но что придавало ему особенную пріят-

ность, такъ это его сопсобность вдругъ оживиться и просіять прелестной улыбкой, если что-либо приходилось ему по душѣ.

Однако, какой-то напускной цинизмъ совершенно затмевалъ его природный, юный энтузіазмъ, и временами онъ высказывалъ мысли тривіальныя и вмѣстѣ нездоровыя.

Цѣлые дни сидѣлъ онъ на палубѣ, подъ навѣсомъ, съ книгой или альбомомъ набросковъ, не заговаривая ни съ кѣмъ изъ чувства собственнаго достоинства, но всегда готовый отвѣтить въ высшей степени любезно каждому, кто къ нему обратится.

Американцы держались отдѣльной группой: молодой Джонъ Харри Хидинглей, окончившій съ ученой степенью Хорвардскій университетъ и теперь довершавшій свое образованіе кругосвѣтнымъ путешествіемъ, представлялъ собою образцовый типъ молодого американца: живой, наблюдательный, въ высшей степени любознательный и желающій всему научиться и все себѣ уяснить, свободный отъ всякаго рода предразсудковъ, серьезный и вмѣстѣ веселый, какъ всякій сильный, здоровый человѣкъ въ молодые годы. У него было въ манерѣ и наружности меньше внѣшняго лоска, но больше истинной культурности, чѣмъ у молодого Оксфордскаго дипломата.

Миссъ Адамсъ и миссъ Сади Адамсъ были тетушка и племянница; первая изъ нихъ была небольшого роста, энергичная особа, съ рѣзкими, не совсѣмъ красивыми чертами и громаднымъ запасомъ и даже излишкомъ никому не понадобившейся нѣжности и любви. До сего времени она никогда не выѣзжала изъ Бостона и теперь усердствовала изо всѣхъ силъ, трудясь надъ неблагодарной задачей привить Востоку благоустройство ея родного Массачузетса. Едва она ступила на почву Египта, какъ тотчасъ же пришла къ убѣжденію, что все здѣсь требуетъ упорядоченія, и съ этого момента у нея было хлопотъ выше головы. И стертыя сѣдлами спины муловъ, и голодныя бездомныя собаки, и мухи, кучами сидѣвшія на глазахъ грязныхъ ребятишекъ, и неопрятныя, въ лохмотьяхъ женщины,—все это взывало къ ея чувству чистоты и порядка,—и она съ первыхъ шаговъ мужественно и самоотверженно принялась за дѣло. Но такъ какъ она не знала ни одного слова изъ мѣстнаго нарѣчія и вслѣдствіе этого не могла быть понята никѣмъ изъ туземцевъ, то ея старанія не оставили замѣтнаго слѣда на порядкахъ Египта, но зато доставили не мало удовольствія и увеселенія ея спутникамъ. Никого ея усилія такъ

не забавляли, какъ ея племянницу Сади, которая вмѣстѣ съ мистриссъ Бельмонтъ была наиболѣе популярной личностью на «Короско». Сади была совсѣмъ молоденькая дѣвушка, прямо со школьной скамьи, и, какъ всѣ американки въ этомъ возрастѣ, еще на половину ребенокъ, откровенная, дѣтски довѣрчивая и прямодушная, всегда веселая и довольная, болтливая, живая, но недостаточно почтительная и уважающая старшихъ. Впрочемъ, даже самые недостатки забавляли ея спутниковъ и нравились имъ. Несмотря на то, что миссъ Сади сохранила всѣ эти чисто дѣтскія черты характера, это не мѣшало ей быть высокой, стройной, красивой дѣвушкой, выглядѣвшей даже нѣсколько старше своихъ лѣтъ, благодаря модной прическѣ, пышному бюсту и значительной округлости формъ. Шелестъ юбки, ея громкій, звонкій голосъ и заразительный дѣтскій смѣхъ были привычными и желанными звуками для пассажировъ «Короско». Даже чопорный полковникъ Кочрэнъ замѣтно смягчался, а безупречно выдрессированный въ Оксфордѣ молодой дипломатъ забывалъ быть неестественнымъ въ обществѣ миссъ Сади.

Объ остальныхъ пассажирахъ «Короско» можно упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ: monsieur Фардэ былъ добродушный, словоохотливый резонеръ, имѣвшій рѣзко опредѣленные взгляды на коварныя махинаціи Англіи и нелегальность занимаемаго ею въ Египтѣ положенія. Мистеръ Бельмонтъ, круглый, рослый господинъ, съ сильной просѣдью, типичный ирландецъ, славился, какъ лучшій стрѣлокъ на дальнее разстояніе, бравшій всѣ призы на состязаніяхъ стрѣлковъ и охотниковъ въ Вимбледонѣ и Бислей. Его жена, прелестная, изящная женщина, чрезвычайно игривая и привѣтливая, нравилась рѣшительно всѣмъ. Мистриссъ Шлезингеръ, среднихъ лѣтъ вдова, всецѣло поглощенная заботами о своемъ шести-лѣтнемъ ребенкѣ, была почти незамѣтной личностью среди пассажировъ. Высоко-почтенный сэръ Джонъ Стюартъ, пресвитеріанскій священникъ, контрегаціоналистъ, былъ человѣкъ чрезвычайно тучный, неподвижный и сонливый, но одаренный изрядной долей добродушнаго юмора.

Наконецъ, упомянемъ еще мистера Джемса Стефенса, стряпчаго изъ Манчестера, младшаго компаньона товарищескаго бюро Хиксонъ, Вардъ и Стефенсъ. Онъ путешествовалъ теперь, по предписанію врачей, для поправленія здоровья и возстановленія силъ послѣ жестокой инфлуэнцы. Этотъ Стефенсъ, за

тридцать лѣтъ своей жизни, самъ, собственными силами выбился въ люди; начавъ съ того, что протиралъ окна въ помѣщеніи этой самой конторы, онъ въ настоящее время завѣдывалъ всѣми ея дѣлами и состоялъ младшимъ компаньономъ товарищества. Въ теченіе почти всего этого времени онъ положительно зарылся въ сухую техническую работу, жилъ только для того, чтобы удовлетворять старыхъ и пріобрѣтать новыхъ кліентовъ; въ концѣ концовъ, самый умъ и даже самая душа его стали точными и пунктуальными, какъ тѣ статьи законовъ, съ которыми онъ постоянно возился. Его работа превратилась для него въ настоящую потребность, и такъ какъ онъ былъ холостъ, то въ жизни его не было никакого иного интереса, который бы отвлекалъ его отъ этой работы. Постепенно эта работа засасывала, замуравливала все его существо, какъ замуравливали заживо погребенную монахиню въ средніе вѣка. Но вотъ пришла болѣзнь и, вырвавъ его изъ этой могилы, выбросила его на широкую дорогу, залитую солнцемъ, бросила его въ круговоротъ жизни, далеко отъ озабоченнаго, дѣлового Манчестера, отъ его заставленной полками и тяжелой громоздкой мебелью конторы, гдѣ на него со всѣхъ сторонъ смотрѣли мрачные кожные переплеты свода законовъ. Сначала ему было очень тяжело, и все казалось глупо, и пусто, и тривіально, въ сравненіи съ его привычной милой рутиной, но затѣмъ, мало по малу, онъ начиналъ прозрѣвать, и ему уже начинало смутно представляться, какъ скучна и мертва была его работа въ сравненіи съ этимъ обширнымъ, разнообразнымъ міромъ, который до сихъ поръ былъ для него совершенно непонятенъ, и котораго онъ вовсе не зналъ. Временами ему даже начинало казаться, что этотъ перерывъ въ его дѣловой карьерѣ былъ важнѣе самой карьеры; всякаго рода новые живые интересы начинали овладѣвать его душой, и теперь этотъ человѣкъ среднихъ лѣтъ начиналъ ощущать въ себѣ пробужденіе той молодости чувствъ и впечатлѣній, которыхъ онъ не зналъ въ молодые годы, проведенные въ трудѣ и безпрерывной дѣловой заботѣ. Конечно, характеръ его уже слишкомъ сложился для того, чтобы онъ могъ перестать быть сухимъ педантомъ въ своихъ привычкахъ и разговорѣ, но теперь онъ уже интересовался жизнью, читалъ, наблюдалъ, изучалъ свой «Бэдекеръ», подчеркивалъ въ немъ, отмѣчалъ на поляхъ извѣстныя мѣста, какъ человѣкъ, находящій удовольствіе въ своемъ путешествіи и желающій поучаться. За время рейса отъ Каира онъ успѣлъ

особенно сойтись съ миссъ Адамсъ и ея молоденькой племянницей; ея молодость, смѣлость, живость, ея неумолчный говоръ и жизнерадостность нравились ему; она же, въ свою очередь, чувствовала нѣкоторое уваженіе къ его серьезнымъ знаніямъ, его уравновѣшенной натурѣ и жалость къ его узкому кругозору, къ его замкнутости въ какомъ-то заколдованномъ кругу, лишавшей его возможности широкаго полета мысли, широкихъ кругозоровъ и свободныхъ размаховъ фантазіи, т. е. всего того, что въ ея глазахъ было такъ необходимо. И вотъ они сошлись и сдружились, и прочіе, глядя на нихъ, когда они, сидя рядомъ, склонялись на его холодное, нѣсколько сумрачное лицо рядомъ съ цвѣтущимъ, молодымъ, полнымъ жизни личикомъ дѣвушки.

Маленькій „Короско“ шипѣлъ, пыхтѣлъ, шумѣлъ, взбивая пѣну за кормой, медленно подвигаясь впередъ по рѣкѣ и производя больше шума ради своихъ пяти узловъ въ часъ, чѣмъ самое большое Атлантическое линейное судно на призовомъ рейсѣ.

Ряды развалинъ возставали по обѣ стороны рѣки, но, по мѣрѣ того, какъ наши пассажиры подвигались впередъ, эти развалины пріобрѣтали иной характеръ; нѣкоторыя изъ нихъ были едва-ли старше христіанской эры. Туристы равнодушно смотрѣли на полу-греческіе барельефы храмовъ, взбирались на марсъ „Короско“, откуда можно было видѣть выходящее надъ безплодной пустыней востока солнце, и только передъ великимъ святилищемъ Абу-Симбель переходили въ невольное удивленіе передъ этимъ гигантскимъ подвигомъ давно забытой расы, изрывшей самыя нѣдра каменной горы, какъ будто то былъ кусокъ сыра.

Подъ вечеръ, на четвертыя сутки своего путешествія, пассажиры «Короско» прибыли въ Вади-Хальфу съ небольшимъ опозданіемъ вслѣдствіе какого-то незначительнаго поврежденія въ машинѣ; на слѣдующее утро предполагалась общая экскурсія на скалу Абукиръ, съ которой открывается великолѣпный видъ на вторые пороги Нила. Въ половинѣ 9-го, когда всѣ пассажиры находились на палубѣ, среди нихъ появился Мансуръ, драгоманъ и проводникъ въ одно и то же время, полукоптъ, полу-сиріецъ, и громко, торжественно, какъ онъ это дѣлалъ каждый вечеръ,—объявилъ присутствующимъ программу на завтрашній день. На время тихій говоръ, царившій въ разныхъ углахъ палубы, стихъ, но когда Мансуръ окончилъ и, словно кукла въ театрѣ миріонетокъ, исчезъ въ отверстіи

трапа, и его темная юбка, европейскаго покроя куртка и красный тарбушъ потонули во мракѣ, въ отдѣльныхъ группахъ снова завязались прерванные разговоры.

— Такъ я разсчитываю на васъ, мистеръ Стефенсъ,—проговорила миссъ Сади Адамсъ,—что вы разскажете мнѣ все объ этой скалѣ Абукиръ. Я люблю знать, на что смотрю, а не глядѣть на что-то такое, чего не понимаешь, и потомъ, цѣлыхъ шесть часовъ спустя, получать разъясненія, сидя въ своей каютѣ. Я не могу себѣ представить ни Абу-Симбель, ни этихъ стѣнъ, хотя ихъ видѣла только вчера!

— А я такъ и не надѣюсь угнаться за всѣмъ этимъ,—заявила ея тетка,—а вотъ, когда вернусь къ себѣ въ Коммонвельсъ-авеню, гдѣ никакой драгоманъ не будетъ смущать и теребить меня, успѣю прочитать о всемъ этомъ на свободѣ, и тогда только, надѣюсь, начну восхищаться тѣмъ, что здѣсь видѣла; и тогда мнѣ захочется опять вернуться сюда. Впрочемъ, это въ высшей степени мило и любезно съ вашей стороны, мистеръ Стефенсъ, что вы стараетесь освѣдомлять насъ о всемъ!

— Я зналъ, что вы пожелаете получить точныя свѣдѣнія объ этой мѣстности, миссъ, и потому уже заранѣе приготовилъ маленькій конспектъ по этому поводу!—отвѣчалъ Стефенсъ, передавая миссъ Сади листочекъ бумаги. Она взглянула на этотъ листокъ и весело засмѣялась тихимъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— «Re Абукиръ», прочла она.—Скажите пожалуйста, что означаютъ у васъ эти двѣ буквы. Прошлый разъ вы такъ-же написали на замѣткѣ о Рамзесѣ, „Re Рамзесъ II“.

— Это дѣловая привычка, миссъ Сади, когда представляютъ кому-нибудь «memo», люди моей профессіи всегда ставятъ «Re».

— Представляютъ что?—переспросила молодая дѣвушка.

— Memo, т. е. memorandum или, иначе говоря, записку для памяти, и мы ставимъ «Re», т. е. «refaring» (касательно, относительно).

— Это, вѣроятно, очень удобное сокращеніе въ дѣловыхъ бумагахъ, но признайтесь, что оно кажется забавнымъ при описаніи мѣстности или когда рѣчь идетъ о древнихъ египетскихъ царяхъ, не правда ли?

— Нѣтъ, я этого не вижу!..—сказалъ Стефенсъ.

— Не знаю, правда-ли, что англичане не одарены такимъ юморомъ, какъ американцы, или же это своего рода юморъ!..—

разсуждала Сади такимъ тономъ, какъ будто она размышляла вслухъ.—Мнѣ почему-то казалось, что у нихъ меньше юмора, а между тѣмъ, если почитаешь Диккенса, Теккерея, Барри и другихъ юмористовъ, которыми всѣ мы восхищаемся, то начинаешь сознавать, что ошиблась. Кромѣ того, я никогда не слыхала нигдѣ такого искренняго, душевнаго смѣха, какъ въ Лондонскомъ театрѣ. Одинъ господинъ сидѣлъ за спиной своей тети, и каждый разъ, когда онъ начиналъ смѣяться, тетя оглядывалась, полагая, что гдѣ-нибудь отворилась дверь—такое сильное движеніе воздуха производилъ его смѣхъ.

— Я желала-бы видѣть законы этой страны,—вставила миссъ Адамсъ старшая тѣмъ рѣзкимъ, металлическимъ голосомъ, которымъ она старалась замаскировывать чувствительность своего сердца.—Я желала-бы внести въ это законодательство свой билль объ обязательномъ промываніи глазъ у дѣтей и объ уничтоженіи этихъ отвратительныхъ яшмаковъ, которые превращаютъ женщину въ тюкъ бумажной ткани, откуда выглядываютъ два черныхъ глаза!

— Я сама никогда не могла понять, зачѣмъ онѣ носятъ ихъ,—говорила Сади,—но однажды я увидала одну изъ этихъ женщинъ безъ яшмака и поняла, почему онѣ его носятъ.

— Ахъ, какъ мнѣ надоѣли эти женщины!—воскликнула миссъ Адамсъ.—Повѣрите ли, съ такимъ же успѣхомъ можно было бы говорить объ обязанностяхъ, чистотѣ и приличіяхъ кучѣ безчувственныхъ камней!... Ну вотъ, хотя бы вчера, въ Абу-Симбель; я проходила мимо одного изъ ихъ домовъ, если можно назвать домомъ этотъ комъ грязи; у дверей сидѣли двое ребятишекъ съ обычной кучей мухъ вокругъ глазъ и громадными прорѣхами въ ихъ жалкой грязной одеждѣ. Я слѣзла со своего мула, засучила рукава и своимъ носовымъ платкомъ хорошенько умыла имъ личики, а затѣмъ, доставъ изъ своего мѣшечка иголку съ ниткой и наперстокъ, зашила ихъ прорѣхи. Въ этой дикой странѣ я никогда не съѣзжала на берегъ безъ своего рабочаго мѣшка точно такъ же, какъ безъ бѣлаго зонтика. Умывъ и убравъ ребятишекъ, я вошла въ домъ. Ну, ужъ жилище! Полагаю, что въ свинарникѣ, въ порядочномъ хозяйствѣ, много чище. Сердце мое не выдержало, и я, выгнавъ всѣхъ обитателей изъ этой мурьи, принялась все чистить, мыть и прибирать, какъ наемная поломойка. Я такъ и не видала вашего храма Абу-Симбель, но зато видѣла столько пыли и грязи, что трудно себѣ представить, чтобы такое жилье, ве-

личиной съ сорочье гнѣздо, могло вмѣщать все это. Правда, я провозилась въ ихъ мурьѣ часа полтора, но за то, когда покончила съ приборкой, эта хижина была чиста, какъ новенькій деревянный ящичекъ. У меня былъ съ собой № „New-Jork Herald» (Нью-Іоркскій Герольдъ), и я выложила имъ ихъ полки, на которыя въ добромъ порядкѣ разставила ихъ горшки. Когда все было кончено, я вышла на дворъ, чтобы умыть лицо и руки, ставшія темно-кофейнаго цвѣта отъ пыли и грязи, и когда, умывшись, снова проходила черезъ домъ, на порогѣ сидѣли ребята, опять такіе же мазаные и грязные, съ кучей мухъ вокругъ глазъ и новыми прорѣхами на рубашенкахъ, только на головѣ у каждаго изъ нихъ было по бумажному колпаку, сдѣланному изъ моей газеты... Однако, Сади, уже скоро 10 часовъ, а завтра надо рано встать...

— О, но этотъ пурпуровый горизонтъ и свѣтлыя, точно серебряныя звѣзды такъ прекрасны, что съ ними жаль разстаться!—воскликнула дѣвушка.—Посмотрите только на эту тихую, безмолвную пустыню и эти темные силуэты холмовъ тамъ, вдали... Глядя на нихъ, какъ-то невольно становится жутко, и если подумать, что мы теперь находимся на самомъ краю цивилизованнаго міра, и что тамъ, за гранью этой свѣтлой полосы, уже нѣтъ ничего, кромѣ дикихъ, кровожадныхъ побужденій, то начинаетъ казаться, будто стоишь на краю великолѣпнаго, дѣйствующаго вулкана... и хорошо, и страшно, и какъ-то торжественно на душѣ!

— Шшъ, Сади, не говори такъ, дитя мое! У меня мурашки по спинѣ бѣгутъ, когда я тебя слушаю...—сказала миссъ Адамсъ старшая.

— Но взгляните только на эту безпредѣльную пустыню которая уходитъ вдаль, насколько только можетъ хватить глазъ, прислушайтесь къ этому унылому напѣву вѣтра, несущагося надъ ней, онъ какъ будто оплакиваетъ что-то, какъ будто ропщетъ... Право, я никогда въ жизни не испытывала столь таинственнаго и торжественнаго настроенія...

Въ это время вдругъ откуда-то изъ-за холмовъ, утопаавшихъ въ сумракѣ по ту сторону рѣки, раздался рѣзкій, жалобный, постепенно расплывающійся вой, перешедшій въ протяжный замирающій вопль.

— Боже правый! Что это?—вся измѣнившись въ лицѣ воскликнула миссъ Адамсъ, вскочивъ съ своего мѣста.

— Это просто шакалъ, миссъ Адамсъ,—поспѣшилъ ее успо-

коить Стефенсъ.—Я слышалъ ихъ крикъ, когда мы ходили смотрѣть сфинксовъ при лунномъ свѣтѣ!

— Будь моя воля,—сказала старая миссъ,—я бы ни за что не поѣхала дальше Ассуана,—я положительно не понимаю, что меня толкнуло везти тебя, моя дѣвочка, на этотъ край свѣта... Твоя мать подумаетъ, что я совсѣмъ потеряла разсудокъ, и я никогда не посмѣю взглянуть ей въ глаза, если съ тобой что-нибудь случится... Я уже всего здѣсь вдоволь насмотрѣлать и хочу теперь только одного, это скорѣе вернуться въ Каиръ!

— Что съ вами, тетя? Съ чего вы вдругъ такъ встревожились? Это совсѣмъ не похоже на васъ, я никогда не видала васъ малодушной!

— Я и сама не знаю, что со мною, Сади, но чувствую себя не совсѣмъ хорошо, а этотъ вой шакала какъ-то особенно разстроилъ меня... Я утѣшаюсь только тѣмъ, что уже завтра послѣ того, какъ мы посмотримъ этотъ храмъ, или скалу, мы отправимся въ обратный путь; я по горло сыта этими храмами, скалами и холмами, мистеръ Стефенсъ! Вѣрьте мнѣ! Ну, пойдемъ, Сади... Спокойной ночи, мистеръ Стефенсъ... Завтра надо рано вставать!

Съ этими словами обѣ дамы удалились въ свою каюту.

Между тѣмъ monsieur Фардэ воодушевленно, по обыкновенію, бесѣдовалъ съ молодымъ Хидинглей.

— Дервишей никакихъ не существуетъ, мистеръ Хидинглей!—говорилъ онъ на прекрасномъ англійскомъ языкѣ, но растягивая нѣкоторые слоги по французской манерѣ.—Ихъ нѣтъ, они вовсе не существуютъ, говорю вамъ!

— Хмъ, а я полагалъ, что всѣ лѣса кишатъ ими!—возразилъ молодой американецъ.

Monsieur Фардэ взглянулъ по направленію, гдѣ горѣлъ красненькій огонекъ сигары полковника Кочрэнь, и продолжалъ нѣсколько понизивъ голосъ.

— Вы—американецъ и не любите англичанъ, мы въ Европѣ всѣ это отлично знаемъ!

— Ну, я этого не скажу! Мы, конечно, имѣемъ свои претензіи противъ нихъ, и нѣкоторые изъ насъ, преимущественно ирландскаго происхожденія, дѣйствительно не терпятъ англичанъ, но большинство ихъ любовно относится къ своей прежней, старой родинѣ; многое въ англичанахъ возмущаетъ и раздражаетъ насъ порою, но, въ сущности, все же это родственный намъ народъ!

— Eh bien!—сказалъ французъ.—Во всякомъ случаѣ, я могу вамъ сказать то, чего не могъ бы сказать англичанину, не обидѣвъ его, а потому могу сказать, что эти дервиши были выдуманы лордомъ Кромеромъ въ 1885 г., объ этомъ писали и «La Patrie», и другія изъ нашихъ хорошо освѣдомленныхъ газетъ и журналовъ!

— Но это что-то невѣроятное! Неужели вы хотите сказать, monsieur Фардэ, что и осада Хартума, и смерть Гордона, все это было не что иное, какъ грандіозный обманъ, комедія!?

— Я не стану отрицать, что тогда было небольшое возмущеніе, но оно было чисто мѣстное, и о немъ давно уже забыли, а съ того времени въ Суданѣ царили безусловный миръ и спокойствіе!

— Но я слышалъ даже въ послѣднее время о набѣгахъ, читалъ о стычкахъ въ ту пору, корда арабы старались захватить Египетъ. Два дня тому назадъ мы проѣзжали Тоски, и драгоманъ сообщилъ намъ, что тамъ была битва, или сраженіе, неужели и это все обманъ?

— Ба, другъ мой, вы не знаете англичанъ! Вы смотрите на нихъ, на ихъ самодовольныя лица и говорите себѣ: «это славные, добродушные люди, которые никому не желаютъ зла“—но вы ошибаетесь: они все время слѣдятъ, высматриваютъ и стараются нигдѣ не пропустить своей выгоды. «Египетъ слабъ, не будемъ зѣвать!»—говорятъ они и, словно туча морскихъ чаекъ, налетѣли они на страну. «Вы не имѣете на Египетъ никакихъ правъ, убирайтесь вонъ оттуда»,—говорятъ имъ, но Англія уже начала все подчищать, прибирать, приводить въ порядокъ, точь въ точь, какъ наша милая миссъ Адамсъ въ хижинѣ арабовъ. «Убирайтесь вонъ»,—говорятъ имъ.—«Конечно, конечно», отвѣчаетъ Англія,—«подождите только минутку, пока я всего не приведу въ надлежащій порядокъ“. И вотъ ждутъ годъ и полтора, затѣмъ ей снова говорятъ: «Да убирайтесь-же вонъ»!—«Погодите всего еще одну минутку, видите, въ Хартумѣ безпорядки и смуты; какъ только я съ этимъ покончу, то буду рада уйти отсюда». И опять ждутъ, пока все уладится, и тогда опять говорятъ имъ: «Да уберетесь-ли, наконецъ»?!—«Какъ могу я уйти отсюда»,—возражаетъ Англія,—«когда здѣсь все еще продолжаются набѣги и стычки. Если мы не очистимъ Египетъ, то онъ безъ васъ погибнетъ, его сотрутъ съ лица земли». «Но теперь нѣтъ уже никакихъ стычекъ и набѣговъ»,—возражаютъ ей.—«Нѣтъ? Развѣ нѣтъ набѣговъ»?—спрашиваетъ

Англія,—и смотришь, спустя каку-нибудь недѣлю, а то и меньше, газеты уже съ шумомъ оповѣщаютъ цѣлый міръ о новомъ набѣгѣ дервишей. О, мы не такъ слѣпы, какъ они думаютъ! Нѣтъ, мистеръ Хидинглей, мы отлично понимаемъ какъ подобныя штуки устраиваются: нѣсколько десятковъ бедуиновъ, небольшой бакшишъ, нѣсколько десятковъ холостыхъ патроновъ,—и вотъ вамъ набѣгъ!

— Все это прекрасно, и я очень доволенъ, что узналъ, какъ это на самомъ дѣлѣ дѣлается, такъ какъ я не рѣдко положительно недоумѣвалъ. Но, скажите мнѣ, какая отъ всего этого выгода для Англіи?

— Какая выгода? Она фактически владѣетъ страной!

— А-а, понимаю, она находитъ прекрасный рынокъ для сбыта англійскихъ товаровъ!

— И этого мало. Она отдаетъ всѣ выгоднѣйшія концессіи англичанамъ; хотя-бы взять для примѣра желѣзную дорогу, идущую вдоль теченія Нила черезъ всю страну. Это было-бы весьма выгодное для Англіи предпріятіе, какъ вы полагаете?

— Безъ сомнѣнія! Кромѣ того, Египетъ, вѣроятно, долженъ содержать всѣхъ этихъ красно-мундирщиковъ?

— Египетъ, нѣтъ, monsieur, имъ платятъ и ихъ содержитъ Англія!

— Но, въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, что англичане тратятъ здѣсь много денегъ и труда и взамѣнъ всего этого получаютъ не Богъ вѣсть какую прибыль, но они, конечно, лучше меня знаютъ свое дѣло, и если имъ не надоѣло постоянно поддерживать порядокъ въ странѣ, охранять границы отъ набѣговъ дервишей, то я, право, не вижу, зачѣмъ другимъ протестовать противъ этого. А, вѣдь, никто, полагаю, не можетъ отрицать, что благоденствіе страны значительно увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ англичане пришли сюда, и, какъ слышу, бѣднѣйшее населеніе страны теперь легче можетъ добиться справедливости, чѣмъ раньше!

— Пусть такъ!—воскликнулъ французъ.—Но, скажите мнѣ на милость, что они тутъ дѣлаютъ? Кто ихъ звалъ сюда? Пусть они торчатъ у себя, на своемъ островѣ! Не можемъ-же мы допустить, чтобы они разбрелись по всему свѣту.

— Да, конечно, мы, американцы, живемъ у себя и въ другія страны не лѣземъ, но это потому, что у насъ пока земли въ волю. Ну, а если-бы мы расплодились настолько, что стали-бы сталкивать другъ друга въ море, то и мы были-бы принуждены

присоединять себѣ чужія земли. Въ настоящее же время хозяйничаютъ здѣсь, въ Абиссиніи,—итальянцы, въ Египтѣ—англичане, въ Алжирѣ—французы!

— Французы!—воскликнулъ monsieur Фардэ. — Алжиръ принадлежитъ Франціи, monsieur, вы, вѣроятно, изволите смѣяться! Честь имѣю пожелать вамъ покойной ночи!—съ этими словами онъ довольно порывисто всталъ и удалился, съ видимымъ чувсвомъ оскорбленнаго патріотизма. въ свою каюту.

II.

Молодой американецъ стоялъ съ минуту въ нерѣшимости, идти-ли ему внизъ и занести въ свой путевой дневникъ впечатлѣнія дня, какъ онъ то дѣлалъ ежедневно, по просьбѣ сестры, оставшейся дома, или-же присоединиться къ полковнику Кочрэнь и Сесилю Броунъ, огоньки сигаръ которыхъ свѣтились въ дальнемъ концѣ палубы.

— Идите сюда, Хидинглей!—крикнулъ полковникъ, подвигая ему складной стулъ. — Идите, я вижу, что Фардэ начинилъ васъ политикой, мы здѣсь полечимъ васъ отъ его болѣзни!

— Мнѣ подобные разговоры о политикѣ кажутся настоящимъ преступленіемъ въ такую ночь, какъ эта, — сказалъ молодой денди-дипломатъ.—Какой дивный ноктюрнъ въ голубыхъ тонахъ! Точное воплощеніе одной изъ дивныхъ пѣсенъ Мендельсона, гдѣ всѣ тѣ тончайшіе оттѣнки ощущеній, которыхъ мы не можемъ выразить въ словахъ, передаются нѣжной гармоніей звуковъ!

— Сегодня пустыня и весь этотъ пейзажъ какъ-то особенно суровы и мрачны — сказалъ американецъ.—Они производятъ на меня впечатлѣніе безпощадной силы и мощи всесокрушающаго Атлантическаго океана въ холодный и пасмурный зимній день. Быть можетъ, это впечатлѣніе получается вслѣдствіе того, что мы знаемъ, что находимся на рубежѣ цивилизованнаго міра, и что за этимъ рубежомъ не существуетъ никакихъ правъ и законовъ. Не знаете-ли, полковникъ, далеко-ли мы сейчасъ отъ дервишей?

— Хмъ, на арабской сторонѣ,—сказалъ полковникъ Кочрэнь,—мы имѣемъ египетскій укрѣпленный лагерь Сарра, въ 40 миляхъ къ югу отсюда, за которымъ на протяженіи 60 миль раскинулась совершенно дикая мѣстность: за предѣлами ея

находится дервишскій постъ Акашехъ; по сю-же сторону насъ ничто отъ дервишей не отдѣляетъ, здѣсь они считаютъ себя хозяевами!

— А Абукиръ, кажется, на этой сторонѣ?

— Да, вслѣдствіе этого въ послѣдніе годы воспрещалось туристамъ предпринимать экскурсіи къ скалѣ Абукиръ, но теперь здѣсь гораздо спокойнѣе!

— Что же, собственно говоря, мѣшаетъ имъ являться сюда? — спросилъ Хидинглей

— Рѣшительно ничего!—отвѣтилъ Сесиль Броунъ.

— Ничего, кромѣ чувства, страха и опасенія, что имъ не удастся вернуться въ свою кочевку. Это не такъ-то легко сдѣлать, когда ихъ верблюды будутъ истощены длиннымъ переходомъ черезъ пустыню, а животныя гарнизона Хальфы, свѣжіе и въ отличномъ состояніи, будутъ преслѣдовать ихъ по пятамъ!

— Ну, на ихъ чувство страха, мнѣ кажется, не слишкомъ можно полагаться!—своимъ обычнымъ, небрежнымъ сонливымъ тономъ замѣтилъ молодой дипломатъ.—Многіе изъ нихъ не только не боятся, а даже ищутъ смерти и больше всего полагаются на волю судьбы. Всѣ они безпредѣльные фаталисты, это не подлежитъ сомнѣнію!

— Такъ вы полагаете, что эти дервиши серьезная опасность для Египта?—спросилъ Хидинглей.—Monsieur Фардэ, напротивъ, полагаетъ, что эта опасность не столь велика!

— Я не богатый человѣкъ, мистеръ Хидинглей,—сказалъ полковникъ Кочрэнь-Кочрэнь, — но готовъ поставить на карту все, что имѣю, за то, что не позднѣе, чѣмъ черезъ три года послѣ того, какъ англичане очистятъ Египетъ и предоставятъ его своимъ собственнымъ силамъ, дервиши будутъ на побережьи Средиземнаго моря, и тогда, прощай, вся современная и древняя цивилизація Египта! Прощайте, всѣ сотни милліоновъ, потраченныхъ на эту страну! Прощай, всѣ тѣ великіе памятники древности, которые такъ драгоцѣнны теперь въ нашихъ глазахъ!

— Однако, полковникъ,—смѣясь, возразилъ молодой американецъ,—вы, конечно, не думаете, что они разрушатъ пирамиды?

— Трудно сказать, что они могутъ сдѣлать! Вѣдь, въ свой послѣдній набѣгъ на эту страну они сожгли библіотеку Але-

ксандріи. Вы знаете, что, согласно Корану, всякое изображеніе или подобіе человѣка есть грѣховный предметъ и на этомъ основаніи они будутъ разрушать и сфинксы, и колоссы, и статуи Абу-Симбеля!

— Ну, предположимъ, что все это такъ, тѣмъ не менѣе, я не могу понять, какой интересъ, какая выгода англичанамъ тратить столько средствъ и силъ и заботъ на эту страну; какое преимущество имѣетъ она отъ этого передъ Франціей и Германіей, напримѣръ, которыя не тратятъ на Египетъ ни цента?

— Тоже самое спрашиваютъ и многіе англичане, — замѣтилъ Сесиль Браунъ,—я того мнѣнія, что мы уже достаточно долго несли обязанности всемірной полиціи. Мы очищали моря отъ пиратовъ и работорговцевъ, теперь мы освобождаемъ и очищаемъ эту страну отъ дервишей и разбойниковъ и постоянно, вездѣ и всюду стоимъ на стражѣ интересовъ цивилизаціи. И всѣ къ этому до того привыкли, что, что-бы ни случилось на этой планетѣ, весь свѣтъ въ одинъ голосъ восклицаетъ: что же смотритъ Англія! Возстанутъ ли курды въ Малой Азіи, или разразиться военный бунтъ въ Египтѣ, или походъ въ Суданъ,—все это спрашивается съ Англіи. И за всѣ свои хлопоты и труды, какъ это всегда бываетъ, получаемъ только брань и пинки, какъ настоящіе полисмены, когда они арестуютъ какого-нибудь негодяя. И зачѣмъ только мы это дѣлаемъ? Пусть Европа сама блюдетъ свои интересы и дѣлаетъ для себя свою черную работу!

— Такъ-съ! — сказалъ полковникъ Кочрэнъ-Кочрэнъ, скрестивъ свои вытянутыя ноги и откидываясь на спинку своего стула, какъ человѣкъ, собирающійся высказать свое строго установившееся мнѣніе. — Я долженъ вамъ сказать, Броунъ, что совершенно не согласенъ съ вами! Вы высказали крайне узкій взглядъ на наши національныя и общечеловѣческія обязанности. Я полагаю, что, превыше всякой дипломатіи и чисто національныхъ интересовъ, есть великая, правящая міромъ и судьбами людей и народовъ сила, извлекающая изъ каждаго народа все, что онъ можетъ дать лучшаго, и отдающая все это на общее благо всего человѣчества. Какъ только какой-нибудь народъ перестаетъ быть пригоднымъ для этой цѣли, онъ тотчасъ-же отчисляется въ запасъ изъ дѣйствующей арміи на нѣсколько вѣковъ, пока не вернетъ себѣ прежнія силы и доблести. Это мы видѣли на

Греціи, Римѣ, Испаніи. Я глубоко убѣжденъ, что ни одинъ человѣкъ, ни одинъ народъ не существуетъ на землѣ для того только, чтобы дѣлать то, что пріятно и что выгодно, и часто бываетъ призванъ дѣлать именно то, что ему и непріятно, и не выгодно, — но что должно послужить ко всеобщему благу, и никто не вправѣ отказываться отъ своей миссіи!

Хидинглей сочувственно закивалъ головой.

— У каждаго народа есть свое назначеніе: Германія посвятила себя абстрактнымъ идеямъ, Франція — литературѣ и другимъ изящнымъ искусствамъ, а Англія и Америка одарены, въ лицѣ лучшихъ нашихъ людей, искусствомъ совмѣщенія моральнаго смысла жизни и общественныхъ обязанностей. Эти два качества всегда необходимы для направленія слабѣйшихъ народовъ на путь къ благоустройству и прогрессу. Такимъ именно образомъ мы правимъ Индіей; мы попали туда какъ-бы въ силу какого-то естественнаго закона, подобно воздуху, врывающемуся въ пустоту!

„Это-же потянуло насъ на другой конецъ земного шара, вопреки всякимъ нашимъ интересамъ. Міръ тѣсенъ и становится все тѣснѣе, все меньше съ каждымъ годомъ. Это одно органическое тѣло, и одного зараженнаго гангренознымъ воспаленіемъ мѣста достаточно, чтобы заразить все тѣло. Потому-то на землѣ нѣтъ мѣста безчестному, порочному и тираническому правленію, и пока будутъ существовать таковые, до тѣхъ поръ они всегда будутъ порождать смуты, безпорядки и опасности. Но есть народы, столь неспособные къ совершенствованію, что не остается никакой надежды на то, чтобы они могли создать себѣ когда-либо хорошее правительство,—и тогда, въ былыя времена, являлись Атилла и Тамерланъ, стирая съ лица земли такіе народы; въ настоящее же время ихъ беретъ подъ свою опеку или подъ свое руководство какой-нибудь другой народъ, болѣе способный къ созданію прочной государственности, какъ случилось это съ Средне-Азіатскими ханствами, или здѣсь, въ Египтѣ. И разъ это должно быть сдѣлано, а мы, англичане, всѣхъ болѣе способны выполнить эту задачу, то намъ грѣшно было бы отказываться отъ нея.

— Пусть такъ,—согласился, улыбаясь, Хидинглей. — Но кто сказалъ вамъ, что именно вы къ тому призваны? Вѣдь, на такомъ основаніи всякая хищническая страна можетъ захватить любую страну въ мірѣ. Что будетъ намъ служить пору-

кой, что именно вамъ суждено просвѣщать и водворять порядокъ повсюду?

— Что? Событія! Неумолимый и неизбѣжный ходъ событій может служить тому доказательствомъ! Возьмите хотя-бы эту страну. Въ 1881 г. никто изъ насъ не помышляетъ объ Египтѣ, но избіеніе въ улицахъ Александріи и наведенныя на нашъ флотъ жерла орудій повели къ бомбардировкѣ; бомбардировка повела къ высадкѣ; высадка вызвала расширеніе военныхъ операцій, — и вотъ Египетъ остался у насъ на рукахъ. Во время безпорядковъ мы звали, мы молили Францію или кого-либо другого прійти помочь намъ, но всѣ оставили насъ, когда въ нихъ была здѣсь серьезная надобность. А теперь, когда мы здѣсь ввели законы и порядки и установили надлежащую администрацію, когда страна въ двѣнадцать-пятнадцать лѣтъ сдѣлала больше успѣховъ на пути прогресса, чѣмъ за все время съ нашествія мусульманъ,—они всѣ рады бранить насъ и возставать на насъ. Я полагаю, что въ исторіи вы не найдете другого примѣра такого безкорыстнаго труда!

Хидинглей глубокомысленно покуривалъ свою сигару.

— У насъ въ Бостонѣ, на Бэкъ-Бей, стоитъ старый безобразный домъ,—началъ онъ медленно и разсудительно,—этотъ домъ портитъ положительно весь видъ. Онъ весь на половину сгнилъ и развалился, ставни безпомощно висятъ, садъ совершенно заглохъ,—но я, право, не знаю, въ правѣ ли сосѣди ворваться въ этотъ садъ и этотъ домъ, начать хозяйничать въ немъ по своему усмотрѣнію и наводить свои порядки!

— Вы думаете, что они не имѣли бы на то права, даже если-бы этотъ домъ горѣлъ?—спросилъ полковникъ.

— Ну, этого, кажется, не предусмотрѣно въ доктринѣ Монроэ, полковникъ!—отвѣтилъ, улыбаясь, молодой американецъ, вставая со стула. Оба англичанина также поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Тѣмъ не менѣе, это какой-то странный капризъ судьбы,—замѣтилъ Сесиль Броунъ,—что ей было угодно послать людей, съ маленькаго, затерявшагося среди Атлантическаго океана острова, управлять страною фараоновъ. Но можно сказать почти съ увѣренностью, что мы пройдемъ, не оставивъ здѣсь, т. е. въ исторіи этой страны, никакого слѣда, потому что у насъ, англо-саксовъ, не въ обычаѣ запечатлѣвать свои подвиги на скалахъ, въ назиданіе грядущимъ вѣкамъ. И я готовъ поручиться, что съ теченіемъ вѣковъ остатки нашей системы

дренажа Каира будутъ нашимъ прочнѣйшимъ памятникомъ въ этой странѣ, если только они тысячу лѣтъ спустя не будутъ приписаны работамъ какого-нибудь изъ царей гиксосовъ. Однако, вонъ наши вернулись уже съ прогулки на берегу!

Дѣйствительно, снизу доносился мелодичный голосъ мистриссъ Бельмонтъ и глубокій басъ ея супруга. Мистеръ Стюартъ спорилъ изъ-за нѣсколькихъ піастровъ съ бойкимъ и задорнымъ погонщикомъ муловъ, а остальные его компаньоны пытались уладить ихъ споръ. Затѣмъ трое нашихъ собесѣдниковъ встрѣтили вернувшихся у траппа; всѣ обмѣнялись прощальными привѣтствіями и разошлись по своимъ каютамъ. И вскорѣ маленькій «Короско», безмолвный и неподвижный, чернѣясь въ густомъ сумракѣ тѣни, которую кидалъ на рѣку высокій берегъ Хальфы, какъ будто тоже погрузился въ сонъ.

III.

«Стоппа! Бакка!» (Стопъ, назадъ!) — крикнулъ туземецъ лоцманъ англійскому механику «Короско» въ тотъ моментъ, когда маленькій пароходикъ врѣзался носомъ въ коричневый береговой илъ, а теченіе прибило его такъ, что онъ сталъ вдоль берега. Длинный мостикъ былъ перекинутъ, и шесть человѣкъ рослыхъ солдатъ въ небесно-голубыхъ мундирахъ Суданскаго регулярнаго корпуса, которые предназначались для эскорта туристовъ, ровнымъ, мѣрнымъ шагомъ сошли на берегъ; они смотрѣли бравыми молодцами, и прямыя, стройныя фигуры ихъ красиво выдѣлялись на ослѣпительно яркомъ фонѣ утренняго неба.

На высокомъ берегу, вдоль самой кручи, выстроили рядъ осѣдланныхъ осликовъ, приготовленныхъ для туристовъ, а въ воздухѣ висѣлъ неумолчный гомонъ крикливыхъ, разноголосыхъ черномазыхъ мальчугановъ-погонщиковъ; каждый изъ нихъ своимъ гортаннымъ пронзительнымъ голосомъ выкрикивалъ достоинства своего животнаго, всячески пороча осла своего товарища.

— Какъ жаль, что ваша супруга не ѣдетъ съ нами, Бельмонтъ!—замѣтилъ полковникъ Кочрэнь-Кочрэнь.

— Я боюсь, что она схватила легонькій солнечный ударъ вчера, у нея страшная головная боль!

— Я хотѣла остаться, чтобы она не была одна,—сказала сердобольная и самоотверженная миссъ Адамсъ,—но узнала,

что мистриссъ Шлезингеръ отказалась участвовать въ поѣздкѣ изъ опасенія, что она будетъ слишкомъ утомительна для ея ребенка, слѣдовательно, мистриссъ Бельмонтъ не будетъ одна!

— Вы очень добры, миссъ Адамсъ, но жена моя, вѣроятно не успѣетъ соскучиться; вѣдь, часамъ къ двумъ мы будемъ уже здѣсь!—сказалъ ирландскій Фрейшютцъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Хотя бы уже потому, что мы не беремъ съ собой никакой провизіи, а я надѣюсь, что нашъ проводникъ не задался мыслью заставить насъ умереть съ голода!

— Будемъ надѣяться!—отозвался полковникъ.—Эта пустыня обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ придавать особый вкусъ и прелесть даже самому скверному вину; наглотавшись пыли, всегда бываешь особенно радъ проглотить что-нибудь получше этого!

— Высокоуважаемые лэди и джентльмены!—провозгласилъ обычнымъ торжественнымъ и звучнымъ голосомъ Мансуръ, драгоманъ и проводникъ.—Мы должны выступить въ путь немедленно, чтобы вернуться до полуденнаго жара, который здѣсь въ пустынѣ совершенно нестерпимъ. Совѣтую вамъ, господа, вооружиться вуалями, синими или, лучше, зелеными, потому что свѣтъ ослѣпительно ярокъ для глазъ. Вамъ, мистеръ Стюартъ, я приготовилъ отмѣннаго, призового осла, котораго мы всегда приберегаемъ для людей собенно полновѣсныхъ... Такъ-съ... теперь, высокоуважаемые лэди и джентльмены, прошу сходить на берегъ!

Всѣ стали, одни за другими, спускаться съ мостика и затѣмъ взбираться на крутой, высоко вздымавшійся берегъ. Впереди всѣхъ выступалъ Стефенсъ, тонкій, сухопарый, обстоятельный даже въ походкѣ, съ неразлучнымъ Бедекэромъ въ ярко-пунцовомъ переплетѣ подъ мышкой. Онъ любезно предложилъ одну руку миссъ Адамсъ, а другую ея прелестной племянницѣ, чтобы помочь имъ взобраться, при этомъ книга выскользнула у него изъ подъ руки и полетѣла внизъ, подъ ноги слѣдующей пары, при громкомъ дѣтскомъ смѣхѣ миссъ Сади. Полковникъ Кочрэнъ любезно подобралъ книгу, которую у него взяла Сади и, прижимая ее къ груди, увѣряла, что донесетъ ее болѣе благополучно до верху, чѣмъ ея «законный» владѣлецъ. За полковникомъ, рядомъ съ которымъ горделиво выступалъ Бельмонтъ, слѣдовалъ медлительный и равнодушный ко всему молодой дипломатъ, а за нимъ тучный священнослу-

житель и, наконецъ, стройный, легкій и сильный Хидинглен и добродушный, болтливый Фардэ, который замѣтилъ:

— Какъ видите, мы сегодня съ эскортомъ!

— Да, я ужъ это замѣтилъ!

— Псс!..—воскликнулъ французъ, вскидывая вверхъ руки комическимъ жестомъ.—Это все равно, что брать эскортъ отъ Парижа до Версаля! Все это та-же комедія, mon ami! Она, конечно, никого не проведетъ, но это входитъ въ составъ программы. Pourquoi ces drôles de militaires, dragoman, hein? (Къ чему эти бѣдняги солдаты? А?) — обратился онъ къ Мансуру.

Такъ какъ роль драгомана состояла въ томъ, чтобы угождать всѣмъ и каждому, то осторожно, оглянувшись кругомъ и убѣдившись, что никого изъ англичанъ нѣтъ по близости, онъ отвѣчалъ:

— C'est ridicule monsieur! Mais que voulez-vous? C'est l'ordre officiel egyptien! (Это смѣшно, но что вы хотите, таково оффиціальное предписаніе египетскаго правительства).

— Egyptien! Bah, dites anglais, toujours anglais (Египетскаго! Скажите лучше англійскаго, исключительно англійскаго!).

Забавно выглядѣла эта пестрая кавалькада; люди, никогда не садившіеся верхомъ, принуждены здѣсь взгромоздиться наословъ; когда эти ослы пустятся вскачь, а нильская кавалерія мчится во весь опоръ, такую забавную картину съ развѣвающимися по вѣтру длинными вуалями, разнообразными, неуклюже болтающимися въ сѣдлѣ фигурами туристовъ, размахиваніемъ рукъ и непроизвольнымъ мотаніемъ головъ, — трудно увидѣть еще гдѣ-либо. Бельмонтъ, прямой, какъ шестъ, на маленькомъ бѣленькомъ осликѣ, махалъ шляпой въ воздухѣ, посылая прощальный привѣтъ женѣ, поднявшейся на палубу, чтобы проводить его. Кочрэнъ, соблюдая строго кавалерійскую посадку, ѣхалъ подлѣ него; немного позади ѣхалъ Сесиль Броунъ съ такой физіономіей, словно онъ считалъ пустыню едва ли приличнымъ мѣстомъ для себя, да и вообще сомнѣвался даже насчетъ добропорядочности цѣлаго міра. Позади нихъ тянулись остальные. Подлѣ каждаго бѣжалъ черномазый крикливый мальчишка, подымая цѣлыя облака пыли своими босыми ногами.

— Право, какъ все это восхитительно и прекрасно!—весело воскликнула Сади. — Мой оселъ бѣжитъ, какъ на роликахъ,

а сѣдло у меня покойное, точно люлька. И посмотришь, какъ красивы, какъ кокетливы эти украшенія на уздечкѣ! Нѣтъ, право, вы должны написать тето, ге осленокъ, мистеръ Стефенсъ!—шутила дѣвушка.

Стефенсъ смотрѣлъ на оживленное дѣтское личико своей прелестной спутницы, привѣтливо улыбавшееся ему изъ-подъ кокетливой соломенной шляпки, и ему хотѣлось сказать ей такъ-же искренно и просто, какъ всегда говорила она, что она восхитительна и прекрасна, — но его смущалъ страхъ, что онъ этимъ можетъ обидѣть, прогнѣвать ее своими словами и испортить ихъ милую дружбу, которою онъ такъ дорожилъ. И, вмѣсто того искренняго признанія, онъ только улыбнулся ей и сказалъ:

— Вы, кажется, особенно счастливы сегодня?

— Да, кто бы не былъ счастливъ и доволенъ на моемъ мѣстѣ, вдыхая въ себя этотъ чистый вольный воздухъ, видя надъ головой своей это чудное голубое небо, а кругомъ этотъ искрящійся желтый песокъ, сидя на превосходномъ животномъ, кроткомъ и послушномъ! У меня все есть, чтобы быть и чувствовать себя счастливой!—сказала она.

— Все?—переспросилъ Стефенсъ.

— Все, что мнѣ требуется въ данный моментъ для моего счастья!

— Мнѣ кажется, что вы еще не разу не испытали, что значитъ чувствовать себя несчастной!

— О, нѣтъ, я иногда чувствую себя ужасно несчастной, бывало я плакала цѣлыми днями, когда была еще въ Смисъ-колледжѣ, и другія дѣвушки просто до бѣшенства доходили, желая узнать причину моей горести, тогда какъ, въ сущности, я и сама не знала никакой причины. Вы знаете, иногда находитъ на человѣка, Богъ вѣсть отчего, безпричинная тоска словно все кругомъ вдругъ затянетъ черной пеленой, и хочешь—не хочешь, а ты чувствуешь себя глубоко несчастной, хотя и не понимаешь, не можешь дать себѣ отчета, въ чемъ именно состоитъ твое горе!

— Но у васъ, вѣроятно, никогда не было серьезной дѣйствительной причины?

— Нѣтъ, мистеръ Стефенсъ, вся моя жизнь, можно сказать, была до настоящаго времени сплошнымъ праздникомъ, и когда я теперь оглядываюсь назадъ, то должна сознаться, что никогда не имѣла основанія чувствовать себя несчастной!

— Отъ всего сердца желаю вамъ, миссъ Сади, чтобы вы могли сказать то-же самое, когда доживете до лѣтъ вашей тетушки, которая, кажется, что-то кричитъ намъ!

— Я желала бы, мистеръ Стефенсъ, чтобы вы ударили моего погонщика, который не перестаетъ все время дубасить это несчастное животное, не взирая на мой протестъ!—кричала миссъ Адамсъ, поравнявшись съ племянницей и ея спутникомъ. — Эй, драгоманъ Мансуръ, скажите этому скверному мальчишкѣ, что я не потерплю, чтобы онъ мучалъ бѣдное животное! Скажите, что ему должно быть стыдно! Да, да, маленькій негодяй! Ты долженъ стыдиться!... Смотрите, онъ еще скалитъ на меня зубы, точно реклама зубной пасты! Этакій мерзкій мальчишка! Что вы думаете, мистеръ Стефенсъ, не связать ли мнѣ этому черномазому солдату пару шерстяныхъ чулокъ и позволятъ ли ему ихъ носить? А то этотъ бѣдняга имѣетъ повязки на ногахъ.

— Это его путти, миссъ Адамсъ,—пояснилъ полковникъ Кочрэнъ,—мы въ Индіи убѣдились, что это превосходно поддерживаетъ ногу во время ходьбы; это несравненно лучше всякихъ чулокъ!

— Ну, не скажу,—возразила миссъ Адамсъ,—это ужасно напоминаетъ скаковую лошадь, у которой забинтованы ноги. Но все-же это очень торжественно, что мы сегодня находимся въ сопровожденіи эскорта, хотя monsieur Фардэ и говоритъ мнѣ, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности!

— Это только мое личное мнѣніе, миссъ Адамсъ,—сказалъ французъ,—весьма возможно, что полковникъ Кочрэнъ держится совершенно другого мнѣнія!

— Это мнѣніе, monsieur Фардэ, діаметрально противоположно мнѣнію гг. военныхъ, которымъ поручено заботиться о безопасности границы,—холодно отозвался Кочрэнъ-Кочрэнъ,— но я надѣюсь, что всѣ должны со мной согласиться, что эти чернолицые воины въ своихъ яркихъ мундирахъ несомнѣнно придаютъ живописность окружающей обстановкѣ!

Кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ, составлявшихъ эскортъ туристовъ, то тутъ, то тамъ словно выросталъ изъ земли черномазый солдатъ въ небесно-голубомъ мундирѣ, быстро шагавшій по песку пустыни съ ружьемъ за плечомъ; на мгновеніе худая, воинственная фигура его рѣзкимъ силуэтомъ вырисовывалась на яркомъ фонѣ неба и затѣмъ вдругъ словно проваливалась въ землю и исчезала, тогда какъ на разстояніи

сотни шаговъ выросталъ изъ земли другой солдатъ, съ тѣмъ, чтобы исчезнуть точно такимъ же образомъ.

— Откуда они берутся?—спросила Сади, слѣдя глазами за этими голубыми фигурами.

— Я такъ и полагалъ, что вы пожелаете узнать объ этомъ,— сказалъ Стефенсъ, который былъ всегда особенно счастливъ, когда ему удавалось предугадать какое-нибудь желаніе хорошенькой американки,—и я сегодня утромъ справился нарочно въ нашей судовой библіотечкѣ.—Вотъ оно и есть, ге, т. е. о черныхъ солдатахъ. Здѣсь сказано, что они принадлежатъ къ 10 Суданскому батальону Египетской арміи; они набираются изъ племени Динка и Шиллукъ, двухъ негритянскихъ племенъ, живущихъ къ югу отъ страны дервишей—въ экваторіальной области!

— Какъ же эти рекруты пробираются черезъ страну дервишей?—спросилъ Хидингслей.

— Я полагаю, что это не представляетъ особаго затрудненія!—пробормоталъ monsieur Фардэ, многозначительно подмигнувъ молодому американцу.

— Старѣйшіе солдаты,—пояснилъ полковникъ Кочрэнъ,— представляютъ собою остатки прежняго Чернаго батальона; большинство ихъ служили еще при Гордонѣ въ Хартумѣ; остальные же, по большей части, дезертиры изъ арміи Махди!

— Ну, пока въ нихъ не представляется надобности, я готова согласиться, что они выглядятъ очень красиво въ своихъ голубыхъ курткахъ, съ медалями на груди!—замѣтила миссъ Адамсъ.—Но если бы были какіе-нибудь безпорядки или что либо въ этомъ родѣ, то полагаю, что для насъ было бы пріятнѣе, чтобы они были менѣе живописны, но не столь черны!

— Не могу съ вами согласиться, миссъ Адамсъ!—возразилъ Кочрэнъ.—Я ихъ видѣлъ въ дѣлѣ и могу васъ увѣрить, что на нихъ вполнѣ можно положиться!

— Ужъ такъ и быть, я положусь на ваше слово, полковникъ! — тономъ безповоротной рѣшимости произнесла миссъ Адамсъ, и на этомъ разговоръ на время прекратился.

До сихъ поръ путь лежалъ по берегу рѣки, извивавшейся влѣво отъ нашихъ туристовъ. Въ этомъ мѣстѣ Нилъ былъ широкъ, могучъ и глубокъ, благодаря близости пороговъ. Немного выше уже виднѣлись черные валуны, увѣнчанные бѣлою пѣной, и самый берегъ становился скалистымъ; среди этихъ скалъ выдѣлялся громадный, своеобразный, далеко выдвинув-

шійся впередъ утесъ съ полу-круглой площадью, образующей вершину. Всѣмъ сразу стало ясно, что это и есть знаменитый рубежъ дикой Африки и цивилизованнаго Египта. Маленькая кавалькада пустила своихъ ословъ галопомъ. Вдали виднѣлись на желтомъ фонѣ песка пустыни группы черныхъ скалъ и среди нихъ высились обломки колоннъ и полуразрушенныхъ стѣнъ. Проворный и словоохотливый драгоманъ соскочилъ съ своего осла и, принявъ живописную позу, сталъ въ ожиданіи, чтобы подъѣхали и отсталые и собрались вокругъ него.

— Этотъ храмъ, высокочтимые леди и джентльмены,—возгласилъ онъ громкимъ голосомъ аукціониста, собирающагося продать цѣнную вещь тому, кто дастъ за нее больше,—этотъ храмъ, господа, великолѣпный памятникъ восемнадцатой династіи! Вотъ и изображеніе, барельефъ, Тутмеса III-го,—и онъ указалъ концомъ своего хлыста на рѣзко выдѣлявшіеся на стѣнѣ іероглифы у себя надъ головой.—Онъ жилъ за 1600 лѣтъ до Христа, и письмена эти начертаны здѣсь для увѣковѣченія памяти о его побѣдоносномъ нашествіи въ Месопотамію. Здѣсь мы видимъ изображеніе всей исторіи его жизни, начиная съ дѣтскаго возраста и вплоть до его возвращенія въ Египетъ съ толпами плѣнниковъ, привязанныхъ къ его колесницѣ. Здѣсь вы видите, какъ его вѣнчаетъ нижній Египетъ, а верхній Египетъ приноситъ жертвы въ честь его побѣды великому Богу Аммону-ра. А вотъ здѣсь онъ влечетъ за собой своихъ плѣнныхъ и, по обычаю того времени, отрубаетъ каждому изъ нихъ правую руку. Вотъ въ этомъ углу вы видите небольшую кучку. Это все правыя руки плѣнниковъ!

— Боже правый! Не желала бы я быть здѣсь въ тѣ времена!—воскликнула миссъ Адамсъ.

— Здѣсь и сейчасъ ничто не измѣнилось!—небрежно урокилъ Сесиль Броунъ. — Востокъ остался тѣмъ же Востокомъ. Я ничуть не сомнѣваюсь, что на разстояніи какой-нибудь сотни миль отсюда, а, быть можетъ, и ближе...

— Да полно вамъ!—остановилъ его шепотомъ Кочрэнъ.

— А это что?—освѣдомился проповѣдникъ Джонъ Стюартъ, указывая длиннымъ ассуанскимъ тростникомъ на одну изъ фигуръ на стѣнѣ.

— Это гиппопотамъ!—пояснилъ драгоманъ.

— Гиппопотамъ! — воскликнули хоромъ туристы. — Да,

вѣдь, онъ не больше поросенка! Смотрите, царь, шутя, пронзилъ его своимъ копьемъ!

— Это они нарочно изобразили его малымъ, чтобы показать, что для царя такое дѣло сущій пустякъ,—объяснилъ Мансуръ,—такъ вы видите, напр., что всѣ его плѣнники не достигаютъ даже колѣнъ Фараона, и это отнюдь не значитъ, что эти люди были столь малорослы или что фараонъ былъ такого громаднаго роста, но этимъ хотѣли выразить, что онъ былъ несравненно могущественнѣе и сильнѣе этихъ людей, что онъ былъ великъ и могучъ. Вы видите также здѣсь, что онъ больше своего коня, и это тоже потому, что онъ фараонъ, царь, а это животное только лошадь. Точно также вотъ эти женщины, которыя здѣсь изображены, онѣ тоже крошечныя, въ сравненіи съ фигурой царя, потому что онъ великъ и могучъ, и это его маленькія жены.

— Вотъ прекрасно! — возмущенно воскликнула миссъ Адамсъ.—Значитъ, если бы они здѣсь изобразили его душу, то, вѣроятно, пришлось бы ее разсматривать въ лупу! Вѣдь, стоитъ только подумать, что онъ позволилъ изобразить въ такомъ видѣ своихъ женъ!

— Если бы эти іероглифы были начертаны въ настоящее время,—любезно сказалъ monsieur Фардэ,—то, вѣроятно, мы увидѣли бы изображеніе большой и сильной женщины и маленькаго супруга!

Сесиль Броунъ и Хидинглей отстали отъ главной группы туристовъ, такъ какъ комментаріи драгомана и шутливая болтовня туристовъ раздражали ихъ нервы, нарушая торжественное настроеніе; стоя въ сторонѣ, они смотрѣли, какъ слѣдовала мимо сѣрой безмолвной стѣны пестрая и забавная группа туристовъ съ поднятыми лицами и откинутыми назадъ шляпами, надъ которыми вились съ крикомъ вспугнутыя въ развалинахъ совы.

— Мнѣ кажется положительнымъ святотатствомъ это шутовство и этотъ гамъ и смѣхъ!—сказалъ оксфордскій питомецъ.

— Я радъ, что вы испытываете то же, что и я,—сказалъ Хидинглей,—вотъ почему я предпочитаю всѣмъ развалинамъ, которыя я видѣлъ, тѣ, которыхъ я не видалъ!

На мгновеніе на лицѣ дипломата мелькнула свѣтлая улыбка, слишкомъ скоро уступившая мѣсто его обычной маскѣ чопорнаго человѣка.

— У меня, видите-ли, есть подробная карта,—продолжалъ

молодой американецъ, — и на ней, гдѣ-то среди дикой непроходимой пустыни, далеко-далеко отсюда, я вижу, обозначены развалины, остатки какого-то древняго храма, кажется, храма Юпитера Аммона, одного изъ великолѣпнѣйшихъ древнихъ святилищъ. И вотъ эти развалины, таинственныя, забытыя, одинокія въ своемъ ненарушимомъ покоѣ, простоявшія десятки вѣковъ, до которыхъ не коснулась ни святотатственная рука, ни нога туристовъ, вотъ эти то развалины говорятъ моему воображенію!

— Да, это такъ,—подтвердилъ Сесиль Броунъ.—Если бы можно было, бродя безцѣльно и одиноко, неожиданно наткнуться на эти самыя развалины, которыя мы теперь видимъ передъ собой, и очутиться совершенно одному въ полумракѣ этихъ сводовъ, то впечатлѣніе было бы, безъ сомнѣнія, подавляющее. А при такой обстановкѣ, какъ сейчасъ, когда Бельмонтъ сосетъ трубку и причмокиваетъ губами, когда Стюартъ сопитъ и пыхтитъ, какъ дрянной паровой катеръ, когда миссъ Сади Адамсъ смѣется своимъ дѣтскимъ серебристымъ смѣхомъ...

— А эта болтливая сорока, драгоманъ, даетъ свои поясненія, какъ будто отвѣчаетъ безсмысленно затверженный урокъ,—добавилъ Хидинглей,—мнѣ страстно хочется отдаться своимъ думамъ и впечатлѣніямъ, но я не могу, не могу, потому что мнѣ все это мѣшаетъ, мною овладѣваетъ такое бѣшенство, такое раздраженіе, что я готовъ отколотить того, кто первый подвернется мнѣ подъ руку. Подумайте только, пропутешествовать такую даль, какъ изъ Америки въ Египетъ, для того, чтобы видѣть эти пирамиды и обелиски, и храмы, и всѣ эти уцѣлѣвшіе остатки древняго міра, и въ результатѣ не сдѣлать ничего лучшаго, какъ сердиться на все окружающее и отколотить мальчишку-погонщика. Вѣдь, это уже, право, обидно!

Молодой дипломатъ разсмѣялся своимъ милымъ сдержаннымъ смѣхомъ, смѣхомъ усталаго, разочарованнаго человѣка...

— Они, кажется, двинулись дальше,—сказалъ онъ, указывая глазами на группу туристовъ, потянувшуюся отъ развалинъ къ берегу.

Оба собесѣдника поспѣшили присоединиться къ своимъ спутникамъ.

Теперь путь ихъ лежалъ между большими валунами и каменистыми холмами. Узкая, извивающаяся тропа пролегала меж-

ду черными фантастическими скалами, напоминавшими шахты какихъ-нибудь копей. Вся маленькая компанія почему-то притихла и смолкла, даже сіяющее, жизнерадостное личико Сади какъ будто омрачилось подъ впечатлѣніемъ суровой и мрачной природы. Солдаты эскорта примкнули къ туристамъ и шли теперь по обѣимъ сторонамъ, растянувшись въ группы. Полковникъ Кочрэнь и Бельмонтъ опять ѣхали рядомъ; они замыкали шествіе и теперь немного поотстали.

— Знаете, Бельмонтъ, вы, вѣроятно, будете смѣяться надо мной, но, признаюсь, мнѣ положительно жутко здѣсь! Когда мы обсуждали тамъ, въ салонѣ «Короско», всю эту экскурсію, она казалась пріятной и безопасной, но здѣсь какъ-то невольно чувствуешь себя оторваннымъ отъ цивилизованнаго міра,—замѣтилъ полковникъ,—хотя компаніи туристовъ еженедѣльно посѣщаютъ эти мѣста, и никогда ничего непріятнаго не случалось!

Бельмонтъ глубокомысленно покачалъ головой.

— Я, видите-ли, не боюсь опасности и не разъ бывалъ въ бояхъ, но то дѣло другое: во-первыхъ, на то идешь, къ тому готовишься, затѣмъ, въ подобныхъ случаяхъ идти на встрѣчу опасности наша обязанность, нашъ прямой долгъ, а всякій изъ насъ привыкъ дѣлать свое дѣло. Но когда съ вами женщины, или такая безпомощная толпа, какъ вотъ эта,—онъ указалъ на туристовъ,—то поневолѣ становится ужасно. Конечно, одинъ изъ тысячи шансовъ на то, чтобы съ нами могло случиться что-нибудь непріятное, но если-бы что-нибудь случилось... то не дай Богъ!... Впрочемъ, что объ этомъ говорить... Всего удивительнѣе, однако, то, что всѣ они, очевидно, нисколько не сознаютъ, что имъ можетъ грозить какая либо опасность!

— Положимъ, что платья англійскаго покроя для прогулки мнѣ нравятся,—раздался впереди ихъ звонкій голосъ Сади Адамсъ,—но для вечерняго платья французскій покрой много изящнѣе и элегантнѣе, чѣмъ все, что можетъ придумать ваша англійская мода!

Полковникъ невольно улыбнулся.

— Она совершенно безпечна, и я, конечно, никому, кромѣ васъ, Бельмонтъ, не скажу о томъ, что думаю: надѣюсь, что всѣ мои опасенія окажутся неосновательными, но, какъ это ни смѣшно, меня томитъ какое-то предчувствіе бѣды!—сказалъ Кочрэнь.

— Я, видите-ли, легко могу себѣ представить шайку бедуиновъ, арабовъ или дервишей, какъ вы ихъ называете, шатающихся въ поискахъ легкой добычи, но не могу себѣ представить, какимъ образомъ они именно сегодня и именно въ это время могутъ явиться сюда, какимъ образомъ имъ можетъ стать извѣстно о нашемъ посѣщеніи этой скалы?

— Если принять во вниманіе, что всѣ наши планы здѣсь всѣмъ заранѣе извѣстны, и что всякій ужъ за недѣлю знаетъ всѣ подробности предполагаемой нами программы, знаетъ, гдѣ и въ какое время мы должны находиться, то уже не покажется столь невѣроятнымъ, чтобы и имъ могло быть извѣстно объ этомъ!—возразилъ полковникъ Кочрэнь-Кочрэнь.

— Положимъ, что это весьма слабое вѣроятіе!—сказалъ Бельмонтъ, но въ душѣ онъ все-таки былъ радъ, что его жена осталась въ каютѣ „Короско“.

Теперь угрюмыя скалы остались у нихъ позади. Коническій утесъ рѣзко выдѣлялся на ярко-желтомъ фонѣ песка. «Ей-ахъ! Ей-ахъ»! принялись кричать на всѣ голоса черномазые погонщики ословъ и усердно колотить бѣдныхъ животныхъ своими палками, подбодряя ихъ скорѣе добѣжать до подножія скалы. Ослы пустились вскачь, и, нѣсколько минутъ спустя, туристы были у цѣли. Драгоманъ пригласилъ всѣхъ сойти съ муловъ и пѣшкомъ подняться на вершину знаменитаго утеса Абукиръ. При этомъ онъ обратилъ ихъ вниманіе на то, что всѣ бока утеса исчерчены именами великихъ людей, побывавшихъ тутъ, и что здѣсь есть имена людей, жившихъ задолго до Христа.

— Быть можетъ, тутъ есть и имя Моисея?—освѣдомилась миссъ Адамсъ.

— Ахъ, тетя! Вы удивляете меня!—воскликнула Сади.

— Что же тебя такъ удивляетъ, милая, вѣдь, онъ же былъ въ Египтѣ, былъ великимъ человѣкомъ и, быть можетъ, проходилъ здѣсь!

— Весьма вѣроятно, что имена Моисея и Геродота тоже были здѣсь, но исчезли съ теченіемъ времени, но имена Бельзони и Гордона вы найдете на этой сторонѣ скалы, немного повыше!—заявилъ драгоманъ.

Спустя минутъ пять, все маленькое общество было уже на полукругломъ плато вершины скалы. Отсюда открывался дѣйствительно великолѣпный видъ. Утесъ-великанъ, черный и грозный, отвѣсной стѣною спускался въ рѣку, достигая высоты

полутораста футъ, а у подножья его, пѣнясь и бурля, мчала свои темныя, мутныя волны рѣка, глубокая, широкая и могучая въ этомъ мѣстѣ. Противуположный берегъ представлялъ собой безотрадную, дикую пустыню, усѣянную громадными черными валунами и обломками скалъ. Нигдѣ, ни въ какомъ направленіи не было видно ни малѣйшихъ признаковъ человѣческой жизни.

— Тамъ, вдали,—сказалъ драгоманъ, указывая своимъ хлыстомъ на востокъ,—проходитъ военная дорога, ведущая отъ Вади-Хальфы къ Сарра, расположенному къ югу отсюда, за этими чернѣющими холмами. Тѣ двѣ голубыя горы, тамъ, на самомъ краю горизонта, находятся въ Донгола, т.-е. болѣе чѣмъ въ ста миляхъ отъ Сарра. Желѣзная дорога проложена нами на протяженіи 40 миль, но она много страдаетъ отъ дервишей, которые превращаютъ ея рельсы въ копья и постоянно обрываютъ телеграфные провода. Теперь будьте любезны, господа, перевести ваши взгляды на ту сторону...

Здѣсь открывалась грандіозная картина голой, безпредѣльной, безконечной пустыни. Вблизи песокъ пустыни былъ ярко-золотой и ослѣпительно блестѣлъ на солнцѣ; разсыпною нитью выстроились у подножья холма чернолицые солдаты эскорта въ своихъ небесно-голубыхъ мундирахъ и стояли неподвижно, опершись на свои ружья и отбрасывая отъ себя внушительную, почти черную тѣнь. Но за этой золотой, искрящейся равниной тянулась низкая линія холмиковъ, надъ которыми поднимался другой рядъ холмовъ, болѣе возвышенныхъ, а за ними еще другой рядъ вздымалъ свои головы надъ плечами предыдущихъ,—и всѣ они тонули въ блѣдно-фіолетовой дымкѣ прозрачной дали. Всѣ они не были высоки: высочайшіе изъ нихъ едва-ли достигали ста футъ высоты, но дикія зубчатыя вершины, ихъ крутые откосы, раскаленные солнечными лучами чуть не до красна, придавали имъ особенно суровый характеръ.

— Это Ливійская пустыня, господа!—съ театральнымъ жестомъ импрессаріо возгласилъ Мансуръ.—Величайшая пустыня въ цѣломъ мірѣ! Еслибы вы, господа, пошли отсюда прямо на перерѣзъ, на западъ, не сворачивая ни къ сѣверу, ни къ югу, то первое жилье, которое вы встрѣтили бы на своемъ пути, были бы заселенныя мѣста Америки! Да, миссъ Адамсъ, ближайшая въ этомъ направленіи цивилизованная страна, это Америка!

Но миссъ Адамсъ даже не слышала этого обращенія къ ней, такъ какъ вниманіе ея было отвлечено ея племянницей. Сади, въ порывѣ восхищенія, схватила ее одной рукой за руку, а другой указывала ей вдаль.

— Нѣтъ, право, только этого и не доставало для полноты картины! Боже, что можетъ быть красивѣе и живописнѣе этой безпредѣльной пустыни!—восклицала она съ разгорѣвшимся личикомъ и сверкающими отъ возбужденія глазами.— Поглядите, мистеръ Стефенсъ! Видите этихъ людей верхами на верблюдахъ, появляющихся изъ-за этихъ лиловыхъ холмовъ, точно въ туманныхъ картинахъ!

Всѣ невольно взглянули въ ту сторону, куда указывала дѣвушка. Длинною вереницею выѣзжали, одинъ за другимъ, на равнину величественные всадники въ красныхъ тюрбанахъ, появляясь изъ оврага между холмовъ. Всѣ точно замерли; даже жужжаніе мухи казалось вполнѣ внятнымъ звукомъ. Полковникъ Кочрэнь только что чиркнулъ спичку, чтобы зажечь свою сигару, но спичка догорѣла до того, что обожгла ему пальцы, а сигара такъ и осталась не закуренной. Бельмонтъ тихонько свистнулъ, а драгоманъ стоялъ съ полу-раскрытымъ ртомъ и смотрѣлъ впередъ совершенно безмысленными глазами. Остальные переводили взглядъ съ одного на другого изъ присутствующихъ съ тревожнымъ чувствомъ ожиданія чего-то недобраго. Первымъ прервалъ молчаніе полковникъ:

— Клянусь честью, Бельмонтъ,—воскликнулъ онъ,—какъ видно, одинъ изъ тысячи шансовъ налицо!

IV.

— Что это значитъ, Мансуръ?—грозно крикнулъ Бельмонтъ.—Кто эти люди? И отчего ты стоишь такъ, какъ будто у тебя умъ отшибло?

Драгоманъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и, проведя языкомъ по запекшимся губамъ, отвѣчалъ:

— Я не знаю, кто эти люди, и не знаю, зачѣмъ они тутъ появились!

— Чего же тутъ не знать, это сразу видно!—сказалъ неунывающій и упорный въ своемъ мнѣніи французъ.—Это вооруженные люди на верблюдахъ какіе нибудь абабдэ, бишаринъ или бедуины, словомъ, кто-нибудь изъ тѣхъ туземцевъ,

которыхъ правительство примѣняетъ въ качествѣ пограничной стражи!

— Ей Богу, онъ можетъ быть правъ!—съ невольнымъ чувствомъ облегченія воскликнулъ Бельмонтъ, обращаясь къ Кочрэню и вопросительно глядя на него.—Почему-бы, дѣйствительно, не такъ, почему эти люди не могутъ быть дружественны намъ?

— По сю сторону рѣки нѣтъ дружественныхъ племенъ,—сказалъ рѣзко и увѣренно полковникъ,—въ этомъ я совершенно увѣренъ. Къ чему умышленно себя обманывать? Мы должны быть готовы ко всему.

Но несмотря на его слова, всѣ стояли, сбившись въ кучу, неподвижно глядя впередъ, на равнину; ихъ нервы были настолько потрясены этимъ внезапнымъ открытіемъ, что имъ казалось все это какой-то фантастической сценой, въ неясномъ снѣ—чѣмъ-то отвлеченнымъ, совершенно ихъ не касающимся. Эти люди на верблюдахъ выѣхали изъ глубокаго оврага по направленію того пути, по которому только-что слѣдовали туристы, изъ чего становилось ясно, что для нашихъ путешественниковъ обратный путь былъ отрѣзанъ. Судя по громадному облаку пыли и длинной вереницѣ всадниковъ, казалось, что ихъ цѣлая армія; человѣкъ 70 на верблюдахъ занимаютъ сравнительно большое пространство. Выѣхавъ всѣ до послѣдняго на песчаную равнину, они, не торопясь, выстроились фронтомъ и затѣмъ, по короткому рѣзкому, гортанному звуку, изданному однимъ изъ нихъ,—помчались впередъ. Ихъ своеобразныя, живописныя въ своихъ широкихъ бурнусахъ и красныхъ тюрбанахъ фигуры равномѣрно покачивались въ свѣтло-желтомъ облакѣ песка.

Одновременно съ этимъ шесть человѣкъ чернолицыхъ солдатъ сомкнули ряды, держа ружья наготовѣ, и залегли за скалы у подножья холма. Затѣмъ всѣ затворы ихъ ружей щелкнули разомъ по командѣ ихъ капрала: готовься!

Теперь только тупое недоумѣніе туристовъ уступило мѣсто сознанію близкой грозящей опасности, и ими вдругъ овладѣло какое-то безумное, безразсудное бѣшенство; всѣ они хотѣли что-то сдѣлать, метались изъ стороны въ сторону на площадкѣ утеса, словно распуганная дворовая птица въ моментъ, когда налетѣлъ коршунъ.

Они не могли, не хотѣли сознаться, что имъ некуда было уйти, что они ничего рѣшительно не могли сдѣлать. Обѣ

женщины уцѣпились за Мансура, инстинктивно сознавая, что онъ является отвѣтственнымъ за ихъ безопасность, но тотъ самъ дрожалъ, какъ осиновый листъ. Стефенсъ старался держаться подлѣ Сади Адамсъ и все время механически твердилъ ей: «не волнуйтесь, миссъ Сади, не волнуйтесь, пожалуйста!“—хотя самъ онъ, видимо, волновался не меньше ея. Monsieur Фардэ гнѣвно топалъ ногами и металъ злобные взгляды на окружающихъ, словно всѣ они обманули его. Тучный пресвитеріанскій проповѣдникъ стоялъ, какъ истуканъ, подъ своимъ большимъ бѣлымъ зонтикомъ, неподвижно устремивъ впередъ безсмысленные испуганные глаза. Сесиль Броунъ покручивалъ нафиксатуаренные тонкіе усики; онъ былъ блѣденъ, но смотрѣлъ, какъ всегда, презрительно и пренебрежительно. Полковникъ Кочрэнь-Кочрэнь, Бельмонтъ и Хидинглей болѣе всѣхъ сохранили присутствіе духа и способность здраво разсуждать.

— Лучше будемъ держаться вмѣстѣ, — сказалъ полковникъ,—все равно, уйти намъ некуда, такъ ужъ лучше не разбѣгаться въ разныя стороны!

— Они остановились!—сказалъ Бельмонтъ.

— Ага, вѣроятно, совѣщаются, что имъ дѣлать, спѣшить имъ нѣтъ надобности, они отлично знаютъ, что мы отъ нихъ никуда не уйдемъ. Я положительно не знаю, что бы мы могли сдѣлать!—сказалъ Кочрэнь.

— Попробуемъ, прежде всего, спрятать женщинъ! Вѣдь не могутъ же они знать, сколько насъ всѣхъ здѣсь—предложилъ Хидинглей.—Когда насъ заберутъ и уведутъ, то дамы наши будутъ имѣть возможность какъ нибудь добраться обратно до парохода.

— Превосходная мысль, молодой человѣкъ!—воскликнулъ полковникъ.—Пожалуйте сюда, миссъ Адамсъ. Приведите сюда дамъ, Мансуръ, намъ нельзя терять ни минуты!

Одна часть верхней площадки утеса была не видна съ равнины. Обломковъ скалы и большихъ камней валялось много. Собрать эти обломки, сложить изъ нихъ подобіе шалаша было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Такъ какъ обломки эти были изъ того же камня, что и самая скала, то ихъ можно было принять за часть скалы. Обѣихъ дамъ спрятали въ эту импровизованную цитадель, и входъ въ нее завалили нетяжелымъ обломкомъ скалы, чтобы усилія двухъ женщинъ могли, въ случаѣ надобности, сдвинуть его. Когда все это было сдѣ-

лано, у мужчинъ стало легче на душѣ,—и они снова обратили свои взгляды на равнину. Въ этотъ моментъ раздался рѣзкій отрывистый звукъ перваго выстрѣла. То выстрѣлилъ одинъ изъ людей эскорта; въ отвѣтъ на этотъ одинокій выстрѣлъ, послѣдовалъ неровный залпъ десятка ружей,—и воздухъ наполнился трескотней и свистомъ пуль; туристы всѣ припали за камни, стараясь укрыться за нихъ, только одинъ французъ продолжалъ стоять и, гнѣвно сверкая глазами, топалъ ногой о землю, комкая въ рукахъ свою широкополую шляпу. Бельмонтъ и полковникъ Кочрэнь сползли къ подножью холма и залегли тамъ-же, гдѣ и солдаты эскорта, стрѣлявшіе методично и не спѣша. Арабы остановились шагахъ въ 500 отъ утеса, и по всему было видно, что они были вполнѣ увѣрены въ успѣхѣ своего предпріятія, отлично сознавая, что путешественники никуда отъ нихъ не уйдутъ. Они остановились теперь, чтобы опредѣлить число туристовъ, прежде чѣмъ окончательно аттаковать ихъ. Большинство арабовъ стрѣляли со спины своихъ верблюдовъ, но нѣкоторые спѣшились и, припавъ на одно колѣно, стрѣляли то по одиночкѣ, то залпами въ разсыпную. Весь холмъ гудѣлъ, какъ муравейникъ, а пули, ударяясь въ него, вызывали своеобразный рѣзкій, сухой звукъ.

— Вы не хорошо дѣлаете, Кочрэнь, что нарочно подставляете лобъ подъ пули!—сказалъ Бельмонтъ, таща полковника подъ прикрытіе большого валуна.

— Пуля—самое лучшее, что мы можемъ ожидать въ настоящемъ положеніи,—сказалъ Кочрэнь мрачно,—какого непростительнаго дурака я разыгралъ, Бельмонтъ, тѣмъ, что не протестовалъ болѣе энергично противъ этой глупой затѣи посѣщенія утеса Абукиръ! Я вполнѣ заслужилъ свою участь, но вотъ этихъ бѣднягъ жаль, они всѣ не подозрѣвали даже возможности какой-либо опасности!

— Повидимому, намъ нѣтъ спасенія! Развѣ только перестрѣлка эта будетъ услышана въ Хальфѣ!

— Конечно, нѣтъ,—возразилъ Кочрэнь,—вѣдь, до нашей стоянки отсюда шесть миль, да почти столько-же до Хальфы!

— Да, но если мы не вернемся, надо полагать, что «Короско» дастъ туда знать объ этомъ!

— Вѣроятно, но до тѣхъ поръ, если мы останемся живы, одному Господу извѣстно, куда насъ увезутъ!

— Бѣдная моя маленькая Нора... бѣдная Нора!—вздох-

нулъ про себя Бельмонтъ, вспомнивъ о женѣ. А какъ вы полагаете, Кочрэнь, что они сдѣлаютъ съ нами?

— Они или перерѣжутъ намъ горло, или отведутъ насъ въ рабство въ Хартумъ. Я не знаю, что изъ двухъ лучше, а вотъ этому уже ничего не грозитъ!—добавилъ полковникъ, кивнувъ головою на одного изъ солдатъ. Этотъ послѣдній вдругъ присѣлъ еще ниже на колѣни и остался въ той-же позѣ, только немного подался впередъ. Только опытный глазъ полковника замѣтилъ, что бѣдняга уже покончилъ разсчеты съ жизнью. Пуля пробила ему голову. Его товарищи на минуту склонились надъ нимъ и, убѣдившись, что ихъ помощь ему не нужна, пожали плечами и продолжали дѣлать свое дѣло. Бельмонтъ взявъ ружье и патронташъ убитаго солдата и, обернувшись къ Кочрэню, сказалъ:

— Всего только три патрона, Кочрэнь, мы позволили имъ стрѣлять слишкомъ часто и безъ толку: они не умѣютъ сберегать снарядовъ; намъ слѣдовало подпустить ихъ безъ выстрѣла и затѣмъ разомъ открыть по нимъ огонь почти въ упоръ!

— Вы—знаменитый стрѣлокъ, Бельмонтъ,—сказалъ Кочрэнь,—я слышалъ о васъ, какъ о выдающемся виртуозѣ въ этой области. Попытайтесь снять съ сѣдла ихъ предводителя!

— А кто изъ нихъ предводитель?—освѣдомился Бельмонтъ.

— Полагаю, что вонъ тотъ, на свѣтломъ верблюдѣ, который смотритъ сейчасъ сюда, заслоняя глаза обѣими руками!

Не говоря ни слова, Бельмонтъ зарядилъ ружье и сталъ цѣлиться.—При такомъ освѣщеніи страшно трудно опредѣлить разстояніе!—пробормоталъ онъ...—Ну, попробую на пятьсотъ шаговъ!—и онъ спустилъ курокъ.

Намѣченный арабъ не шевельнулся: очевидно, пуля пролетѣла мимо.

— Не видали-ли вы, гдѣ взлетѣлъ песокъ?

— Нѣтъ, я ничего не видалъ,—отозвался Кочрэнь,—попытайтесь еще разъ, Бельмонтъ!

Курокъ чикнулъ еще разъ, но и на этотъ разъ ни верблюдъ, ни арабъ не были задѣты. Только третій выстрѣлъ попалъ ближе къ цѣли, такъ какъ арабъ посторонился нѣсколько вправо, какъ будто выстрѣлы начали его безпокоить.

Съ восклицаніемъ досады швырнулъ Бельмонтъ ставшее теперь безполезнымъ ружье.

— Это все тотъ проклятый свѣтъ... такое ослѣпительное

сіяніе, что положительно нѣтъ никакой возможности уловить и опредѣлить цѣль. Подумать только, что я истратилъ даромъ цѣлыхъ три патрона, когда при другихъ условіяхъ снялъ бы съ этого араба его тюрбанъ на такомъ же разстояніи! Но этотъ дрожащій, вибрирующій свѣтъ, это сіяніе могутъ довести человѣка до отчаянія!... Смотрите, Кочрэнь, что такое дѣлается съ нашимъ французомъ.

Monsieur Фардэ топтался на площадкѣ утеса съ такимъ видомъ, какъ человѣкъ, укушенный осой, при этомъ онъ усиленно махалъ своей правой рукой «Ссакре-номъ! Ссакреномъ!», восклицалъ онъ, оскаливая свои ровные бѣлые зубы и нервно поводя черными нафабренными усами. Оказалось, что пуля ранила его въ кисть руки. Хидинглей выбѣжалъ изъ своей засады и сталъ тащить его въ безопасное мѣсто, но не успѣлъ онъ сдѣлать трехъ шаговъ, какъ другая пуля ударила его прямо въ грудь, и онъ грузно упалъ между камней. Въ слѣдующій моментъ бѣдняга сдѣлалъ усиліе подняться, но тотчасъ же снова упалъ на томъ же мѣстѣ.

— Моя пѣсенка спѣта!—сказалъ онъ подоспѣвшему къ нему на помощь полковнику и остался недвижимъ. Точно смирно спящій мальчикъ, лежалъ онъ на черной площадкѣ утеса, блѣдный, но улыбающійся, съ разметавшимися бѣлокурыми волосами и распахнувшейся лѣтней курточкой. Думалъ-ли онъ годъ тому назадъ, отправляясь, по окончаніи Харвадскаго университета, путешествовать по свѣту, что смерть сразитъ его среди дикой Ливійской пустыни, внезапная смерть отъ пули бедуина?

Между тѣмъ солдаты эскорта уже прекратили огонь, такъ какъ разстрѣляли всѣ патроны. Еще одинъ изъ нихъ былъ убитъ на мѣстѣ, и двое ранены, одинъ въ шею, другой въ ногу. Не сѣтуя и не жалуясь, усѣлся послѣдній на камень и, не спѣша, съ серьезнымъ, дѣловитымъ видомъ старой женщины, которая составляетъ черепки разбитой тарелки, принялся перевязывать свою рану. Остальные уцѣлѣвшіе солдаты примкнули штыки къ своимъ ружьямъ съ видомъ людей, готовыхъ дорого продать свою жизнь.

— Они пустились въ аттаку!—воскликнулъ Бельмонтъ.

— Пусть себѣ—отозвался Кочрэнь, засовывая обѣ руки въ карманы брюкъ и спокойно глядя впередъ. Вдругъ онъ выдернулъ изъ кармана кулаки и злобно потрясъ ими въ воздухѣ.

— Ахъ, эти проклятые погонщики! Негодные мальчишки! ки!—воскликнулъ онъ.—Смотрите, вѣдь они улепетываютъ!

Дѣйствительно, тамъ, внизу, разыгралась слѣдующая сцена: мальчишки-погонщики, которые во время перестрѣлки, сбившись въ кучу, притаились у подножья утеса между камней, полагая, что аттакующіе прежде всего обрушатся на нихъ, вскочили на своихъ животныхъ и съ дикимъ визгомъ и крикомъ ужаса помчались, какъ вихрь, по равнинѣ. Человѣкъ десять арабскихъ всадниковъ на своихъ верблюдахъ погнались за ними и принялись безпощадно избивать обезумѣвшихъ отъ страха мальчишекъ съ чисто мусульманскимъ хладнокровіемъ и обдуманной жестокостью. Одному маленькому мальчишкѣ въ просторной бѣлой галаби, развѣвающейся по вѣтру, удалось опередить остальныхъ, и нѣкоторое время можно было надѣяться, что онъ уѣдетъ отъ погони, но длинный, размашистый бѣгъ верблюда вскорѣ сократилъ разстояніе между выбивавшимся изъ силъ маленькимъ животнымъ и гнавшимся за нимъ бѣгуномъ пустыни, и безжалостный арабъ вонзилъ свое длинное копье въ согнувшуюся спину мальчика. Моментъ,—и тотъ бездыханнымъ трупомъ скатился на землю. Арабъ плавно поворотилъ своего верблюда и свободнымъ, спокойнымъ аллюромъ вернулся къ остальнымъ. Маленькія бѣлыя тѣла погонщиковъ лежали разсѣянныя по равнинѣ, словно бѣлыя овцы пасущагося стада, которое разбрелось въ разныя стороны. Но туристамъ, находившимся на вершинѣ утеса, не было времени раздумывать надъ печальною участью бѣдныхъ мальчиковъ погонщиковъ, даже и полковникъ Кочрэнь, послѣ минутнаго взрыва негодованія, какъ будто забылъ о нихъ. Африканскіе всадники были уже у подножья утеса, спѣшились и, оставивъ своихъ верблюдовъ на колѣняхъ, устремились на утесъ, карабкаясь между камней, кто по тропѣ, кто цѣликомъ. Безъ выстрѣла справились они съ тремя солдатами эскорта, одного убили ударомъ ножа въ спину, двухъ другихъ затоптали и, не останавливаясь, разомъ, со всѣхъ сторонъ, появились на утесѣ, гдѣ ихъ встрѣтило неожиданное сопротивленіе.

Сбившіеся въ кучу и жавшіеся другъ къ другу путешественники ожидали ихъ появленія, каждый согласно своему личному характеру и особенностямъ. Полковникъ Кочрэнь стоялъ, заложивъ руки въ карманы брюкъ, и пытался что-то насвистывать. Бельмонтъ спокойно скрестилъ на груди руки и при-

слонился спиной къ утесу съ гнѣвнымъ, негодующимъ выраженіемъ лица. И, какъ это ни странно, даже въ этотъ моментъ, когда рѣшалась его судьба, его болѣе смущали и огорчали три промаха, чѣмъ предстоящая ему участь. Сесиль Броунъ стоялъ, полуотвернувшись отъ остальныхъ, нервно покручивая свои маленькіе усики. Monsieur Фардэ стоналъ и охалъ надъ своей раненой рукой, очевидно, ничѣмъ другимъ не интересуясь, а мистеръ Стефенсъ, въ тупомъ сознаніи своего безсилія, задумчиво качалъ головой, не одобряя подобнаго нарушенія закона и порядка.

Мистеръ же Стюартъ, тучный пресвитерьянскій проповѣдникъ, стоялъ все еще съ распущеннымъ надъ головой зонтомъ, безъ всякаго опредѣленнаго выраженія на расплывчатомъ лицѣ и въ большихъ темныхъ глазахъ. Драгоманъ сидѣлъ на одномъ изъ камней и нервно игралъ своимъ хлыстомъ. Такъ застали арабы всю эту группу путешественниковъ, когда взобрались на вершину утеса.

Но въ тотъ моментъ, когда передніе арабы готовы были схватить ближайшихъ туристовъ, случилось нѣчто совершенно непредвидѣнное: Стюартъ, который съ момента появленія дервишей на краю горизонта, не проронилъ ни слова, не шевельнулся и не сдвинулся съ мѣста, какъ человѣкъ, находящійся въ трансѣ, теперь вдругъ, точно пробудившись отъ столбняка, съ бѣшенствомъ накинулся на врага. Было-ли то проявленіе маніи страха, или въ немъ вдругъ проснулась кровь какого-нибудь березарка, его отдаленнаго предка, но только тучный священникъ съ дикимъ крикомъ сталъ кидаться то на одного, то на другого араба, безпощадно колотя зонтомъ направо и налѣво съ такимъ дикимъ бѣшенствомъ, что тѣ невольно смутились. Но вотъ кто-то изъ скалы ловко пустилъ сзади длинное копье въ тучную, метавшуюся во всѣ стороны фигуру бирмингамскаго проповѣдника,—и тотъ упалъ разомъ на руки и на колѣни. Въ этотъ моментъ, словно стая псовъ, съ крикомъ злорадства набросились арабы на своихъ беззащитныхъ жертвъ: ножи засверкали въ воздухѣ, сильныя руки хватали ихъ за горло, грубыми пинками и толчками гнали ихъ внизъ, къ подножью утеса, гдѣ лежали ожидавшіе своихъ владѣльцевъ верблюды.

— Vive le Khalifat! Vive le Mahdi!—восклицалъ французъ до тѣхъ поръ, пока ударъ ружейнымъ прикладомъ не заставилъ его замолчать.

Вотъ они всѣ, какъ загнанное въ загонъ стадо, стоятъ у подножія утеса Абукиръ, эта маленькая кучка представителей современной европейской цивилизаціи, очутившихся въ когтяхъ представителей Азіи седьмого столѣтія,—такъ какъ Востокъ остается все тотъ же, онъ не прогрессируетъ и не измѣняется, и эти арабы ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ неустрашимыхъ воиновъ, которые столько вѣковъ тому назадъ водрузили свое увѣнчанное полумѣсяцемъ побѣдоносное знамя надъ половиной Европы. Да, за исключеніемъ вооруженія, дервиши были тѣ-же, что и ихъ предки, ничуть не менѣе смѣлы, отважны, неустрашимы, нетерпимы, не менѣе жестоки, чѣмъ ихъ предшественники. Они стояли кольцомъ вокругъ кучки своихъ плѣнниковъ, опершись на ружья или свои длинныя копья. На всѣхъ были тѣ-же длинные бѣлые бурнусы или туники, красные тюрбаны и сандаліи желтой сыромятной кожи, туники были затканы коричневаго цвѣта каймой, и каждый изъ нихъ, кромѣ оружія, имѣлъ за спиной небольшой узелокъ. Половина изъ нихъ были негры, рослые, мускулистые люди, сложенные, какъ геркулесы; остальные же были арабы боггара, маленькіе, быстрые, сухощавые, съ тонкими ястребиными носами, маленькими злыми глазами и тонкими жесткими губами. Начальникъ или предводитель этой шайки былъ также арабъ боггара, но ростомъ выше другихъ, съ длинною, черной, шелковистой бородой и блестящими, жестокими, холодными, какъ лезвіе ножа, глазами. Онъ молча глядѣлъ на своихъ плѣнниковъ, и лицо его носило отпечатокъ серьезныхъ думъ. Онъ молча поглаживалъ свою длинную бороду, переводя глаза съ одного лица на другое, затѣмъ рѣзкимъ, повелительнымъ голосомъ произнесъ нѣсколько словъ, которыя заставили Мансура выступить впередъ. Молящимъ движеніемъ простирая впередъ руки и согнувъ спину дугой, приблизился онъ къ вождю, дѣлая салаамъ за салаамомъ, точно какой-то нескладный автоматъ; когда-же арабъ произнесъ еще какое-то слово, драгоманъ вдругъ упалъ на колѣни, зарываясь лбомъ въ рыхлый песокъ и плескалъ по нему ладонями своихъ рукъ.

— Что это значитъ, Кочрэнъ?—спросилъ Бельмонтъ, стоявшій подлѣ полковника.—Что это за глупая комедія, чего онъ дурака валяетъ передъ этими людьми?

— Насколько я могу судить, все для насъ кончено!—отвѣтилъ Кочрэнъ.

— Но это совершенно нелѣпо!—возмущался французъ.—

Почему бы имъ желать зла мнѣ? Я никогда не дѣлалъ имъ ни малѣйшаго вреда. Я, напротивъ, былъ всегда и другомъ, и доброжелателемъ. Еслибы я могъ объясниться съ ними, я бы заставилъ ихъ понять это... Эй, драгоманъ, скажи ему, что я французъ, что я другъ калифа, скажи ему, что мои соотечественники никогда не ссорились съ его народомъ, и что его враги и мои враги... Скажи ему все это!

Взволнованная рѣчь и жесты monsieur Фардэ привлекли вниманіе предводителя арабовъ; онъ сказалъ нѣсколько словъ, и Мансуръ перевелъ: «Предводитель спрашиваетъ, какую вѣру вы исповѣдуете, и говоритъ, что калифъ не нуждается въ дружбѣ невѣрныхъ псовъ»!

— Скажите ему, что у насъ, во Франціи, всѣ религіи считаются одинаково достойными уваженія и одинаково хорошими!

— Предводитель говоритъ, что только гяуръ, невѣрная собака, можетъ говорить, что всѣ религіи одинаково хороши, и что если вы дѣйствительно другъ калифа, то вы должны принять коранъ и стать правовѣрнымъ послѣдователемъ пророка сейчасъ-же. Если вы это сдѣлаете, то онъ, съ своей стороны, обѣщаетъ отослать васъ живымъ и невредимымъ въ Хартумъ!

— Ну, а если не желаю?

— То съ вами будетъ то-же, что и съ остальными!

— Въ такомъ случаѣ передай ему, что мы, французы, не привыкли мѣнять свою вѣру по принужденію!

Предводитель сказалъ еще нѣсколько словъ и сталъ совѣщаться съ низкаго роста коренастымъ арабомъ, стоявшимъ подлѣ него.

— Онъ говоритъ,—перевелъ его слова драгоманъ,—что если вы скажете еще одно слово, то онъ прикажетъ сдѣлать изъ васъ корыто, чтобы кормить собакъ. Не говорите, Бога ради, ничего, monsieur Фардэ,—добавилъ Мансуръ уже отъ себя.—не гнѣвите его: теперь они рѣшаютъ нашу участь!

— Кто онъ такой?—спросилъ полковникъ Кочрэнъ.

— Это Али Вадъ Ибрагимъ, тотъ самый, который въ прошломъ году сдѣлалъ набѣгъ и перебилъ всѣхъ жителей Нубійской деревни!

— Я уже слышалъ о немъ,—сказалъ Кочрэнъ,—онъ имѣетъ репутацію самаго смѣлаго, отважнаго вождя изъ всѣхъ предводителей дервишей, и при этомъ репутацію самаго яраго фанатика. Хвала Господу, что наши дамы не попали въ его лапы!

Теперь оба араба, мрачно и сдержанно совѣщавшіеся все

это время, снова обратились къ Мансуру, который все еще лежалъ, распростершись на колѣняхъ въ пескѣ. Они стали засыпать его вопросами, указывая поочередно то на одного, то на другого изъ своихъ плѣнниковъ, затѣмъ еще разъ посовѣтовались между собой и, наконецъ, сообщили свое рѣшеніе Мансуру, приказавъ ему пренебрежительнымъ движеніемъ руки сообщить его остальнымъ.

— Благодарите Бога, высокочтимые джентльмены, на время мы спасены,—сказалъ Мансуръ, стряхивая песокъ у себя съ головы,—Али Вадъ Ибрагимъ говоритъ, что хотя невѣрныя собаки достойны только получить остріе меча въ грудь отъ руки вѣрныхъ сыновъ пророка, но въ данномъ случаѣ, Бентъ-ель-маль'у въ Омдурманѣ будетъ выгоднѣе получить хорошій выкупъ за каждаго изъ васъ отъ вашихъ соотечественниковъ. А до тѣхъ поръ, пока не получится этотъ выкупъ, вы будете работать, какъ рабы калифа, если только онъ не пожелаетъ казнить васъ смертью. Теперь вамъ предлагается размѣститься на запасныхъ верблюдахъ, и слѣдовать вмѣстѣ съ вашими побѣдителями туда, куда они пожелаютъ отвезти васъ!

Предводитель арабовъ выждалъ, когда Мансуръ окончилъ свою рѣчь, и тогда отдалъ короткій приказъ, по которому одинъ изъ негровъ выступилъ впередъ, держа въ рукѣ длинный, тяжелый мечъ. При этомъ драгоманъ завопилъ, какъ кроликъ, на котораго напустились собаки, и снова въ порывѣ отчаянія кинулся на землю, зарывая лицо въ песокъ.

— Что это значитъ, Корчэнь?—спросилъ Сесиль Броунъ, такъ какъ полковникъ служилъ нѣкогда на востокѣ и былъ единственный изъ всѣхъ присутствующихъ, кромѣ драгомана, который могъ кое-что понимать по арабски.

— Насколько я понялъ, этотъ арабъ сказалъ, что не имѣетъ никакой надобности въ переводчикѣ, и что такъ какъ за него никто не дастъ приличнаго выкупа, а онъ слишкомъ жиренъ и тученъ, чтобы изъ него могъ выйти хорошій рабъ, то лучше ему отсѣчь голову!

— Бѣдняга!—воскликнулъ Броунъ.—Слушайте, Корчэнь, объясните имъ, чтобы они его отпустили. Мы не можемъ допустить, чтобы его зарѣзали тутъ же, у насъ у всѣхъ на глазахъ.—Скажите, что мы найдемъ деньги, чтобы заплатить за него выкупъ; я согласенъ дать, какую угодно сумму!

— Я тоже дамъ, сколько могу!—заявилъ Бельмонтъ.

— Мы подпишемъ общее товарищеское поручительство за него. Если бы у меня была здѣсь бумага и перо и гербовыя марки, я бы въ одну минуту выдалъ ему вполнѣ законный документъ, подлежащій во всякое время удовлетворенію!—сказалъ Стефенсъ.

Къ сожалѣнію, знанія арабскаго языка полковника Кочрэна были недостаточны, а самъ Мансуръ до того обезумѣлъ отъ страха, что утратилъ всякую способность что-либо понимать. Рослый негръ вопросительно взглянулъ на своего предводителя, и затѣмъ его сильная мускулистая рука высоко взмахнула тяжелымъ мечомъ надъ головой драгомана, который взвылъ не своимъ голосомъ и, протягивая впередъ руки, молилъ о чемъ-то. Переглянувшись между собой, помощникъ Али Ибрагима подошелъ къ дрожащему, заикавшемуся драгоману и сдѣлалъ ему нѣсколько короткихъ вопросовъ.

Ни полковникъ, ни остальные ничего не поняли изъ происшедшаго, но Стефенсъ инстинктивно угадалъ, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, негодяи, негодяи!—воскликнулъ онъ съ бѣшенствомъ.—Молчи, молчи, несчастный! Молчи, презрѣнная тварь! Лучше умри...

Но было уже поздно: теперь для всѣхъ стало ясно, что драгоманъ выдалъ, спасая себя, обѣихъ женщинъ. По слову Али Ибрагима, человѣкъ десять арабовъ бросились вверхъ на утесъ и, минуту спустя, были уже на верху. Тогда изъ груди присутствующихъ вырвался крикъ ужаса, слившійся съ крикомъ отчаянія двухъ женщинъ. Грубыя руки тащили ихъ внизъ, молодая дѣвушка послѣдовала за своими арабами, старшая-же спотыкалась и падала; ее тащили, она плакала и взывала о помощи, а Сади, оборачиваясь, подбодряла ее.

Темные глаза Али Ибрагима равнодушно скользнули по лицу старшей миссъ Адамсъ, но блеснули яркимъ огнемъ при видѣ хорошенькой миссъ Сади. По его слову, плѣнныхъ погнали гурьбою къ верблюдамъ; здѣсь обыскали у всѣхъ карманы и все, что было найдено цѣннаго, высыпали въ порожнюю торбу, которую Али Ибрагимъ завязалъ собственноручно.

— Что вы скажете, Кочрэнъ?—сказалъ Бельмонтъ.—У меня есть при себѣ маленькій револьверъ, котораго они не нашли на мнѣ.—Не застрѣлить-ли эту собаку драгомана за то, что онъ предалъ этихъ бѣдныхъ женщинъ?

Кочрэнъ отрицательно покачалъ головой.

— Лучше сберегите вашъ револьверъ для тѣхъ-же дамъ, онъ можетъ имъ очень понадобиться, такъ какъ трудно сказать, что всѣхъ насъ ожидаетъ, въ особенности ихъ!—сказалъ мрачно полковникъ.

V.

Длинною вереницей растянулись на землѣ полегшіе на колѣни верблюды; одни изъ нихъ были свѣтлые, бѣлые, другіе темные, бурые. Они граціозно поворачивали изъ стороны въ сторону свои сравнительно небольшія головы съ умнымъ, вдумчивымъ выраженіемъ большихъ кроткихъ глазъ. Большинство были великолѣпныя породистыя животныя, настоящіе арабскіе скакуны, но было и нѣсколько болѣе грубыхъ и тяжеловѣсныхъ верблюдовъ, такъ называемыхъ вьючныхъ животныхъ, которые не выдерживали сравненія съ первыми ни по статьямъ, ни по бѣгу. Всѣ они были нагружены бурдюками съ водкой и различными съѣстными и другими припасами. Въ нѣсколько минутъ достаточное число ихъ было разгружено и предоставлено въ распоряженіе плѣнныхъ, вьюки ихъ были распредѣлены на остальныхъ. Плѣнныхъ не связали никого, кромѣ почтеннаго мистера Стюарта, котораго арабы, признавъ за духовное лицо и привыкнувъ видѣть въ религіи синонимъ всякаго насилія, сочли за самаго опаснаго изъ своихъ плѣнниковъ и потому связали ему руки верблюжьимъ арканомъ. Всѣ же остальные были оставлены на свободѣ. Куда могли они бѣжать здѣсь, въ пустынѣ, отъ этихъ быстроногихъ скакуновъ на своихъ грузныхъ вьючныхъ животныхъ, уже достаточно замученныхъ даже теперь?

Когда всѣ расположились, караванъ тронулся съ мѣста, послѣ того, какъ арабы привычнымъ окликомъ, дерганьемъ поводьевъ уздечки, заставили верблюдовъ встать. Никто изъ туристовъ до сего времени никогда не садился на верблюда, за исключеніемъ полковника Кочрэня, и въ первый моментъ имъ показалось страшно очутиться такъ высоко надъ землею, а своеобразное колеблющееся движеніе спины верблюда на ходу, сходное съ ощущеніемъ качки на морѣ, не только смущало и пугало ихъ, но у многихъ вызывало тошноту и другіе симптомы морской болѣзни.

Но вскорѣ они забыли о своихъ физическихъ ощущеніяхъ подъ вліяніемъ тяжелаго нравственнаго сознанія, что теперь между ними и остальнымъ міромъ легла цѣлая пропасть, что

они всѣ оторваны отъ своей прежней жизни, и что теперь для нихъ начинается новая, полная ужасовъ и мученій, безотрадная и безнадежная жизнь.

Всего какой нибудь часъ тому назадъ они безпечно любовались природой. Сади болтала объ англійскомъ и парижскомъ покроѣ платьевъ, а теперь мысль о самоубійствѣ зарождалась въ ея юной головкѣ, какъ лучезарная звѣзда спасенія. А тамъ, въ уютномъ салонѣ ихъ парохода, ожидавшаго ихъ у скалистаго берега, ихъ ждалъ накрытый бѣлоснѣжной скатертью столъ, уставленный фарфоромъ и хрусталемъ, ждали новѣйшіе журналы и романы на зеленомъ столѣ маленькой судовой библіотеки, ждали мистриссъ Шлезингеръ въ ея желтой соломенной шляпкѣ и хорошенькая мистриссъ Бельмонтъ въ длинномъ покойномъ креслѣ. «Короско» почти можно было видѣть отсюда, но каждый длинный перевалистый шагъ верблюда уносилъ ихъ все дальше и дальше отъ берега, въ глубь безплодной пустыни.

Судя по однородному одѣянію, по краснымъ тюрбанамъ и желтымъ сандаліямъ, Кочрэнь сразу опредѣлилъ, что эти люди не бродячіе разбойники, пираты пустыни, а отрядъ изъ регулярной арміи Калифа. Али Вадъ Ибрагимъ велъ караванъ, который конвоировали по сторонамъ на всемъ его протяженіи выстроившіеся въ линію всадники изъ негровъ. Съ полъ-мили впереди были высланы развѣдчики, а въ замкѣ ѣхалъ маленькій коренастый арабъ, подручный или помощникъ предводителя. Въ серединѣ каравана находилась маленькая группа плѣнниковъ, которыхъ никто не старался разъединить. Мистеръ Стефенсъ вскорѣ съумѣлъ заставить своего верблюда поравняться съ тѣми двумя животными, на которыхъ находились миссъ Адамсъ старшая и миссъ Сади Адамсъ.

— Не падайте духомъ, миссъ Адамсъ,—увѣщевалъ онъ ее,—это, конечно, ужасное происшествіе, но не подлежитъ сомнѣнію, что будутъ приняты необходимыя мѣры для розысканія насъ. И я убѣжденъ, что мы не подвергнемся ничему иному, кромѣ кратковременнаго неудобства. Если бы не этотъ негодяй Мансуръ,—все это-бы нисколько не коснулось васъ!

Но миссъ Адамсъ почти не слушала его утѣшеній: за этотъ одинъ часъ времени въ ней произошла такая разительная перемѣна, что она была положительно неузнаваема. Она сразу превратилась въ старую сморщенную женщину. Щеки и глаза ввалились, глубокія морщины избороздили лобъ и лицо, ея

испуганный тревожный взглядъ поминутно останавливался на Сади. Но эти минуты опасности вызывали въ сердцахъ даже апатичныхъ людей мысль и заботу не о себѣ, а о другихъ. Миссъ Адамсъ думала только о Сади, Сади о своей теткѣ, мужчины думали о женщинахъ,Бельмонтъ думалъ о женѣ и еще о чемъ-то. Онъ до тѣхъ поръ колотилъ пяткой по плечу своего верблюда, пока тотъ не поравнялся съ верблюдомъ миссъ Адамсъ.

— У меня есть здѣсь кое что для васъ,—шепнулъ онъ, наклоняясь къ ней,—возможно, что насъ скоро, скоро разлучатъ, а потому намъ лучше заранѣе принять свои мѣры. Быть можетъ, они вздумаютъ избавиться отъ насъ, мужчинъ, и удержать только васъ, женщинъ!

— Боже мой, мистеръ Бельмонтъ, что же мнѣ дѣлать, я старая женщина и уже прожила свою жизнь, мнѣ все равно... но Сади... это просто сводитъ меня съ ума!... Ея мать ждетъ ее дома, и я...—и она въ отчаяніи ломала руки.

— Протяните вашу руку подъ плащемъ, я вложу въ нее нѣчто, а вы постарайтесь не выронить... Ну, вотъ такъ, теперь спрячьте это хорошенько гдѣ нибудь на себѣ, этимъ ключемъ вы во всякое время отопрете себѣ любую дверь!—Миссъ Адамсъ на ощупь угадала, что это былъ за предметъ, и съ минуту она, недоумѣвая, смотрѣла на Бельмонта, затѣмъ неодобрительно покачала головой, но все же спрятала смертоносный маленькій предметъ у себя на груди. Въ головѣ ея вихремъ проносились мысли: неужели это она, скромная, кроткая миссъ Адамсъ, мечтавшая всегда о всеобщемъ благѣ людей, о братской къ нимъ любви и милосердіи, теперь, держа въ рукѣ револьверъ, придумываетъ оправданіе убійству. Ахъ, жизнь! Чего ты только съ нами не дѣлаешь? Явись ты намъ во всемъ своемъ коварствѣ и жестокости, и мы свыкнемся съ ними и снесемъ все. Но нѣтъ! Когда ты смотришь намъ въ лицо всего привѣтливѣе, всего любовнѣе, тогда-то мы должны больше всего опасаться твоихъ безжалостныхъ ударовъ!

— Въ худшемъ случаѣ, это будетъ только вопросъ выкупа,—утѣшалъ Стефенсъ Сади,—кромѣ того, мы еще очень недалеко отъ Египта и далеко отъ страны дервишей. Нѣтъ сомнѣнія, что за нашими похитителями будетъ погоня, а потому вы не должны падать духомъ, не должны терять надежды!

— Я отнюдь не отчаяваюсь, мистеръ Стефенсъ,—сказала Сади, блѣдное личико которой противорѣчило ея словамъ,—

всѣ мы въ рукахъ Божіихъ, и Онъ, конечно, не дастъ намъ погибнуть. Всѣ мы готовы вѣрить въ Бога и надѣяться на Него, когда намъ хорошо живется, но теперь пришло время для насъ доказать, что это не пустыя слова, и что мы, дѣйствительно, возлагаемъ на Него всѣ наши надежды. И если Онъ тамъ, въ этомъ голубомъ небѣ...

— Онъ тамъ!—раздался позади нихъ увѣренный, наставительный голосъ пресвитеріанскаго священника. Его привязанныя къ лукѣ сѣдла руки, тучное тѣло, покачивавшееся изъ стороны въ сторону, раненое бедро съ запекшеюся кровью, на которомъ насѣли мухи, съ непокрытою головой подъ этимъ палящимъ зноемъ, такъ какъ и зонтъ, и шляпу онъ потерялъ во время борьбы,—все это причиняло ему невыносимыя мученія. Постепенно увеличивающаяся лихорадка проявлялась жгучими красными пятнами на его полныхъ отвислыхъ щекахъ и свѣтилась страннымъ блескомъ въ его глазахъ. Онъ всегда казался нѣсколько соннымъ, вялымъ и скучнымъ собесѣдникомъ, но теперь горькая чаша скорби словно разомъ переродила его. Онъ казался теперь такъ величаво покоенъ, въ немъ чувствовалась такая нравственная сила, что она сообщалась даже другимъ. И вотъ въ немъ проснулся теперь горячій, убѣжденный проповѣдникъ; въ эти горестныя минуты онъ такъ прекрасно говорилъ о жизни и смерти, о настоящемъ, о надеждахъ въ будущемъ, что мрачное облако скорби и отчаянія, нависшее надъ туристами, какъ-бы разсѣевалось подъ впечатлѣніемъ его словъ.

Сесиль Броунъ, правда, пожималъ плечами, не считая возможнымъ измѣнять своихъ взглядовъ убѣжденій, но всѣ остальные, въ томъ числѣ и monsieur Фардэ, были растроганы и нѣсколько утѣшены.

Кочрэнъ между тѣмъ изготовлялъ изъ своего большого краснаго футляра тюрбанъ и настоялъ на томъ, чтобы мистеръ Стюартъ надѣлъ его.

Но теперь ко всѣмъ страданіямъ несчастныхъ плѣнныхъ прибавились еще мученія жажды. Солнце палило нещадно сверху и отражалось на нихъ снизу, отъ этого раскаленнаго песка пустыни, пока, наконецъ, имъ не стало казаться, что они ѣдутъ по горячей пеленѣ расплавленнаго металла, испаренія котораго пышатъ на нихъ и обдаютъ ихъ удушливымъ жаромъ. Губы ихъ пересыхали до того, что теряли всякую упругость, а языкъ, точно тряпка, прилипалъ къ гортани.

Каждое слово приходилось выговаривать съ усиліемъ, и потому всѣ примолкли. Миссъ Адамсъ свѣсила голову на грудь и уже давно не говорила ни слова; ея широкополая шляпа скрывала ея лицо, но во всей позѣ ея сказывалось крайнее изнеможеніе.

— Тетя сейчасъ лишится чувствъ, если для нея не найдется глотка воды!—сказалъ Сади.—О, мистеръ Стефенсъ, неужели мы ничѣмъ не можемъ помочь ей?

Ѣхавшіе всѣ по близости дервиши были все арабы баггара, за исключеніемъ одного только невзрачнаго негра съ лицомъ, изрытымъ оспой.

Лицо этого послѣдняго казалось добродушнымъ въ сравненіи съ лицами остальныхъ. И Стефенсъ рѣшился, тихонько дотронувшись до его локтя, указать ему сперва на его бурдюкъ съ водой, а затѣмъ на миссъ Адамсъ. Негръ отрицательно и гнѣвно покачалъ головой, но въ то же время многозначительно посмотрѣлъ на арабовъ, какъ бы желая этимъ сказать, что если бы не они, то онъ поступилъ бы иначе.

Немного погодя, онъ, тыкая себя пальцемъ въ грудь произнесъ:

— Типпи Тилли!

— Что это значитъ?—спросилъ его полковникъ Кочрэнь.

— Типпи Тилли!—повторилъ негръ, понижая голосъ до таинственнаго шепота, какъ бы не желая быть услышаннымъ своими товарищами

Полковникъ отрицательно покачалъ головой..

— Нѣтъ, я рѣшительно ничего не понимаю!

— Типпи Тилли. Хиксъ-Паша!—снова повторилъ негръ.

— Право, я начинаю думать, что онъ дружественно къ намъ расположенъ!—сказалъ Кочэрнь, обращаясь къ Бельмонту.—Но изъ его рѣчей ничего не могу разобрать, можетъ быть, онъ хочетъ намъ сказать, что его зовутъ Типпи-Тилли и что онъ убилъ Хиксъ-Пашу!

Услыхавъ это, добродушный негръ оскалилъ свои огромные бѣлые зубы и воскликнулъ:

— Аива! Типпи Тилли, бимбаши Мормеръ—бумъ!

— Клянусь честью, — воскликнулъ вдругъ Бельмонтъ, — я угадалъ, что онъ хочетъ сказать: онъ пытается говорить по англійски: типпи тилли, думаю, означаетъ «артиллерія»; изъ этого я заключаю, что онъ хочетъ сказать, что служилъ рань-

ше въ египетской артиллеріи, подъ начальствомъ бимбаши Мортимера, что онъ былъ захваченъ въ плѣнъ, когда Хиксъ паша былъ разбитъ, и ему ничего болѣе не оставалось, какъ только сдѣлаться дервишемъ!

Тогда полковникъ сказалъ ему нѣсколько словъ по арабски и получилъ отвѣтъ, но въ это время двое арабовъ поравнялись съ ними, и негръ ускорилъ аллюръ своего верблюда и опередилъ плѣнниковъ.

— Вы правы, Бельмонтъ,—сказалъ Кочрэнъ,—это парень дружественненъ намъ и вѣрно охотнѣе сражался бы за хедива, чѣмъ за калифа. Но я, право, не знаю, что онъ можетъ сдѣлать для насъ. Впрочемъ, я бывалъ даже въ худшихъ положеніяхъ и то выходилъ, а мы все-же еще не ушли отъ погони!

— Да,—сталъ медленно и разсудительно высчитывать Бельмонтъ,—около двухъ часовъ пополудни они ожидали нашего возвращенія. Въ рѣшимости и распорядительности моей жены я безусловно увѣренъ. Нора всегда съумѣетъ настоять на немедленномъ розыскѣ. Предположимъ, что погоня отправилась изъ Хальфы часа въ три пополуночи, да часъ положимъ на переправу съ той стороны Нила на этотъ берегъ. Значитъ, къ пяти, шести часамъ вечера египетская кавалерія будетъ у утеса Абукиръ и нападетъ на нашъ слѣдъ. Слѣдовательно, мы опередили ихъ всего на 4 часа, не больше; весьма возможно, что они еще успѣютъ настигнуть Али Ибрагима и спасти насъ!

— Нѣкоторыхъ изъ насъ, можетъ быть, и спасутъ, но я не надѣюсь, что завтра нашъ padre или миссъ Адамсъ еще будутъ живы. Кромѣ того, намъ съ вами не слѣдуетъ забывать, что эти арабы имѣютъ обычай закалывать своихъ плѣнниковъ, когда они видятъ, что нѣтъ исхода. На случай, если вы, Бельмонтъ, вернетесь, а я нѣтъ, прошу васъ, исполните вы мою посмертную волю...

Оба они отъѣхали немного впередъ и, склонившись другъ къ другу, долго совѣщались о чемъ-то.

Добродушный негръ, называвшій себя Типпи-Тилли, ухитрился какимъ то образомъ сунуть въ руку мистера Стефенса какую-то тряпку, напитанную водой, которую тотъ вручилъ Сади, и она смочила ею губы своей тетки. Сильная натура янки сказалась въ ней; даже эти нѣсколько капель воды оживили ее, не только вернувъ ей силы, но даже и бодрость духа.

— Я не думаю, что эти люди желаютъ намъ зла,—сказала она,—я полагаю, что и у нихъ есть какая нибудь своя религія, которая считаетъ зломъ то же, что и вы называете зломъ, и которая воспрещаетъ имъ дѣлать зло!

Стефенсъ только отрицательно покачалъ головой, но не сказалъ ни слова: на его глазахъ эти люди звѣрски перебили бѣдныхъ и безобидныхъ маленькихъ погонщиковъ.

— Быть можетъ, сама судьба послала насъ къ нимъ, чтобы направить ихъ на путь истинный!—продолжала миссъ Адамсъ

И не будь здѣсь Сади,—она была способна теперь благодарить судьбу за то, что та доставила ей случай распространять свѣтъ Евангельскаго ученія въ Хартумѣ, а, быть можетъ, и превратить Омдурманъ въ маленькое подобіе образцоваго городка Новой Англіи.

— Знаете-ли, о чемъ я думала все это время?—сказала вдругъ Сади.—Я думала о томъ храмѣ, который мы съ вами видѣли, помните? Когда же это было?... Ахъ, да, это было сегодня утромъ!

— Да, въ самомъ дѣлѣ, это было сегодня утромъ!—удивленно воскликнули всѣ трое. А какъ далеко, казалось, отстояло отъ нихъ теперь это время, всѣмъ имъ казалось, что это было давно, давно, и даже самое воспоминаніе объ этомъ храмѣ потонуло въ туманѣ далекаго прошлаго. И нѣкоторое время всѣ они ѣхали въ глубокомъ безмолвіи; наконецъ, Стефенсъ напомнилъ Сади, что она не кончила своей начатой фразы о храмѣ.

— Ахъ, да,—точно обрадовавшись, сказала молодая дѣвушка,—я, видите-ли, вспомнила объ изображеніяхъ на его стѣнахъ, объ этихъ жалкихъ, несчастныхъ плѣнникахъ, которыхъ влекутъ за собой побѣдоносные воины... Кто бы могъ подумать, что черезъ три часа мы, смотрѣвшіе на эти изображенія, будемъ въ томъ-же положеніи?! А мистеръ Хидингслей!..—и она отвернулась и заплакала при мысли о своемъ юномъ соотечественникѣ, безвременно погибшемъ вдали отъ родины.

— Полно, Сади, вспомни, что сейчасъ говорилъ мистеръ Стюартъ, что мы всѣ въ рукахъ Божіихъ, и что пути Его ведутъ къ нашему благу. Какъ вы полагаете, мистеръ Стефенсъ, куда они насъ уводятъ?

Уголъ краснаго переплета Бедекэра торчалъ еще изъ кар-

мана пальто юриста, такъ какъ при обыскѣ арабы не нашли нужнымъ отобрать у него эту книгу.

— Если они не отнимутъ ея у меня,—сказалъ мистеръ Стефенсъ,—то на первой же остановкѣ я сдѣлаю изъ нея нѣсколько выписокъ. Теперь же я могу сказать, что Нилъ течетъ съ юга къ сѣверу; слѣдовательно, мы все время двигаемся по прямой линіи на западъ, въ глубь страны. Они, вѣроятно, опасались погони и потому не слѣдовали по теченію Нила, но мнѣ помнится, что есть большая караванная дорога, прилегающая параллельно Нилу на разстояніи приблизительно 70 миль отъ рѣки по пустынѣ, а потому, если мы будемъ придерживаться этого направленія, то, вѣроятно, выѣдемъ на эту большую дорогу. Вдаль-же тянется линія колодцевъ и, вѣроятно...

Но его прервалъ на полу-словѣ цѣлый потокъ несвязныхъ громкихъ словъ. Стефенсъ обернулся; яркій румянецъ на лицѣ мистера Стюарта превратился въ багровыя пятна, глаза горѣли, какъ уголья, и въ бреду онъ начиналъ метаться и волноваться. „О, милосердая мать-природа!... Никогда ты не забываешь своихъ дѣтей!.. Когда слишкомъ много невзгодъ обрушиваются разомъ на одного изъ твоихъ чадъ,—ты говоришь: «нѣтъ, это ему не подъ силу»! и ты посылаешь ему забвеніе, бредъ, вырываешь его на время изъ жестокаго мрачнаго настоящаго и переносишь въ область видѣній или блаженной нирваны".

Арабы вопросительно переглянулись; въ ихъ глазахъ бредъ Стюарта весьма походилъ на безуміе,—а безуміе для магометанъ, это нѣчто страшное и сверхъестественное, подвергающее ихъ въ благоговѣйный трепетъ.

Одинъ изъ нихъ тотчасъ-же доложилъ о состояніи плѣннаго Эмиру Али Ибрагиму, и затѣмъ два араба примкнули бокъ о бокъ съ обѣихъ сторонъ къ верблюду Стюарта изъ опасенія, что бы онъ не упалъ.

Этимъ переполохомъ воспользовался дружелюбно относившійся къ плѣннымъ негръ, чтобы, поравнявшись съ Кечрэмемъ, шепнуть ему пару словъ.

— Мы сейчасъ сдѣлаемъ привалъ, Бельмонтъ,—сказалъ полковникъ,—быть можетъ, намъ дадутъ по глотку воды, а то многіе уже не могутъ далѣе выносить этихъ мученій!

— Да, да, слава Богу!—отозвался Бельмонтъ.

— Я на всякій случай сказалъ этому Типпи-Тилли, что

мы сдѣлаемъ его бимбаши, если заполучимъ его обратно въ Египетъ, а онъ, повидимому, готовъ сдѣлать для насъ все, что только въ его силахъ!

Далеко-далеко, на самомъ краю горизонта, если оглянуться назадъ, виднѣлась теперь узкая зеленѣющая полоска, по которой протекала рѣка, и мѣстами сверкала ея серебристая струя, искрясь на солнцѣ и дразня своей заманчивою влагой этихъ мичимыхъ жаждой людей.

Они лишились сегодня семьи, родины, свободы, словомъ,— всего, что дорого человѣку, но они думали теперь только о водѣ. Мистеръ Стюартъ въ бреду кричалъ и требовалъ апельсиновъ, хорошихъ, сочныхъ апельсиновъ. Только у сильнаго, словно желѣзнаго, ирландца мысль о женѣ превозмогла даже мученія жажды. Онъ смотрѣлъ туда, гдѣ искрилась рѣка, и думалъ, что это должно быть близъ Хальфы и его Нора теперь на этой самой полосѣ рѣки, и при воспоминаніи о ней, онъ сердитымъ движеніемъ натянулъ шляпу на глаза и, угрюмо потупившись, ѣхалъ молча, покусывая свой длинный сѣдой усъ.

Солнце медленно склонилось къ западу, и отъ каравана начинали ложиться длинныя тѣни. Начинало свѣжѣть, и степной вѣтерокъ пробѣгалъ надъ песчаной, устланной камнями равниной пустыни. Эмиръ подозвалъ къ себѣ своего помощника,—и они оба долго глядѣли, заслоняя глаза руками, очевидно, отыскивая какую нибудь примѣту. Вскорѣ, по знаку Эмира, его верблюдъ медленно и систематично въ три равномѣрныхъ пріема опустился на колѣни, и вслѣдъ за нимъ и всѣ остальные, одинъ за другимъ, продѣлали то-же самое, пока всѣ верблюды не вытянулись длинной вереницей на землѣ. Тогда всадники ихъ соскочили на землю и разложили передъ каждымъ верблюдомъ холщевыя подстилки, и на нихъ рубленый саманъ для корма. Надо замѣтить, что ни одинъ породистый верблюдъ не станетъ ѣсть прямо съ пола или съ земли. Въ ихъ степенной, неторопливой манерѣ кушать, въ кроткомъ взглядѣ ихъ милыхъ вдумчивыхъ глазъ, плавныхъ, спокойныхъ движеніяхъ и граціозномъ подъемѣ и поворотѣ головы этихъ милыхъ разумныхъ животныхъ есть нѣчто женственное.

О плѣнныхъ никто не заботился, такъ какъ куда могли они бѣжать здѣсь въ пустынѣ? Но эмиръ, приблизившись къ группѣ ихъ и остановившись передъ нею, стоялъ нѣкоторое время, разглаживая свою черную бороду и задумчиво глядя на

мана пальто юриста, такъ какъ при обыскѣ арабы не нашли нужнымъ отобрать у него эту книгу.

— Если они не отнимутъ ея у меня,—сказалъ мистеръ Стефенсъ,—то на первой же остановкѣ я сдѣлаю изъ нея нѣсколько выписокъ. Теперь же я могу сказать, что Нилъ течетъ съ юга къ сѣверу; слѣдовательно, мы все время двигаемся по прямой линіи на западъ, въ глубь-страны. Они, вѣроятно, опасались погони и потому не слѣдовали по теченію Нила, по мнѣ помнится, что есть большая караванная дорога, прилегающая параллельно Нилу на разстояніи приблизительно 70 миль отъ рѣки по пустынѣ, а потому, если мы будемъ придерживаться этого направленія, то, вѣроятно, выѣдемъ на эту большую дорогу. Вдаль-же тянется линія колодцевъ и, вѣроятно...

Но его прервалъ на полу-словѣ цѣлый потокъ несвязныхъ громкихъ словъ. Стефенсъ обернулся; яркій румянецъ на лицѣ мистера Стюарта превратился въ багровыя пятна, глаза горѣли, какъ уголья, и въ бреду онъ начиналъ метаться и волноваться. „О, милосердая мать-природа!... Никогда ты не забываешь своихъ дѣтей!.. Когда слишкомъ много невзгодъ обрушиваются разомъ на одного изъ твоихъ чадъ,—ты говоришь: «нѣтъ, это ему не подъ силу»! и ты посылаешь ему забвеніе, бредъ, вырываешь его на время изъ жестокаго мрачнаго настоящаго и переносишь въ область видѣній или блаженной нирваны“.

Арабы вопросительно переглянулись; въ ихъ глазахъ бредъ Стюарта весьма походилъ на безуміе,—а безуміе для магометанъ, это нѣчто страшное и сверхъестественное, подвергающее ихъ въ благоговѣйный трепетъ.

Одинъ изъ нихъ тотчасъ-же доложилъ о состояніи плѣннаго Эмиру Али Ибрагиму, и затѣмъ два араба примкнули бокъ о бокъ съ обѣихъ сторонъ къ верблюду Стюарта изъ опасенія, что бы онъ не упалъ.

Этимъ переполохомъ воспользовался дружелюбно относившійся къ плѣннымъ негръ, чтобы, поравнявшись съ Кечрэмемъ, шепнуть ему пару словъ.

— Мы сейчасъ сдѣлаемъ привалъ, Бельмонтъ,—сказалъ полковникъ,—быть можетъ, намъ дадутъ по глотку воды, а то многіе уже не могутъ далѣе выносить этихъ мученій!

— Да, да, слава Богу!—отозвался Бельмонтъ.

— Я на всякій случай сказалъ этому Типпи-Тилли, что

мы сдѣлаемъ его бимбаши, если заполучимъ его обратно въ Египетъ, а онъ, повидимому, готовъ сдѣлать для насъ все, что только въ его силахъ!

Далеко-далеко, на самомъ краю горизонта, если оглянуться назадъ, виднѣлась теперь узкая зеленѣющая полоска, по которой протекала рѣка, и мѣстами сверкала ея серебристая струя, искрясь на солнцѣ и дразня своей заманчивою влагой этихъ мичимыхъ жаждой людей.

Они лишились сегодня семьи, родины, свободы, словомъ,— всего, что дорого человѣку, но они думали теперь только о водѣ. Мистеръ Стюартъ въ бреду кричалъ и требовалъ апельсиновъ, хорошихъ, сочныхъ апельсиновъ. Только у сильнаго, словно желѣзнаго, ирландца мысль о женѣ превозмогла даже мученія жажды. Онъ смотрѣлъ туда, гдѣ искрилась рѣка, и думалъ, что это должно быть близъ Хальфы и его Нора теперь на этой самой полосѣ рѣки, и при воспоминаніи о ней, онъ сердитымъ движеніемъ натянулъ шляпу на глаза и, угрюмо потупившись, ѣхалъ молча, покусывая свой длинный сѣдой усъ.

Солнце медленно склонилось къ западу, и отъ каравана начинали ложиться длинныя тѣни. Начинало свѣжѣть, и степной вѣтерокъ пробѣгалъ надъ песчаной, устланной камнями равниной пустыни. Эмиръ подозвалъ къ себѣ своего помощника,—и они оба долго глядѣли, заслоняя глаза руками, очевидно, отыскивая какую нибудь примѣту. Вскорѣ, по знаку Эмира, его верблюдъ медленно и систематично въ три равномѣрныхъ пріема опустился на колѣни, и вслѣдъ за нимъ и всѣ остальные, одинъ за другимъ, продѣлали то-же самое, пока всѣ верблюды не вытянулись длинной вереницей на землѣ. Тогда всадники ихъ соскочили на землю и разложили передъ каждымъ верблюдомъ холщевыя подстилки, и на нихъ рубленый саманъ для корма. Надо замѣтить, что ни одинъ породистый верблюдъ не станетъ ѣсть прямо съ пола или съ земли. Въ ихъ степенной, неторопливой манерѣ кушать, въ кроткомъ взглядѣ ихъ милыхъ вдумчивыхъ глазъ, плавныхъ, спокойныхъ движеніяхъ и граціозномъ подъемѣ и поворотѣ головы этихъ милыхъ разумныхъ животныхъ есть нѣчто женственное.

О плѣнныхъ никто не заботился, такъ какъ куда могли они бѣжать здѣсь въ пустынѣ? Но эмиръ, приблизившись къ группѣ ихъ и остановившись передъ нею, стоялъ нѣкоторое время, разглаживая свою черную бороду и задумчиво глядя на

ныхъ. Миссъ Адамсъ съ ужасомъ уловила, что взглядъ этихъ жестокихъ черныхъ глазъ особенно упорно останавливался на Сади. Отойдя въ сторону, Али Ибрагимъ отдалъ приказаніе,—и тотчасъ же явился негръ, таща бурдюкъ съ водою, изъ котораго онъ напоилъ всѣхъ плѣнныхъ поочередно. Вода эта была теплая и затхлая, съ сильнымъ привкусомъ бурдюка, но съ какимъ наслажденіемъ глотали ее истомленные жаждой туристы. Затѣмъ эмиръ сказалъ нѣсколько отрывистыхъ словъ драгоману и удалился.

— Высокочтимые лэди и джентльмены...—началъ было по своей всегдашней привычкѣ, Мансуръ, но устремленный на него полный гадливаго презрѣнія взглядъ Кочрэня заставилъ его смолкнуть на полусловѣ и разразиться жалостливыми самооправданіями:

— Какъ могъ я поступить иначе, когда самое лезвіе меча было у меня надъ головой? Я думаю, что всякій на моемъ мѣстѣ выдалъ-бы даже родную мать!

— Ты негодяй, вѣроятно, сдѣлалъ бы это, но далеко не всякій; у тебя висѣлъ мечъ надъ головой, а если мы какими-нибудь судьбами вернемся въ Египетъ, то ты самъ будешь болтаться на висѣлицѣ надъ землей!

— Все это прекрасно, Кочрэнь, но я полагаю, что мы въ своихъ собственныхъ интересахъ должны узнать отъ него, что сказалъ Эмиръ!

— Что касается меня, то я не желаю имѣть никакого дѣла съ подобнымъ мерзавцемъ!—заявилъ полковникъ Кочрэнь и, раздражительно пожавъ плечами, удалился своей обычной вымуштрованной походкой.

— Однако, что-же онъ сказалъ, этотъ Эмиръ?—спросилъ Бельмонтъ у драгомана.

— Онъ теперь какъ будто милостивѣе къ вамъ,—заявилъ Мансуръ,—онъ сказалъ, что если-бы у него было больше воды, онъ далъ бы намъ напиться въ волю, но у него самого очень ограниченный запасъ ея. Кромѣ того, онъ сказалъ, что завтра мы дойдемъ до колодцевъ Селима, и тогда для всѣхъ воды будетъ съ избыткомъ, тамъ мы и верблюдовъ напоимъ, и возобновимъ запасы!

— Не говорилъ-ли онъ, долго-ли мы пробудемъ на этомъ мѣстѣ?—освѣдомился Бельмонтъ.

— О, нѣтъ, самый короткій привалъ и затѣмъ впередъ и впередъ. Мистеръ Бельмонтъ....

— Молчи!—сердито прервалъ его жалобное изліяніе ирландецъ и снова принялся вычислять въ умѣ, когда караванъ можетъ нагнать египетская кавалерія, если его жена успѣла дать знать объ ихъ исчезновеніи. Ему было извѣстно, что въ Хальфѣ во всякое время небольшой отрядъ египетской кавалеріи былъ готовъ къ выступленію по первому сигналу, что день и ночь такой дежурный отрядъ содержится въ полной готовности, верблюды осѣдланы, припасы навьючены, люди на чеку, и въ какую-нибудь четверть часа такой отрядъ могъ быть мобилизованъ, какъ днемъ, такъ и ночью. Итакъ, быть можетъ, завтра на разсвѣтѣ эта погоня настигнетъ ихъ и отобьетъ у похитителей.

Но вдругъ мирный ходъ его мыслей былъ прерванъ негодующимъ голосомъ полковника Кочрэня, который показался на скатѣ ближайшаго пригорка, и за руки котораго бѣшено уцѣпились два араба. осмѣлившіеся, повидимому, связать его.

Лицо его было багрово, голосъ хрипѣлъ отъ бѣшенства, и онъ неистово выбивался.

— Ахъ, вы, проклятые убійцы!—скрежеща зубами, кричалъ онъ и вдругъ, замѣтивъ, что очутился въ двухъ шагахъ отъ своихъ, крикнулъ,—Бельмонтъ, они убили Сесиля Броуна!

Случилось это такъ. Желая уйти отъ своего собственнаго раздраженія, полковникъ Кочрэнъ забрелъ за ближайшій пригорокъ, гдѣ въ маленькой котловинѣ увидѣлъ группу лежащихъ верблюдовъ и услышалъ громкіе раздраженные голоса нѣсколькихъ человѣкъ. Центромъ группы былъ Сесиль Броунъ, блѣдный, съ вялымъ, скучающимъ взглядомъ и, какъ всегда, подкрученными кверху усиками. Арабы уже раньше обыскали его, какъ и всѣхъ остальныхъ плѣнниковъ, но теперь хотѣли раздѣть его до нага, въ надеждѣ, что онъ имѣетъ при себѣ еще что либо, чего имъ не удалось найти при первомъ обыскѣ. Одинъ отвратительнаго вида негръ съ широкими серебряными кольцами въ ушахъ скалилъ свои лошадиные зубы и, видимо, издѣвался надъ молодымъ дипломатомъ, подступая къ самому его лицу. Невозмутимое спокойствіе и безучастный скользящій взглядъ Сесиля Броуна въ эти минуты казались Кочрэню настоящимъ геройствомъ, чѣмъ-то сверхъ-человѣческимъ. Пиджакъ Броуна былъ уже распахнутъ, жилетъ тоже, и теперь громадные заскорузлые пальцы негра ухватили воротъ его сорочки и, рванувъ, разодрали ее до пояса. При звукѣ этого рву-

щагося полотна словно какое-то безуміе овладѣло этимъ всегда и доселѣ невозмутимымъ и безчувственнымъ молодымъ человѣкомъ; при прикосновеніи къ его тѣлу этихъ заскорузлыхъ черныхъ пальцевъ, казалось, вся душа возмутилась въ немъ. Дикій огонь сверкнулъ въ его глазахъ,—это уже не былъ законченный продуктъ салоновъ XIX вѣка, а дикарь, схватившійся съ дикаремъ. Лицо его разгорѣлось, вѣчно плотно сжатыя губы разворотились, какъ у чувственнаго сластолюбца,—и онъ принялся бить его, какъ дѣвочка, раскрытой ладонью, ударяя, съ дикимъ крикомъ, скрежеща зубами, набросился на негра и по чемъ попало, слабо, но злобно, безъ перерыва. Негръ на мгновеніе опѣшилъ и подался назадъ подъ этимъ градомъ неожиданныхъ, точно дѣтскихъ ударовъ, но затѣмъ, видимо, озлившись, выхватилъ длинный ножъ изъ своего рукава и, что есть силы, со всего размаха ударилъ имъ снизу подъ занесенную для удара руку противника. Броунъ разомъ опустился на землю и въ сидячей позѣ, опираясь обѣими ладонями, сталъ кашлять, какъ кашляетъ человѣкъ, поперхнувшійся за обѣдомъ, сильно, безпрерывно спазмами. Щеки его, горѣвшія гнѣвомъ, вдругъ побѣлѣли, затѣмъ въ кашлѣ послышалось клокотанье подступавшей къ горлу крови, онъ прикрылъ ротъ рукою, тихонько повалился на бокъ и остался недвижимъ; цѣлый потокъ яркой алой крови смочилъ песокъ. Негръ съ презрительнымъ взглядомъ отеръ свой ножъ и спряталъ его обратно въ рукавъ.

Какъ безумный, накинулся на него теперь полковникъ Кочрэнъ, но былъ схваченъ нѣсколькими изъ стоявшихъ вокругъ арабовъ и со связанными руками отведенъ къ своимъ сотоварищемъ.

Итакъ, Хидинглея уже не было въ живыхъ, Сесиля Броуна также, и теперь наши плѣнные съ тревогою, переводили глаза съ одного блѣднаго лица на другое, мысленно спрашивая себя, за кѣмъ же очередь.

На большомъ камнѣ, одинъ, въ сторонкѣ отъ другихъ, сидѣлъ monsieur Фардэ, подперши голову руками и уставивъ локти въ колѣна. Онъ неподвижно смотрѣлъ вдаль, когда Бельмонтъ замѣтилъ, что онъ вдругъ поднялъ голову и насторожился, какъ породистая охотничья собака, заслышавшая чужіе шаги, затѣмъ разомъ подался впередъ и, очевидно, напрягая всю силу своего зрѣнія, сталъ смотрѣть въ томъ направленіи, по которому только что прошелъ ихъ караванъ. Бель-

монтъ сталъ смотрѣть туда-же,—и дѣйствительно, тамъ, вдали, что-то виднѣлось, что-то двигалось. Вскорѣ уже можно было отличить холодный блескъ стали и что-то бѣлое, развѣвающееся по вѣтру. Сторожевые дервиши дважды повернули своихъ верблюдовъ и затѣмъ разрядили свои ружья въ воздухъ. Но не успѣлъ еще замереть звукъ залпа, какъ всѣ они были уже въ сѣдлахъ и арабы, и негры, еще минута,—всѣ верблюды были подняты на ноги и плавно двинулись по направленію къ своимъ сторожевымъ. Плѣнныхъ окружили нѣсколько человѣкъ вооруженныхъ арабовъ, которые у нихъ на глазахъ стали вкладывать боевые патроны въ свои ремингтоны.

— Клянусь честью, это кавалерія на верблюдахъ!—воскликнулъ полковникъ Кочрэнь, позабывъ о всѣхъ своихъ невзгодахъ.—Я полагаю, что наши!—и онъ въ волненіи, самъ не сознавая какъ, высвободилъ свои руки изъ аркана.

— Значитъ, они оказались еще проворнѣе, чѣмъ я ожидалъ,—сказалъ Бельмонтъ,—они прибыли цѣлыми двумя часами раньше, чѣмъ ихъ можно было ожидать. Ура, monsieur Фардэ! Ca va bien, n'est ce pas?

— Ah! Merveilleusement bien! Vivent les anglais!—воскликнулъ французъ въ сильномъ возбужденіи, готовый бѣжать на встрѣчу приближающейся вереницѣ верблюдовъ. Голова каравана уже показывалась изъ за пригорка.

— Слушайте, Бельмонтъ, я долженъ васъ предупредить, что эти молодцы, какъ только увидятъ, что ихъ дѣло проиграно, тотчасъ-же пристрѣлятъ насъ, какъ дичь. Таковъ ихъ обычай. Поэтому будьте готовы, постарайтесь справиться съ тѣмъ подслѣповатымъ парнемъ, что кривъ на одинъ глазъ; я беру на свою долю этого дюжаго негра: вы, Стефенсъ, постарайтесь выбить ружье изъ рукъ вотъ того тощаго парня; вы, Фардэ, comprenez vous? Il est nécessaire справиться съ ними, прежде, чѣмъ они успѣютъ пустить въ дѣло свое оружіе... но... но...—его слова перешли въ какой-то невнятный шепотъ... это—арабы!—проговорилъ онъ, съ трудомъ ворочая языкомъ; его голосъ до того измѣнился, что его нельзя было узнать.

Изъ всѣхъ тяжелыхъ минутъ этого ужаснаго дня это была чуть-ли не самая горькая минута. Женщины горько плакали, не скрывая своихъ слезъ, только одинъ мистеръ Стюартъ въ бреду, надъ чѣмъ то отъ души хохоталъ, прислонясь спиной къ бедру своего верблюда. Фардэ, закрывъ лицо, плакалъ.

Арабы же привѣтствовали другъ друга выстрѣлами въ воздухъ и высоко размахивали надъ головой своими длинными копьями. Вновь прибывшихъ было не такъ много, не болѣе 30 человѣкъ, но всѣ они носили тотъ-же красный тюрбанъ и бѣлый бурнусъ съ коричневой каймой. У одного изъ нихъ было въ рукахъ небольшое бѣлое знамя съ красными буквами какого-то текста, но, кромѣ того, въ этой группѣ арабовъ было нѣчто, что особенно привлекло вниманіе плѣнныхъ. Сердца всѣхъ дрожали отъ волненія.

— Смотрите, миссъ Адамсъ,—воскликнулъ Стефенсъ,—что это тамъ въ центрѣ группы? Право, это женщина!

Дѣйствительно, на одномъ изъ верблюдовъ выдѣлялась какая-то своеобразная фигура. Еще минута, ряды арабовъ разомкнулись,—и фигура женщины, бѣлой женщины ясно предстала передъ глазами туристовъ.

— Пароходъ нашъ былъ атакованъ!—воскликнулъ кто-то.—Это кто нибудь изъ нашихъ!

Бельмонтъ вскрикнулъ и кинулся впередъ, позабывъ обо всѣмъ на свѣтѣ.

— Нора! Дорогая!—кричалъ онъ.—Не падай духомъ, я здѣсь, и все теперь хорошо!

VI.

Итакъ, «Короско» былъ захваченъ арабами, и всѣ надежды на спасеніе, всѣ точныя вычисленія разстоянія и времени,—все это было напрасно, обманчивый миражъ. Въ Хальфѣ никто не подыметъ тревоги до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ, что пароходъ не возвратился. Даже и теперь, когда Нилъ казался узкой зеленоватой полоской на самомъ краю горизонта, преслѣдованіе арабовъ еще не началось. Какъ-же слабы были ихъ шансы на то, что египетская кавалерія успѣетъ нагнать ихъ и отбить у степныхъ разбойниковъ тѣмъ болѣе, что теперь уже оставалось не болѣе какихъ-нибудь ста миль до страны дервишей! Всѣми ими, за исключеніемъ Бельмонта, овладѣло тупое отчаяніе. Между тѣмъ арабы обмѣнивались привѣтствіями и сообщали другъ другу о томъ, что было сдѣлано той и другой стороной, съ обычной своей сдержанностью и важностью, тогда какъ негры того и другого отряда скалили свои бѣлые зубы и трещали, какъ сороки,—эти вѣчно добродушные и веселые негры, которыхъ даже суровый Коранъ не смогъ лишить этого добродушія.

Предводителемъ вновь прибывшихъ былъ сѣдобородый, худой, аскетическаго вида арабъ, съ ястребинымъ носомъ и пронизывающимъ взглядомъ черныхъ жестокихъ глазъ. Онъ держался высокомѣрно и надменно; всѣ остальные относились къ нему съ особымъ почтенiемъ. При видѣ этого стараго араба, драгоманъ жалобно застоналъ и безнадежно всплеснулъ руками.

— Это эмиръ Абдеррахманъ,—простоналъ онъ,—теперь я уже не смѣю надѣяться, что мы останемся живы!

Для всѣхъ остальныхъ имя Абдеррахмана ничего не значило, но полковникъ Кочрэнь, служившiй нѣкогда на Востокѣ, слыхалъ, что этотъ человѣкъ пользовался репутацiей чудовищной жестокости и безпощаднаго фанатизма. Оба эмира нѣкоторое время совѣщались между собой, затѣмъ они долго и упорно смотрѣли на кучку унылыхъ плѣнныхъ, при чемъ младшiй изъ двоихъ что-то объяснялъ, а старшiй слушалъ съ мрачнымъ, безстрастнымъ выраженiемъ лица.

— Кто этотъ красивый сѣдобородый арабъ?—спросила миссъ Адамсъ, первая, очнувшаяся отъ общаго удрученнаго состоянiя.

— Это теперь ихъ вождь и предводитель!—сказалъ полковникъ Кочрэнь.

— Неужели вы хотите сказать, что онъ теперь приметъ начальство надъ всѣми нами и надъ тѣмъ другимъ, чернобородымъ?

— Да, лэди,—отвѣтилъ драгоманъ,—онъ теперь начальникъ надъ всѣми!

— Что касается меня, то я предпочитаю быть въ его власти, чѣмъ во власти того чернобородаго,—сказала миссъ Адамсъ, глядя на племянницу.—Неправда-ли, Сади дорогая, ты теперь себя лучше чувствуешь, когда жара немного спала?

— Да, тетечка, не безпокойтесь обо мнѣ, сами то вы какъ себя теперь чувствуете?

— Я чувствую себя бодрѣе, чѣмъ раньше. Мнѣ совѣстно, что я подавала тебѣ такой скверный примѣръ своимъ малодушiемъ. Но я прямо голову потеряла при мысли, что мнѣ скажетъ твоя мать, которая довѣрила мнѣ тебя... Боже мой, въ Бостонскомъ Герольдѣ, вѣроятно, будетъ помѣщена замѣтка объ этомъ! Боже мой...

— Ахъ, бѣдный мистеръ Стюартъ!—воскликнула Сали.—

Слышите, какъ онъ все время не перестаетъ бредить! Посмотримъ, тетя, не можемъ-ли мы что-нибудь сдѣлать для него?

— Меня сильно тревожитъ участь г-жи Шлезингеръ и ея ребенка,—сказалъ полковникъ Кочрэнъ.—Я вижу вашу жену, Бельмонтъ, но не вижу никого больше!

— Они ведутъ ее сюда!—воскликнулъ Бельмонтъ.—Слава Богу! Теперь мы все узнаемъ. Они не сдѣлали тебѣ вреда, дорогая Нора?—и онъ кинулся впередъ, чтобы схватить и поцѣловать ея руку, которую она протянула ему, когда онъ помогалъ ей спуститься съ верблюда.

Милые, ласковые, сѣрые глаза мистриссъ Бельмонтъ и ея привѣтливое спокойное лицо успокоительно подѣйствовали на всѣхъ.

— Бѣдняжки,—сказала она,—глядя на васъ, я вижу, что вамъ было гораздо хуже, чѣмъ мнѣ. Нѣтъ, право, дорогой Джонъ, я чувствую себя прекрасно, даже не ощущаю особенно сильной жажды, такъ какъ мы наполнили свои бурдюки водою у Нила, и мнѣ давали пить въ волю. Но отчего я не вижу мистера Хидинглей и мистера Броуна, вѣдь они отправились вмѣстѣ съ вами?!. А бѣдный мистеръ Стюартъ, что съ нимъ?

— И Хидинглей, и Броунъ, покончили свои счеты съ жизнью,—отвѣтилъ угрюмо ея супругъ,—и ты не повѣришь, дорогая, сколько разъ я благодарилъ Бога за то, что ты не была съ нами. А теперь ты все же здѣсь, дорогая моя!

— Гдѣ-же мнѣ и быть, Джонъ, какъ не подлѣ моего супруга?! И, право, мнѣ гораздо, гораздо лучше здѣсь, чѣмъ было бы тамъ, въ Хальфѣ!

— Дошла-ли до города какая нибудь вѣсть о случившемся?—спросилъ Кочрэнъ.

— Одной шлюпкѣ удалось уйти отъ арабовъ. Мистриссъ Шлезингеръ съ ребенкомъ и няней уплыли на ней. Я находилась внизу, въ каютѣ, когда арабы ворвались на «Короско»; тѣ, кто былъ на палубѣ, успѣли сѣсть на шлюпку и бѣжать, — шлюпка была уже спущена и совсѣмъ на готовѣ. Арабы стрѣляли по шлюпкѣ, и я не знаю, былъ-ли на ней кто-нибудь убитъ или раненъ!

— Они стрѣляли по шлюпкѣ?—переспросилъ Бельмонтъ.—Прекрасно! Въ такомъ случаѣ ихъ выстрѣлы могли слышать въ Хальфѣ. Какъ вы думаете, Кочрэнъ? Погоня, вѣроятно, несется за нами по горячему слѣду, мы каждую минуту можемъ надѣяться увидѣть бѣлые пулари британскаго офицера!

Но на этотъ разъ Кочрэнъ оставался холоденъ и недовѣрчиво отнесся къ возможности спасенія.

— Если они не выѣхали въ составѣ сильнаго отряда, то пусть лучше вовсе не являются,—сказалъ Кочрэнъ,—эти люди не изъ тѣхъ, съ кѣмъ легко справиться,—главари ихъ опытные въ военномъ дѣлѣ; съ ними придется сражаться не на шутку!

Въ этотъ моментъ громадное багровое солнце на половину опустило свой лучезарный дискъ за фіолетовую линію холма па краю горизонта. Это часъ вечерней молитвы мусульманъ. Древніе обитатели Ирланскаго плато стали бы поклоняться этому лучезарному диску на краю горизонта, но эти дѣти пустыни были благороднѣе въ своихъ чувствахъ,—для нихъ идеалъ выше матеріальной дѣйствительности, — и потому они оборачиваются спиной къ великолѣпной картинѣ заходящаго солнца и возносятъ свой мысленный взоръ къ далекому Востоку, колыбели и очагу ихъ религіи, и молятся, молятся такъ, что намъ, христіанамъ, остается только поучиться у нихъ. О, эти фанатики мусульмане, какъ они умѣютъ молиться! Всецѣло поглощенные своимъ религіознымъ экстазомъ, съ вдохновенными лицами и сіяющимъ взоромъ, съ повергнутымъ въ прахъ челомъ, лежатъ они по нѣсколько минутъ на своихъ молельныхъ коврикахъ. И кто могъ усумниться, глядя на этихъ людей, на ихъ убѣжденную вѣру, на этотъ огонь фанатизма, горящій въ ихъ глазахъ, что въ нихъ таится великая жизненная сила, что безчисленные милліоны людей думаютъ, какъ одинъ человѣкъ,—отъ мыса Джуба и предѣловъ Китая! Пусть только одна могучая волна всколыхнетъ ихъ, пусть только возстанетъ среди нихъ великій вождь или организаторъ, который сумѣетъ воспользоваться этой великой силой,—и тогда кто можетъ поручиться, что эти сыны Востока не заполонятъ когда нибудь жалкій, дряхлый, вырождающійся югъ Европы, какъ нѣкогда, тысячу лѣтъ тому назадъ!

Но вотъ молитва кончена, арабы поднялись съ колѣнъ,— и тотчасъ-же прозвучалъ призывный сигналъ. Плѣнные поняли, что, пропутешествовавъ весь день, они были, повидимому, осуждены путешествовать и всю ночь. Бельмонтъ невольно заворчалъ, онъ утѣшалъ себя надеждой, что погоня настигнетъ ихъ еще на этомъ привалѣ; но такъ надѣялся только онъ одинъ, другіе же давно оставили всякую надежду на спасеніе и покорились неизбѣжному. Каждому изъ нихъ дали по-

арабской плоской хлѣбной лепешкѣ, которая показалась верхомъ всякаго лакомства, и о, роскошь!—по цѣлому стакану воды, свѣжей и холодной, изъ того запаса, который привезъ съ собою отрядъ Абдеррахмана.

Если бы тѣло наше такъ же быстро поддавалось душевному нашему состоянію, какъ поддается это послѣднее нашимъ физическимъ, тѣлеснымъ ощущеніямъ, какимъ раемъ небеснымъ могла бы стать жизнь! Теперь, когда ихъ жалкія физическія потребности были удовлетворены, и самое настроеніе плѣнныхъ стало совершенно иное, они уже не чувствоавли себя, какъ раньше, угнетенными и пришибленными; въ нихъ откуда-то явилась и бодрость духа, и они безъ особаго понуканья взобрались снова на своихъ верблюдовъ. Только мистеръ Стюартъ лежалъ неподвижно, продолжая неумолчно шептать,—и никто изъ арабовъ не далъ себѣ труда поднять и посадить его на верблюда.

— Не стоитъ имъ говорить, сэръ, они говорятъ, что онъ слишкомъ тученъ и тяжелъ, и они не хотятъ везти его дальше! Онъ, все равно, скоро умретъ, такъ они не хотятъ больше съ нимъ возиться!

— Не хотятъ возиться!—воскликнулъ Кочрэнъ, у котораго отъ гнѣва и негодованія выступили красныя пятна на щекахъ.—Да, вѣдь, онъ здѣсь умретъ отъ голода и жажды! Гдѣ эмиръ? Эй, ты!—крикнулъ онъ проѣзжавшему въ этотъ моментъ мимо него чернобородому Али Ибрагиму, такимъ тономъ, какимъ обыкновенно обращался къ погонщикамъ муловъ. Но эмиръ не удостоилъ вниманіемъ этотъ дерзкій окликъ, а только, проѣзжая дальше, отдалъ какое-то краткое приказаніе одному изъ конвойныхъ арабовъ, который, подскакавъ къ Кочрэну, изо всей силы ударилъ его прикладомъ своего ремингтона въ бокъ. Старый вояка ткнулся впередъ и, судорожно ухватившись обѣими руками за переднюю луку своего сѣдла, почти безъ чувствъ поникъ надъ горбомъ своего верблюда. При видѣ этого возмутительнаго поступка, женщины не могли удержать слезъ, а мужчины въ безсильномъ гнѣвѣ скрежетали зубами и сжимали кулаки. Бельмонтъ машинально хватился за свой потайной карманъ, въ которомъ у него находился маленькій карманный револьверъ, и только тогда вспомнилъ, что онъ отдалъ его миссъ Адамсъ, когда ощупалъ, что карманъ пустъ. Если-бы подъ его горячую руку попался въ эту минуту револьверъ, онъ навѣрное уложилъ-бы на мѣстѣ эмира, ѣхавшаго

въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди его, а это вызвало-бы поголовное избіеніе всѣхъ плѣнныхъ.

Между тѣмъ на краю горизонта, тамъ, гдѣ только-что закатилось солнце, небо сохранило лиловато-сѣрый оттѣнокъ. Но вотъ этотъ свинцово-фіолетовый горизонтъ началъ постепенно свѣтлѣть и проясняться, пока не получилось впечатлѣніе мнимаго разсвѣта и не стало казаться, что колеблющееся солнце вотъ-вотъ снова вернется. Весь закатъ алѣлъ розоватой зарей, которая постепенно стала вновь медленно погасать и переходить въ прежній лиловато-свинцовый оттѣнокъ,—и наступила ночь. Еще сутки тому назадъ пассажиры „Короско" съ палубы своего парохода любовались ночью, такими же звѣздами и тѣмъ самымъ тонкимъ серпомъ молодого мѣсяца. Всего двѣнадцать часовъ тому назадъ они завтракали въ уютномъ салонѣ передъ отправленіемъ въ экскурсію; немного времени казалось, протекло съ тѣхъ поръ,—а нѣсколькихъ изъ нихъ уже не было въ живыхъ, остальные же стали за это время совершенно другими людьми.

Длинная вереница верблюдовъ беззвучно тянулась по залитой трепетнымъ луннымъ свѣтомъ пустынѣ, словно рядъ привидѣній. Въ началѣ и въ хвостѣ каравана мѣрно колыхались бѣлыя фигуры арабовъ. Кругомъ ни звука,—и вдругъ, среди этой мертвой таинственной тишины и безмолвія, откуда-то издалека донеслись звуки человѣческаго голоса. Голосъ этотъ, сильный и благозвучный, пѣлъ знакомый напѣвъ; «Мы на ночь дѣлаемъ привалъ, еще днемъ ближе къ цѣли!»

Плѣннымъ казалось, что они различаютъ слова, и всѣ они невольно содрогнулись: неужели мистеръ Стюартъ пришелъ въ себя и съ умысломъ выбралъ эти слова, или же то была простая случайность его бреда?! И всѣ они невольно обратили свои взоры въ ту сторону, гдѣ остался ихъ бѣдный другъ: онъ отлично зналъ, что ужъ очень близокъ къ цѣли....

— Дорогой мой дружище, надѣюсь, вы не очень сильно ранены?—сочувственно и съ искренней тревогой въ голосѣ освѣдомился Бельмонтъ, ласково и любовно положивъ руку на колѣно Кочрэня.

Полковникъ теперь понемногу выпрямился, хотя все еще не могъ отдышаться.

— Я теперь почти совершенно оправился,—отозвался онъ, замѣтно измѣнившимся голосомъ,—будьте добры, не откажитесь указать мнѣ того человѣка, кто нанесъ мнѣ этотъ ударъ!

— Вотъ тотъ, который теперь ѣдетъ подлѣ Фардэ, тамъ, впереди!—отвѣчалъ Бельмонтъ.

— Благодарю, я сейчасъ не совсѣмъ хорошо различаю его отсюда, при этомъ невѣрномъ, обманчивомъ свѣтѣ луны, но думаю, что сумѣю узнать его потомъ. — Это, кажется, еще молодой парень, безбородый... не правда-ли, Бельмонтъ?

— Да, но, признаюсь, я думалъ, что онъ переломилъ вамъ нѣсколько реберъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ только вышибъ изъ меня духъ, я не могъ перевести дыханія... Да и теперь еще дышется трудно...

— Вы, право, точно желѣзный, Кочрэнь! Вѣдь, это былъ такой страшный ударъ, что трудно повѣрить, чтобы вы могли такъ скоро оправиться послѣ него!

— Дѣло въ томъ,—отвѣтилъ Кочрэнь, близко наклонившись къ Бельмонту,—надѣюсь, что это останется между нами, и что вы никому этого не передадите, въ особенности-же дамамъ,—дѣло въ томъ, что я, въ сущности, старше, чѣмъ-бы желалъ казаться, и такъ какъ я всегда очень дорожилъ своей военной выправкой, то...

— О... не продолжайте... я уже угадалъ!—воскликнулъ удивленный ирландецъ.

— Ну, да, легкая искусственная поддержка, вы понимаете... она меня спасла въ данномъ случаѣ, какъ видите!—и Кочрэнь тутъ же перевелъ разговоръ на другое.

Эта ночь впослѣдствіи не разъ снилась тѣмъ, кто ее пережилъ, и въ ихъ воспоминаніи казалась какимъ-то смутнымъ сномъ. Звѣзды временами казались такъ близко, такъ низко, что ихъ можно было принять за фонарь, поставленный на дорогѣ; черезъ минуту другая казалась на ладонь отъ головы верблюда или же цѣлые потоки этихъ звѣздъ дождемъ лили свой свѣтъ съ прозрачно-чернаго, таинственно глубокаго неба. Медленно двигался длинный караванъ, въ полномъ безмолвіи, но изъ плѣнныхъ никто не спалъ. Наконецъ, на далекомъ востокѣ забрезжилъ первый холодный сѣрый свѣтъ, предвѣстникъ развѣта, и блѣдныя, растерянныя лица путниковъ казались страшными при этомъ странномъ свѣтѣ.

Весь день ихъ мучила и томила жара, ужасный нестерпимый зной африканской пустыни; теперь же пронизывающій холодъ причинялъ имъ новыя мученія. Арабы укутались въ свои бурнусы и завернули въ нихъ даже свои головы; плѣнникамъ же нечѣмъ было прикрыться; они сжимали руки и

дрожали отъ холода. Особенно страдала отъ холода миссъ Адамсъ, кровообращеніе ея было вялое, бѣдняжка дрогла, какъ изнѣженная комнатная собаченка, выгнанная ночью на морозъ,—дрогла до слезъ.

Стефенсъ скинулъ съ себя куртку и накинулъ ее на плечи бѣдной миссъ Адамсъ, самъ же онъ ѣхалъ подлѣ Сади и все время неумолчно болталъ или тихонько насвистывалъ какой нибудь напѣвъ для того, чтобы увѣрить ее, что ему было несравненно теплѣе и лучше безъ куртки,въ одномъ жилетѣ, но эта демонстранція была слишкомъ усиленной, чтобы не казаться неестественной. Тѣмъ не менѣе, онъ, быть можетъ, дѣйствительно, менѣе другихъ ощущалъ ночной холодъ, такъ какъ въ немъ горѣлъ священный огонь и какая-то странная, никогда еще не испытанная имъ радость зарождалась гдѣ-то въ глубинѣ его души и незамѣтно примѣшивалась ко всѣмъ горестнымъ событіямъ этого дня; такъ ему было положительно трудно рѣшить, было-ли это приключеніе для него величайшимъ несчастьемъ, или же величайшимъ благополучіемъ въ его жизни.

Тамъ, на «Короско», молодость, красота, привлекательность и милый нравъ Сади заставляли его сознавать, что въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ надѣяться быть терпимымъ ею. Но здѣсь онъ сознавалъ, что можетъ ей дѣйствительно на что-нибудь пригодиться, что она съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе привыкла обращаться къ нему, какъ мы обращаемся къ нашему естественному покровителю, отцу, брату или мужу. И самъ онъ начиналъ сознавать, что за жалкой, сухой оболочкой дѣлового человѣка въ немъ таился еще другой, сильный и надежный человѣкъ, въ которомъ билось сердце, и пробудилась душа,—и онъ почувствовалъ къ себѣ нѣкоторое чувство самоуваженія, котораго раньше не испытывалъ. Правда, онъ прозѣвалъ свою молодость, но теперь она возвращалась къ нему, какъ прелестный цвѣтокъ.

— Я начинаю вѣрить, что все это вамъ очень нравится, мистеръ Стефенсъ,—сказала Сади съ горечью.

— Не скажу, чтобы очень, хотя, во всякомъ случаѣ, я не пожелалъ-бы остаться въ Хальфѣ, зная, что вы здѣсь!

Это былъ первый и самый смѣлый намекъ на его чувства, который онъ себѣ позволилъ до сихъ поръ, и дѣвушка взглянула на него съ невольнымъ удивленіемъ.

— Мнѣ кажется теперь, что я всю жизнь была очень скверной дѣвочкой, — сказала Сади, немного погодя. — Мнѣ самой всегда жилось хорошо, я никогда не думала о томъ, что другіе могутъ быть несчастны, а это происшествіе съ нами какъ-то сразу заставило меня серьезнѣе взглянуть на вещи, и теперь, если я вернусь когда-нибудь отсюда, то буду лучшей женщиной, болѣе серьезной, болѣе сердечной...

— А я буду другимъ, лучшимъ человѣкомъ,—подтвердилъ ея мысль мистеръ Стефенсъ,—я полагаю, что именно съ этою цѣлью и приходятъ къ людямъ несчастія... Посмотрите, какъ въ эти тяжелыя минуты проявились и сказались всѣ хорошія душевныя качества въ нашихъ спутникахъ. Возьмемъ хотя бы бѣднаго мистера Стюарта! Вѣдь, мы бы никогда не узнали какой это былъ благородный и сильный духомъ человѣкъ, какой удивительный стоикъ! А супруги Бельмонтъ! Развѣ это не трогательно видѣть, какъ они, безпрестанно думая другъ о другѣ, совершенно забываютъ о своемъ личномъ горѣ, опасности и невзгодахъ,—какъ даже самое горе перестаетъ казаться имъ горемъ потому только, что они вмѣстѣ?! А полковникъ Кочрэнь, который тамъ, на «Короско», казался всѣмъ намъ чопорнымъ, нѣсколько безсердечнымъ сухимъ человѣкомъ, какимъ благороднымъ, отважнымъ и великодушнымъ показалъ онъ себя здѣсь. Какъ самоотверженно вступается онъ за каждаго! А Фардэ, смотрите, онъ забылъ всѣ свои предразсудки, онъ смѣлъ, какъ левъ.... Право, мнѣ кажется, что это горе только сдѣлало всѣхъ насъ лучше, чѣмъ мы были, что оно послужитъ намъ во благо!

Сади глубоко вздохнула.

— Да,—сказала она,—если все это кончится и благополучно, если эти несчастья скоро окончатся... Но если это продолжится еще недѣли и мѣсяцы и затѣмъ окончится смертью, то я, право, не знаю, гдѣ мы воспользуемся тѣмъ благомъ, которое вынесли изъ этого несчастья? Ну, предположимъ, что вамъ-бы удалось спастись, мистеръ Стефенсъ. Скажите, что бы вы сдѣлали?

Юристъ съ минуту призадумался, но такъ какъ его профессіональные инстинкты были еще живы въ немъ, то онъ отвѣтилъ:

— Я бы прежде всего разсмотрѣлъ, на какихъ основаніяхъ и противъ кого можно возбудить дѣло, противъ-ли организаторовъ экскурсій туристовъ, предложившихъ намъ посѣ-

тить утесъ Абукиръ, когда это сопряжено съ такимъ рискомъ, противъ ли египетскаго правительства, не охраняющаго надлежащимъ образомъ своихъ границъ, или противъ калифата. Это будетъ въ высшей степени интересный процессъ. А вы, что сдѣлали-бы вы, Сади?

Онъ впервые опустилъ обычное, требуемое приличіями, слово «миссъ», но дѣвушка была настолько озабочена своими собственными думами, что даже не замѣтила этого.

— Я буду добрѣе къ другимъ, буду сочувственнѣе, я постараюсь дать кому-нибудь счастье въ память тѣхъ тяжелыхъ минутъ, которыя мнѣ пришлось пережить здѣсь! — сказала Сади какъ-то особенно прочувственно и вмѣстѣ вдумчиво.

— Но вы же всю свою жизнь только и дѣлали, что давали счастье другимъ,—возразилъ Стефенсъ,—вы это дѣлаете помимо своей воли!

Полумракъ южной ночи какъ будто придавалъ ему смѣлость, онъ говорилъ теперь то, что едва-ли бы рѣшился сказать днемъ при яркомъ свѣтѣ.

— Вы не нуждались въ этомъ жестокомъ урокѣ!

— Вы только доказываете этимъ, какъ мало вы меня знаете. Я всю жизнь была очень себялюбива и легкомысленна, и не думала о другихъ, не страдала за нихъ и даже не замѣчала ихъ страданій!

— Во всякомъ случаѣ, вы не имѣли надобности въ такомъ сильномъ потрясеніи, въ васъ всегда была жива ваша молодая душа. А я,—это дѣло другое!

— Почему-же вамъ нужна была эта встряска, это сильное потрясеніе?

— Потому, что все на свѣтѣ лучше спячки, лучше застоя, даже горе, даже муки... Я только теперь началъ жить, до сихъ поръ я не жилъ, а прозябалъ, я былъ ничто иное, какъ машина: сухой, черствый, односторонній человѣкъ; ничто меня не трогало, не волновало; у меня не было на то времени. Правда, я замѣчалъ иногда это возбужденіе, это волненіе въ другихъ и удивлялся, думая, ужъ нѣтъ ли въ моемъ организмѣ какого-нибудь дефекта, лишающаго меня возможности испытывать то, что испытываютъ другіе люди. Но теперь, въ эти послѣдніе дни, я испыталъ, какъ глубоко могу ощущать, какъ могу таить горячія надежды и смертельный, мучительный страхъ, я убѣдился, что могу и ненавидѣть, и.... испытывать сильное, глубокое чувство, проникающее всю мою душу. Да!

Я возродился къ жизни! Быть можетъ, я стою на рубежѣ могилы, но все же я теперь могу сказать, умирая, что я жилъ!

— Но почему же вы постоянно вели такую мертвящую душу жизнь?—спросила Сади.

— Почему? Я былъ честолюбивъ, я хотѣлъ выбиться на дорогу! Кромѣ того, мнѣ надо было поддерживать мать и сестру, заботиться о нихъ... Ну, слава Богу! Вотъ и утро настаетъ. Тетушка ваша, да и вы сами перестанете зябнуть, какъ только выглянетъ солнце!

— Да, а вы тоже, безъ куртки!—добавила Сади.

— О, я, мнѣ ничего, у меня прекрасное кровообращеніе, мнѣ вовсе не холодно въ одномъ жилетѣ!

Дѣйствительно, долгая, холодная ночь миновала, наконецъ, и глубокое, почти черное небо стало постепенно свѣтлѣть, переходя въ удивительный розово-лиловатый колоритъ. Крупныя яркія звѣзды, какъ будто висѣвшія въ пространствѣ, все еще ярко свѣтились, но какъ будто ушли дальше отъ земли, затѣмъ, мало по малу, стали блѣднѣть. Сѣрая полоса разсвѣта росла и начинала переходить въ нѣжно-розовые оттѣнки. Поверхъ этой полосы раскинулись вѣеромъ лучи еще невидимаго на горизонтѣ солнца. И вдругъ наши истомленные, иззябшіе путники почувствовали на своихъ спинахъ его рѣзкія черныя тѣни. Дервиши, не проронившіе за всю ночь ни одного слова, теперь сбросили съ себя свои бурнусы, раскутали головы и весело заговорили между собой. Плѣнники тоже начинали обогрѣваться и съ радостью уничтожали розданное имъ дурро (т. е. арабское просо); вскорѣ была сдѣлана небольшая остановка на ходу, и всѣмъ роздана порція воды, около стакана на каждаго.

— Могу я говорить съ вами, полковникъ? — спросилъ подъѣхавшій къ Кочрэню драгоманъ.

— Нѣтъ!—рѣзко и пренебрежительно отрѣзалъ было старый вояка.

— А между тѣмъ это крайне важно для васъ, чтобы вы выслушали меня: отъ этого зависитъ спасеніе всѣхъ васъ!

— Такъ что же ты имѣешь сказать? — спросилъ онъ, не глядя на Мансура.

Кочрэнь насупился и сталъ сердито теребить свой длинный усъ.

— Прежде всего, вы должны совершенно довѣриться мнѣ,

хотя бы уже потому, что мнѣ такъ-же важно вернуться въ Египетъ, какъ и вамъ, тамъ у меня жена, дѣти, домъ. А здѣсь я до самой смерти буду невольникомъ, буду работать, какъ волъ, и жить, какъ бездомный песъ!..

— Ну, что же дальше?

— Вы уже знаете того чернокожаго, который былъ при Хиксъ-Пашѣ; онъ въ эту ночь ѣхалъ рядомъ со мной и долго бесѣдовалъ. Онъ говорилъ, что плохо понимаетъ васъ, и что вы тоже плохо его понимаете; поэтому онъ рѣшилъ обратиться къ моему посредничеству!

— Что же онъ сказалъ тебѣ?

Онъ говорилъ, что среди арабовъ есть восемь человѣкъ солдатъ изъ египетской арміи, пятеро чернокожихъ и двое феллаховъ, и они желаютъ, чтобы вы пообѣщали имъ отъ своего имени и отъ имени всѣхъ остальныхъ господъ каждому приличное вознагражденіе, если они помогутъ вамъ спастись и бѣжать отъ арабовъ!

— Понятно, что мы готовы обѣщать приличное вознагражденіе! Я готовъ поручиться за всѣхъ!

— Они желаютъ получить не менѣе, какъ по сто египетскихъ фунтовъ каждый!—замѣтилъ Мансуръ.

— Можешь обѣщать имъ эти деньги! Скажи имъ, что они получатъ ихъ тотчасъ-же, какъ только мы перейдемъ границу. Но что они собственно предлагаютъ сдѣлать?—освѣдомился Кочрэнь.

— Они говорятъ, что ничего опредѣленнаго сейчасъ обѣщать не могутъ, а пока будутъ ѣхать, держась все время какъ можно ближе около васъ, чтобы, въ случаѣ, если представится возможность спасенія, они могли во всякое время воспользоваться ею; они будутъ стараться отрѣзать арабовъ отъ васъ и стать между ними и вами, — а тамъ дальше видно будетъ, что можно будетъ сдѣлать!

— Прекрасно, ты можешь сказать имъ, что каждый изъ нихъ получитъ по 200 египетскихъ фунтовъ, если только они сумѣютъ вырвать насъ изъ рукъ арабовъ. Нельзя ли подкупить и кого нибудь изъ послѣднихъ?

— Рискъ попытки слишкомъ великъ; можно разомъ погубить все дѣло, и тогда всѣмъ намъ тутъ же конецъ! Я пойду и скажу черномазому вашъ отвѣтъ; я вижу, что онъ уже поджидаетъ меня! — и драгоманъ удалился.

Эмиръ разсчитывалъ сдѣлать привалъ не дольше, какъ

на полъ-часа, но, по тщательномъ осмотрѣ верблюдовъ, оказалось, что вьючныя животныя, на которыхъ ѣхали плѣнники, были до того изнурены длиннымъ и быстрымъ переходомъ, который имъ пришлось совершить, что не было никакой возможности заставить ихъ идти дальше, не давъ передохнуть хоть часъ или полтора. Бѣдняги вытянули свои длинныя шеи по землѣ, что является крайнимъ признакомъ утомленія у этихъ животныхъ. Эмиры, осматривавшіе во время привала караванъ, озабоченно покачали головами; затѣмъ жестокіе блестящіе глаза стараго Абдеррахмана остановились на плѣнныхъ; онъ сказалъ нѣсколько словъ Мансуру, лицо котораго мгновенно поблѣднѣло, какъ полотно.

— Эмиръ говоритъ, — перевелъ онъ, — что если вы не согласны всѣ до одного принять Исламъ, то не стоитъ задерживаться цѣлому каравану ради того, чтобы довезти васъ до Хартума на вьючныхъ верблюдахъ. Вѣдь, если-бы не вы, они могли совершать переходы вдвое быстрѣе, а потому онъ теперь же желаетъ знать, согласны-ли вы принять Коранъ?— Затѣмъ, не измѣняя интонаціи голоса, какъ будто онъ все еще продолжаетъ переводить слова эмира, Мансуръ добавилъ отъ себя:—Совѣтую вамъ, господа, согласиться, такъ какъ иначе онъ всѣхъ васъ прикажетъ прирѣзать!

Несчастные плѣнники въ смущеніи взглянули другъ на друга, а оба эмира съ суровыми, величавыми лицами стали ожидать отвѣта.

— Что касается меня,—произнесъ Кочрэнъ,—то я скорѣе согласенъ умереть здѣсь теперь же, чѣмъ невольникомъ въ Хартумѣ!

— Какъ ты думаешь, Нора? — обратился Бельмонтъ къ женѣ.

— Если мы умремъ вмѣстѣ, дорогой Джонъ, то смерть мнѣ не кажется страшна! — отвѣтила эта прелестная, храбрая женщина.

— Это нелѣпо—умирать за то, во что я никогда не вѣрилъ! — бормоталъ въ полъ-голоса Фардэ. — А вмѣстѣ съ тѣмъ, для моей чести француза оскорбительно быть обращеннымъ насильно въ магометанство! — и онъ гордо выпрямился и, заложивъ раненую руку за бортъ сюртука, торжественно произнесъ: — Я случайно родился христіаниномъ и останусь имъ!

— А вы что скажете, мистеръ Стефенсъ? — спросилъ

Мансуръ почти молящимъ голосомъ.—Вѣдь, если хоть одинъ изъ васъ согласится принять ихъ вѣру, это значительно смягчитъ ихъ по отношенію къ намъ!

— Нѣтъ, и я не могу согласиться!—спокойно и просто, сухимъ, дѣловымъ тономъ отвѣтилъ юристъ.

— Ну, а вы, миссъ Сади? Вы, миссъ Адамсъ? Скажите только слово и вы, будете спасены!

— Ахъ, тетечка, какъ вы думаете, не согласиться-ли намъ?—пролепетала испуганныя дѣвушка.—Или это будетъ очень дурно, если мы согласимся?

Миссъ Адамсъ заключила ее въ свои объятія

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогое дитя мое, милая моя, бѣдная моя дѣвочка, нѣтъ, ты будешь тверда духомъ, ты не поддашься этому искушенію; ты бы потомъ сама возненавидѣла себя за это!

Всѣ они были героями въ эти минуты, всѣ смотрѣли смѣло въ глаза смерти, и чѣмъ ближе они заглядывали ей въ лицо, тѣмъ менѣе она имъ казалась ужасна и страшна. Драгоманъ пожалъ плечами и сдѣлалъ такое движеніе рукой, какое дѣлаютъ обыкновенно послѣ того, какъ попытка, къ которой было приложено всякое стараніе, въ концѣ концовъ, не удалась.

Эмиръ Абдеррахманъ понялъ этотъ жестъ и сказалъ что-то близъ стоявшему негру, который тотчасъ-же куда-то отбѣжалъ.

— На что ему ножницы?—удивленно спросилъ полковникъ, понявъ, о чемъ шла рѣчь.

— Онъ хочетъ истязать женщинъ!—сказалъ Мансуръ все съ тѣмъ же жестомъ безсилія

Холодная дрожь пробѣжала по спинамъ плѣнныхъ. Всѣ они были готовы умереть; каждый изъ нихъ былъ согласенъ перенести свою долю мученій, но быть свидѣтелемъ мученій кого либо изъ своихъ — это уже было свыше ихъ силъ; въ эти тяжелые часы общаго несчастья они научились дорожить другъ другомъ, страдать и мучиться другъ за друга, и каждый былъ готовъ пожертвовать собою за каждаго изъ этихъ своихъ ближнихъ. Всѣ они стали теперь, какъ братья между собой, всѣ любили другъ друга, какъ самого себя, какъ предписывало евангельское ученіе Христа. Женщины, блѣдныя и дрожащія молчали, но мужчины волновались, совѣщались, теряя голову.

— Гдѣ пистолетъ миссъ Адамсъ? Дайте его сюда, мы не

дадимъ себя истязать! Нѣтъ, нѣтъ! Этого мы не потерпимъ!—говорилъ Бальмонтъ.

— Предложите имъ денегъ, Мансуръ, сколько хотятъ, денегъ!—восклицалъ Стефенсъ. — Скажите, что я готовъ стать магометаниномъ, если только они оставятъ женщинъ въ покоѣ. — Что-же, это, въ сущности, ни къ чему не обязываетъ, такъ какъ дѣлается по принужденію... такъ сказать, почти насильственно. Такъ и скажите, что я согласенъ, пусть только женщинъ не трогаютъ, я не могу вынести, чтобы ихъ мучили!

— Нѣтъ, погодите немного, милый Стефенсъ,—остановилъ его Кочрэнь, — не надо терять голову! Всѣ мы готовы рѣшиться, на что угодно, чтобы спасти нашихъ дамъ; въ этомъ я увѣренъ; но мнѣ кажется, что я нашелъ иной, лучшій способъ разрѣшить этотъ вопросъ. Слушай, драгоманъ! Скажи этому сѣдобородому дьяволу, что мы ничего не знаемъ изъ его распроклятой, чертовской вѣры; конечно, скажи ему все это помягче, какъ ты умѣешь говорить, объясни, что мы не знаемъ, въ какого рода нелѣпости намъ должно вѣрить для спасенія нашихъ шкуръ, что, если онъ вразумитъ насъ, растолкуетъ намъ свою тарабарщину, то мы согласны слушать его. При этомъ можешь прибавить, что какая-бы ни была та вѣра, которая порождаетъ такихъ чудовищъ, какъ онъ, или какъ тотъ чернобородый боровъ, она должна несомнѣнно привлечь къ себѣ сердца всѣхъ. Понялъ?

И вотъ, съ безчисленными поклонами и молящими жестами, драгоманъ передалъ эмиру, что христіане всѣ сильно сомнѣваются въ правотѣ своей вѣры, и что стоитъ только нѣсколько просвѣтить ихъ разумъ свѣтомъ ученія пророка, какъ всѣ они прославятъ Аллаха, сдѣлавшись вѣрными послѣдователями Корана. Оба эмира задумчиво поглаживали свои бороды во время рѣчи переводчика, недовѣрчиво и подозрительно посматривая на своихъ плѣнныхъ. Наконецъ, немного помолчавъ, Абдеррахманъ сказалъ что-то Мансуру, послѣ чего оба араба медленно удалились.

Спустя минуту, поданъ былъ сигналъ къ отправленію,—и всѣ стали садиться на своихъ верблюдовъ.

— Вотъ что онъ приказалъ сказать вамъ,—сообщилъ Мансуръ, ѣхавшій посреди группы плѣнныхъ.—Около полудня мы будемъ у колодцевъ, и тамъ будетъ большой привалъ. Тогда его собственный мулла, прекрасный и очень умный человѣкъ,

будетъ въ продолженіе цѣлаго часа бесѣдовать съ вами о Коранѣ и поучать васъ въ вѣрѣ. По окончаніи же этой бесѣды вы должны будете избрать то или другое: или слѣдовать далѣе до Хартума, или быть преданы смерти тутъ же, на мѣстѣ. Таково его послѣднее слово!

— Они не желаютъ получить выкупа?

— Вадъ Ибрагимъ взялъ-бы, но эмиръ Абдеррахманъ ужасный, жестокій и безпощадный человѣкъ. Поэтому совѣтую вамъ уступить ему!

— А самъ ты, Мансуръ, какъ поступилъ? Вѣдь, ты тоже христіанинъ?

Густая краска залила лицо Мансура.

— Я былъ имъ вчера и, быть можетъ, буду завтра. Я служилъ Господу, пока это было возможно. Но когда что-либо невозможно, противъ этого, думаю, и Самъ Господь не возстаетъ!—и сконфуженный, онъ поспѣшилъ отъѣхать въ сторону и вмѣшался въ группу конвойныхъ.

Судя по этому, можно было видѣть, что перемѣна религіи поставила его на совершенно другую ногу.

Итакъ, несчастнымъ была дана отсрочка на нѣсколько часовъ, но смерть уже распростерла надъ ними свои мрачныя крылья. Что такое представляетъ собою эта земная жизнь, что всѣ мы такъ цѣпляемся за нее? Это не удовольствія, не радости жизни, такъ какъ даже и тѣ, для кого жизнь не что иное, какъ рядъ тяжкихъ страданій и мукъ, съ ужасомъ отшатываются назадъ, когда смерть готова протянуть надъ ними свой успокоительный покровъ. Нѣтъ, насъ пугаетъ страхъ потерять то дорогое, родное, любимое я, съ которымъ мы такъ свыклись, о которомъ всю жизнь не переставали думать и заботиться, которое, мы думаемъ, такъ прекрасно изучили и знаемъ, что однако не мѣшаетъ, чтобы это самое я поминутно совершало такіе дѣла и поступки, которые удивляютъ насъ. Это ли чувство заставляетъ умышленно самоубійцу въ послѣдній моментъ схватиться за перила моста, чтобы еще хоть на мгновеніе повиснуть надъ рѣкой, которая должна унести его въ бездну? Или же то сама природа изъ опасенія, что всѣ ея усталые, замученные труженики вдругъ разомъ побросаютъ свои кирки и лопаты, придумала этотъ страхъ, чтобы удержать ихъ на ихъ тяжелой работѣ? Но онъ существуетъ, этотъ страхъ смерти, и всѣ изстрадавшіеся люди радуются, что имъ даны хоть еще нѣсколько часовъ этихъ мученій и терзаній.

VII.

Ничто, повидимому, не отличало этотъ новый дневной путь отъ того, по которому двигались плѣнники-европейцы и арабы вчера. Кругомъ разстилалась та-же безплодная, песчаная равнина, тѣ же голые, плоскіе камни. Солнце было еще не высоко, и потому еще не получалось того тропическаго отраженія и преломленія лучей, которое порой обманываетъ зрѣніе путника, и въ чистомъ, сухомъ воздухѣ весь ландшафтъ лежалъ, какъ на ладони. Длинный караванъ медленно двигался впередъ, подравниваясь подъ шагъ вьючныхъ животныхъ. Далеко на флангахъ развѣдчики арабы гарцовали на своихъ коняхъ, время отъ времени привставая на стременахъ и вглядываясь изъ-подъ руки то вдаль, впередъ, то по тому пути, который караванъ уже успѣлъ пройти

— Какъ вы думаете, далеко-ли мы отошли отъ Нила?— спросилъ Кочрэнъ, не отводя глазъ отъ далекаго восточнаго горизонта.

— Да, добрыхъ пятьдесятъ миль, я полагаю!—отвѣтилъ Бельмонтъ.

— Врядъ-ли такъ много,—возразилъ полковникъ,—мы не болѣе 15 или 16 часовъ въ пути. А верблюдъ можетъ дѣлать не болѣе 2-хъ, 2½ миль въ часъ, если онъ не бѣжитъ рысью. Слѣдовательно, мы могли отойти только на 40 миль, не больше. Но все-таки и это кажется мнѣ слишкомъ солидной дистанціей для того, чтобы насъ могли нагнать. Я, право, не вижу, что мы выиграли тѣмъ, что отсрочили часъ разсчета, все равно, намъ надѣяться не на что; такъ ужъ лучше бы разомъ расхлебать кашу!

— Ну, да, только не говорите умереть!—воскликнулъ неунывающій ирландецъ.—До полудня еще очень много времени. Эти наши Хамильтонъ и Хадлей, офицеры египетскаго кавалерійскаго корпуса, славные ребята, и, я увѣренъ, во всю будутъ гнаться за нами по-слѣду: у нихъ, вѣдь, нѣтъ вьючныхъ верблюдовъ, которые-бы ихъ задерживали. Еще нѣсколько дней тому назадъ они подробно разсказывали мнѣ, какія мѣры принимаются ими противъ набѣговъ. Я убѣжденъ, что они не оставятъ это дѣло такъ!

— Прекрасно, доведемъ игру до конца, но я долженъ признаться, что никакихъ особенныхъ надеждъ не питаю! Мы,

конечно, должны казаться спокойными и увѣренными передъ дамами, и я вижу, что этотъ Типпи Тилли готовъ сдержать свое слово, также и тѣ семь человѣкъ, о которыхъ онъ говорилъ. Дѣйствительно, они все время держатся вмѣстѣ, тѣмъ не менѣе, я положительно не знаю, какъ они могутъ намъ помочь!

— Я раздобылъ обратно свой пистолетъ,—шепнулъ Кочрэню Бельмонтъ.—Если только они попробуютъ сдѣлать что-нибудь женщинамъ, я не задумываясь, застрѣлю ихъ всѣхъ трехъ собственноручно, а затѣмъ мы уже можемъ спокойно умереть. Ихъ ужъ мы, во всякомъ случаѣ, не отдадимъ на истязаніе и поруганіе!

— Вы—хорошій, честный человѣкъ, Бельмонтъ!—сказалъ Кочрэнь, и они продолжали ѣхать молча.

Почти никто не говорилъ; всѣми овладѣло какое-то странное, полу-сознательное состояніе, словно всѣ они приняли какое-нибудь наркотическое средство. Внутренно каждый изъ нихъ переживалъ въ душѣ разные моменты своей прежней жизни, вызывалъ милые образы родныхъ, друзей и знакомыхъ,—и всѣ эти воспоминанія вызывали чувство кроткаго умиленія и тихой, пріятной грусти.

— Я всегда думалъ, что умру въ густомъ изжелта-сѣромъ туманѣ Лондонскаго утра, но этотъ желтый песокъ пустыни, прозрачный воздухъ и безпредѣльный просторъ, право, ничѣмъ не хуже!

— А я желала-бы умереть во время сна!—сказала Сади.—Какъ прекрасно, должно быть, проснуться въ другомъ, лучшемъ мірѣ! Мнѣ помнится одинъ припѣвъ романса: „Никогда не говори «прощай» или «спокойной ночи», — а пожелай мнѣ радостнаго утра въ другомъ, лучшемъ изъ міровъ!»

На это миссъ Адамсъ неодобрительно покачала головой

— Ахъ, нѣтъ, это ужасно—предстать неприготовленной передъ своимъ Творцомъ!

— Меня такъ всего болѣе пугаетъ одиночество смерти. Если-бы мы и тѣ, кого мы любимъ, умирали всѣ разомъ, то, я полагаю, смерть была-бы для насъ тѣмъ, что переѣздъ изъ одного дома въ другой!—сказала мистриссъ Бельмонтъ.

— Если дѣло дойдетъ до этого,—замѣтилъ ей супругъ,—то мы не узнаемъ тоски одиночества: мы всѣ вмѣстѣ переселимся въ другой міръ и встрѣтимъ тамъ Броуна, Хидинглея и мистера Стюарта.

Французъ на это только пренебрежительно пожалъ плечами; онъ не вѣрилъ въ загробную жизнь и дивился спокойной увѣренности этихъ католиковъ, ихъ простодушной, дѣтской вѣрѣ. Самъ-же онъ больше размышлялъ о томъ, что скажутъ всѣ его пріятели, узнавъ, что онъ положилъ жизнь за вѣру во Христа, онъ, никогда не вѣривій ни въ Бога ни въ чорта!

Порою эта мысль забавляла его, порою приводила въ бѣшенство, и онъ, кутая свою раненую руку, какъ женщина—больное дитя, ѣхалъ нѣсколько въ сторонѣ, то улыбаясь, то скрежеща зубами.

На мутно-желтомъ фонѣ пустыни, усѣянной камнями, на всемъ протяженіи отъ сѣвера къ югу, насколько хваталъ глазъ, тянулась узкая полоса свѣтло-желтаго цвѣта; то была полоса легкаго песка, подымавшагося на высоту отъ 8 до 10 футовъ отъ земли.

На эту полосу арабы указывали другъ другу съ видимой тревогой и, когда приблизились къ ней, то караванъ остановился, какъ-бы передъ обрывомъ, на днѣ котораго течетъ глубокая рѣка. То былъ легкій, какъ пыль, песокъ; при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка онъ взлеталъ вверхъ высокимъ столбомъ, подобно пляшущимъ въ воздухѣ передъ закатомъ мошкамъ. Эмиръ Абдеррахманъ попытался было заставить своего верблюда войти въ эту полосу песку, но благородное животное, сдѣлавъ по принужденію два-три шага, остановилось какъ вкопанное, дрожа всѣмъ тѣломъ. Тогда Эмиръ повернулъ назадъ и нѣкоторое время совѣщался съ Вадъ Ибрагимомъ, по сіѣ чего весь караванъ повернулъ къ сѣверу, имѣя полосу песка съ лѣвой стороны.

— Что это?—освѣдомился Бельмонтъ у драгомана, который случайно оказался подлѣ него.—Почему мы вдругъ измѣнили направленіе?

— Это зыбучіе пески, — отвѣтилъ Мансуръ,—порою вѣтеръ подымаетъ его вотъ такой длинной полосой, а на завтра, если только будетъ вѣтеръ, онъ разнесетъ его весь по воздуху, такъ что здѣсь не останется ни песчинки. Но арабъ скорѣе дастъ пятьдесятъ и даже сто миль крюку, чѣмъ рѣшится пройти черезъ такую полосу зыбучаго песка, такъ какъ верблюдъ его переломаетъ себѣ всѣ ноги, а самого его задушитъ и засосетъ песокъ.

— А далеко ли простирается эта преграда зыбучихъ песковъ?

— Трудно сказать!

— Что-же, Кочрэнь? Вѣдь, это все къ нашему благу, — замѣтилъ ирландецъ,—чѣмъ дольше будетъ продолжаться переходъ, тѣмъ больше у насъ шансовъ на спасеніе! — и онъ снова оглянулся туда, откуда ожидалъ желанную погоню. Но тамъ, вдали, ничего не было видно.

Вскорѣ преграды зыбучихъ песковъ не стало, — и теперь караванъ могъ продолжать свой путь въ надлежащемъ направленіи. Странно даже, что въ тѣхъ случаяхъ, когда эта полоса зыбучаго песку настолько узка, что черезъ нее, кажется, можно было-бы перескочить, арабы все-же обойдутъ ее громаднымъ обходомъ, но не рискнутъ пройти черезъ нее. Теперь-же, очутившись на совершенно твердой почвѣ, утомленныхъ верблюдовъ погнали рысью, этой ужасной, неровной толчковатой рысью, отъ которой бѣдные непривычные туристы колыхались и болтались, какъ куклы, привязанныя къ деревяннымъ лошадкамъ. Въ первую минуту это казалось забавнымъ, но вскорѣ эта потѣха превратилась въ нестерпимую муку. Ужасная болѣзнь, вызываемая верблюжьей качкой, заставляла невыносимо ныть спину и бока, вызывала мучительную икоту и тошноту, доходящую до спазмъ.

— Нѣтъ, Сади, я больше не могу!—почти сквозь слезы заявила миссъ Адамсъ.—Я сейчасъ соскочу съ верблюда!

— Что вы, тетя? Вѣдь, вы себѣ ноги переломаете! Потерпите еще немножко, быть можетъ, они сейчасъ остановятся!

— Откиньтесь назадъ и держитесь за заднюю луку,—посовѣтовалъ полковникъ,—это васъ облегчитъ, вы увидите.

Кочрэнъ отцѣпилъ длинный, какъ полотенце, вуаль со своей шляпы, скрутилъ, связалъ концы между собою и накинулъ на переднюю луку своего сѣдла.—Продѣньте ногу въ петлю,—это дастъ вамъ опору, и вы будете чувствовать себя лучше!

Дѣйствительно, облегченіе получилось моментально, а потому Стефенсъ сдѣлалъ то-же самое для Сади. Но вотъ одинъ изъ усталыхъ верблюдовъ съ шумомъ упалъ, какъ-будто у него подломились ноги, и каравану волей-неволей пришлось вернуться къ своему обычному спокойному аллюру.

— Что это, новая полоса зыбучаго песку?—спросилъ Кочрэнь, указывая впередъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Бельмонтъ,—это что-то совсѣмъ бѣлое. Эй, Мансуръ! Что это такое впереди?

Но драгоманъ только покачалъ головой.

— Я не знаю, что это такое, сэръ, я никогда не видалъ ничего подобнаго!

Какъ разъ поперекъ пустыни, отъ сѣвера къ югу, тянулась длинная бѣлая линія, словно кто известкой посыпалъ. Это была узкая полоса, но она тянулась отъ одного края горизонта до другого. Мансуръ обратился за объясненіемъ къ Типпи-Тилль, который пояснилъ, что это большая караванная дорога.

— Но почему-же она такая бѣлая?

— Отъ костей!— пояснилъ негръ.

Это казалось почти невѣроятнымъ, а между тѣмъ это такъ: дѣйствительно, когда караванъ приблизился къ этой дорогѣ, всѣ увидѣли, что то была избитая дорога, до того густо усѣянная побѣлѣвшими костями, что получалось впечатлѣніе сплошной пелены. На солнцѣ эти бѣлые остовы и черепа блестѣли, какъ слоновая кость. Многія тысячелѣтія подрядъ эта большая караванная дорога была единственной, по которой слѣдовали безчисленные караваны изъ Дарфура и другихъ мѣстъ въ Южный Египетъ.

И за всѣ эти вѣка и десятки вѣковъ кости каждаго павшаго здѣсь верблюда, оставшись на мѣстѣ, высушиваемыя вѣтромъ и солнцемъ, не разрушаемыя ни вліяніемъ почвы, ни времени, образовали сплошной рядъ скелетовъ.

— Это и есть та самая дорога, о которой я тогда говорилъ,—произнесъ Стефенсъ.—Я помню, что нанесъ ее на ту карту и планъ, который я сдѣлалъ для миссъ Адамсъ. Въ Бедекерѣ сказано, что послѣднее время эта дорога заброшена вслѣдствіе прекращенія всякихъ торговыхъ сношеній послѣ возстанія дервишей.

Путешественники смотрѣли на нее съ равнодушнымъ удивленіемъ, такъ какъ въ данное время ихъ личная судьба слишкомъ заботила ихъ. Караванъ двигался теперь къ югу вдоль этой усѣянной костями и черепками дороги, и плѣннымъ казалось, что это самый подходящій путь къ тому, что ихъ ожидало впереди; истомленные и усталые люди и истомленныя и усталыя животныя медленно плелись къ своему жалкому концу.

Теперь, когда критическій моментъ приблизился и надѣять-

ся было не на что, полковникъ Кочрэнь, подъ давленіемъ страха, что арабы сдѣлаютъ что-либо ужасное съ женщинами, рѣшился даже снизойти до того, чтобы спросить совѣта у Мансура. Положимъ, тотъ былъ и ренегатъ, и негодяй, и подлый человѣкъ, но онъ—мѣстный уроженецъ, сынъ Востока и лучше кого-либо понималъ взгляды арабовъ.

Благодаря тому, что Мансуръ принялъ исламъ, арабы относились къ нему съ меньшимъ недовѣріемъ, и Кочрэнь успѣлъ не разъ случайно улавливалъ ихъ интимныя бесѣды. Гордая, нѣсколько надменная, аристократическая натура Кочрэня долго боролась противъ такого рѣшенія—обратиться за совѣтомъ къ такому человѣку, какъ Мансуръ.

— Эй, ты, драгоманъ, такъ какъ эти разбойники придерживаются однихъ и тѣхъ-же взглядовъ, что и ты, то, имѣя въ виду, что мы желали-бы протянуть эту исторію еще сутки, послѣ чего намъ уже будетъ все равно, чѣмъ-бы это ни кончилось, что ты намъ посовѣтуешь сдѣлать, чтобы выиграть время?

— Вы уже знаете мой совѣтъ,—отвѣчалъ драгоманъ, — если вы всѣ согласитесь принять исламъ, какъ это сдѣлалъ я, то будете живыми доставлены въ Хартумъ; если же не согласитесь на это, то не уйдете живыми съ ближайшаго привала!

Полковникъ отвѣчалъ не сразу; ему трудно было совладать съ душившимъ его гнѣвомъ и негодованіемъ.

— Это оставимъ, есть вещи возможныя и есть такія, которыя не считаются возможными!

— Но вѣдь, вамъ стоитъ только сдѣлать видъ:

— Довольно!—оборвалъ его Кочрэнь.

Мансуръ только пожалъ плечами.

— Какой-же смыслъ имѣло спрашивать меня, когда вы сердитесь, если я отвѣчаю вамъ по своему искреннему убѣжденію? Если вы не хотите поступить, какъ я совѣтую, то попробуйте сдѣлать по своему. Во всякомъ случаѣ, вы не можете сказать, что я не сдѣлалъ всего, отъ меня зависящаго, чтобы спасти васъ!

— Я не сержусь,—сказалъ Кочрэнь, помолчавъ немного, болѣе примирительнымъ тономъ.—Ты можешь сказать отъ нашего имени этому ихъ муллѣ, что мы уже нѣсколько смягчились и готовы его слушать; когда онъ явится обращать насъ, мы можемъ сдѣлать видъ, что интересуемся его поученіями и просимъ разъясненій, такимъ образомъ мы протянемъ еще

день — другой. Какъ ты думаешь, не будетъ-ли это всего лучше?

— Вы можете дѣлать, какъ знаете,—проговорилъ Мансуръ,—я же сказалъ вамъ, что думаю. Но если вы желаете, чтобы я поговорилъ съ муллой, я это сдѣлаю. Это вонъ тотъ тучный, сѣдобородый старикъ на темномъ верблюдѣ. Онъ составилъ себѣ громкую репутацію обращеніемъ невѣрныхъ и весьма гордится ею, и потому, конечно, будетъ настаивать на томъ, чтобы вы остались невредимы, если онъ будетъ надѣяться обратить васъ въ исламъ.

— Кстати, не говорилъ вамъ чего-нибудь Типпи-Тилли?

— Нѣтъ, сэръ, онъ старался держаться вмѣстѣ съ остальными его единомышленниками какъ можно ближе къ намъ, но до сихъ поръ все еще не могъ придумать, какъ-бы помочь вамъ!

— И я также ничего не могу придумать. А пока ты поговори съ муллой; я-же передамъ своимъ, на чемъ мы порѣшили.

Всѣ единогласно одобрили рѣшеніе Кочрэня, за исключеніемъ миссъ Адамсъ, которая на отрѣзъ отказалась даже высказать какой-нибудь интересъ къ магометанской вѣрѣ.

— Я слишкомъ стара, говорила она,—чтобы преклонять колѣна передъ Вааломъ!—но при этомъ она обѣщала не протестовать ни противъ чего, что ея друзья по несчастью найдутъ нужнымъ дѣлать или говорить.

— Кто же изъ насъ будетъ собесѣдовать съ муллой? — спросилъ Фардэ, — весьма важно, чтобы провести эту роль вполнѣ естественно, и чтобы проповѣдникъ не могъ заподозрить, что мы стараемся только протянуть время.

— Такъ какъ это предложеніе Кочрэня, то пусть онъ и говоритъ за насъ!—произнесъ Бельмонтъ.

— Простите меня,—возразилъ французъ,—я отнюдь не хочу ничего сказать противъ нашего друга, полковника Кочрэня, но ни одинъ человѣкъ не можетъ быть способенъ ко всякому дѣлу; увѣряю васъ, что изъ всего этого ничего не выйдетъ, если говорить за насъ будетъ полковникъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?—съ достоинствомъ переспросилъ Кочрэнь.—Вы такъ думаете?

— Да, другъ мой, и вотъ почему: подобно большинству вашихъ соотечественниковъ, вы слишкомъ высокомѣрны и въ душѣ относитесь съ презрѣніемъ ко всему, что не англійское. Это—большая ошибка вашей націи...

— Ахъ, къ чорту эту политику! — воскликнулъ Бельмонтъ,—до того-ли намъ теперь!

— Я вовсе не говорю о политикѣ, а только хочу этимъ сказать, что полковникъ не лицемѣръ, и ему трудно будетъ дѣлать видъ, будто онъ съ интересомъ относится къ тому, что его ничуть не интересуетъ!

Кочрэнь сидѣлъ, вытянувшись въ струнку и съ совершенно безучастнымъ лицомъ, словно рѣчь шла вовсе не о немъ.

— Вы можете говорить сами, если желаете,—проговорилъ онъ,—я буду очень доволенъ, если вы избавите меня отъ этой чести!

— Да, я, думаю, болѣе пригоденъ, такъ какъ дѣйствительно искренно интересуюсь всѣми вѣроисповѣданіями и одинаково уважаю какъ католичество, такъ и другія религіи!

— И я того мнѣнія, что всего лучше будетъ, если мы предоставимъ monsieur Фардэ бесѣдовать съ муллой! — сказала мистриссъ Бельмонтъ, и на этомъ вопросъ былъ рѣшенъ.

Солнце поднялось уже высоко и свѣтило ослѣпительно яркимъ свѣтомъ на побѣлѣвшія отъ времени кости, которыми усѣяна была дорога, и на головы бѣдныхъ плѣнниковъ. Вмѣстѣ съ его палящими лучами явилась мучительная жажда, и снова въ воображеніи ихъ начиналъ рисоваться салонъ «Короско» со столомъ, накрытымъ бѣлоснѣжною скатертью, уставленнымъ хрусталемъ, съ длинными горлышками кувшиновъ и стройнымъ рядомъ сифоновъ на открытомъ буфетѣ.

Вдругъ Сади, которая все время была такимъ молодцомъ, впала въ истерику; ея судорожныя вскрикиванія и безпричинный, дикій смѣхъ ужасно дѣйствовали на нервы. Миссъ Адамсъ и Стефенсъ ѣхали какъ можно ближе къ ней, чтобы не дать ей упасть; наконецъ, окончательно обезсилѣвъ, дѣвушка впала въ состояніе, близкое къ забытью. Бѣдные вьючные верблюды, казалось, были столь же истомлены, какъ и ихъ сѣдоки; ихъ поминутно приходилось понукать, дергая за кольцо, проткнутое въ ноздри и замѣняющее уздечку.

Путь все еще лежалъ вдоль усѣянной остовами и большой караванной дороги; подвигались медленно, и уже не разъ оба эмира объѣзжали караванъ сзади, озабоченно покачивали головами, глядя на вьючныхъ верблюдовъ, на которыхъ ѣхали плѣнные. Особенно отставалъ одинъ старый верблюдъ, сильно прихрамывавшій, на которомъ ѣхалъ раненый судан-

скій солдатъ. Эмиръ Вадъ Ибрагимъ подскакалъ къ нему и, вскинувъ свой ремингтонъ къ плечу, выстрѣлилъ бѣдному животному прямо въ голову; когда верблюдъ упалъ, раненый солдатъ вылетѣлъ изъ сѣдла далеко впередъ, грузно упавъ на землю. Плѣнные невольно обернулись назадъ и увидѣли, какъ онъ силился подняться на ноги съ недоумѣвающимъ выраженіемъ лица; въ этотъ самый моментъ одинъ изъ баггара проворно соскользнулъ съ своего верблюда и занесъ надъ головой раненаго свой большой ножъ.

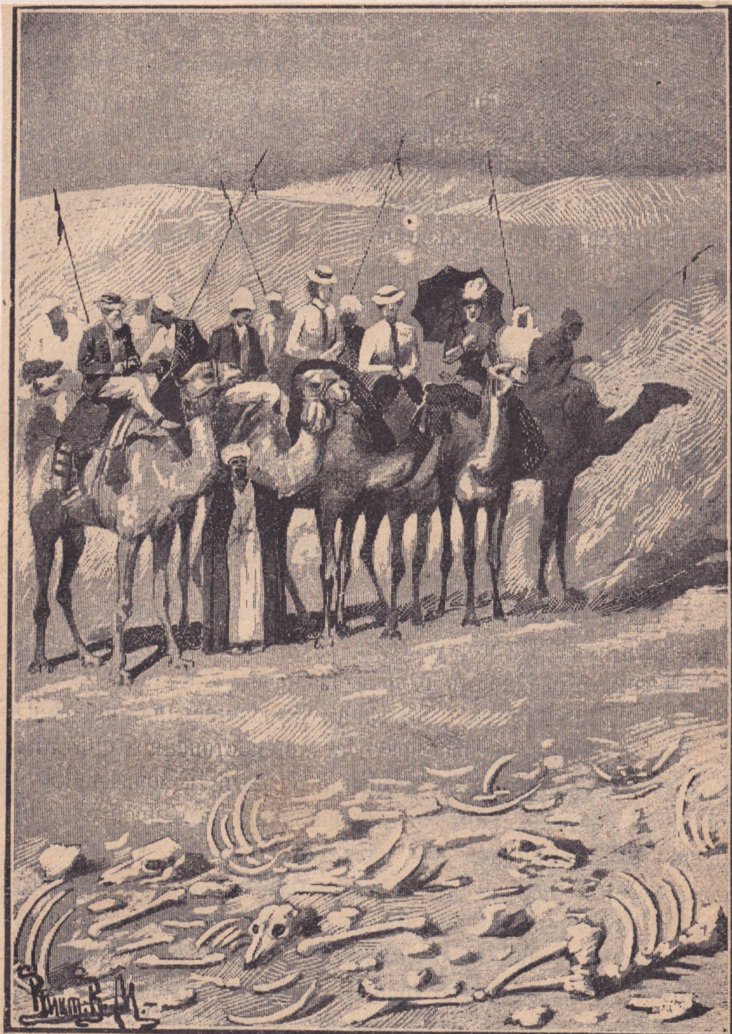
— Не смотрите, не смотрите! — крикнулъ дамамъ Бельмонтъ, и всѣ они продолжали ѣхать, не оборачиваясь, но съ сильно бьющимся въ груди сердцемъ, невольно сознавая, что тамъ, сзади, происходитъ что-то ужасное, хотя никто изъ нихъ не слышалъ ни стона, ни звука. Минуту спустя, сухощавый баггара нагналъ и обогналъ ихъ, вытирая на ходу свой длинный ножъ и косматую шею верблюда.

По пути встрѣчалось много такого, что могло интересовать плѣнныхъ, если бы только они были въ состояніи что-либо видѣть или замѣчать. Отъ времени до времени попадались, на краю большой караванной дороги, остатки старинныхъ построекъ изъ сырого кирпича, очевидно, вывезеннаго сюда изъ Нижняго Египта. Эти постройки предназначались нѣкогда служить временными убѣжищами для путниковъ и защитой отъ разбойниковъ, этихъ пиратовъ пустыни, какіе всегда встрѣчались на пути каравановъ. Въ одномъ мѣстѣ, на вершинѣ небольшого песчанаго кургана, наши путешественники замѣтили обломокъ красивой колонны изъ краснаго Ассуанскаго гранита съ изображеніемъ бѣло-крылаго бога Египта и медальоновъ съ изображеніемъ Рамзеса II-го. Даже спустя три тысячелѣтія, повсюду виденъ слѣдъ этого великаго царя-воителя. Его изображеніе здѣсь на колоннѣ являлось добрымъ знаменіемъ для плѣнныхъ, оно говорило, что они все еще въ предѣлахъ Египта: что ихъ соотечественники еще могутъ отбить ихъ у похитителей.

— Египтяне уже однажды побывали здѣсь! — сказалъ Бельмонтъ. — Значитъ, они могутъ побывать здѣсь и еще разъ!

Всѣ попытались улыбнуться его словамъ, но теперь имъ уже какъ то плохо вѣрилось въ возможность спасенія.

Но, о, счастье! То тутъ, то тамъ на краю дороги въ маленькихъ углубленіяхъ почвы виднѣлась едва замѣтная зеленая травка; это означало, что на незначительной глубинѣ есть

вода. И вдругъ совершенно неожиданно дорога стала спускаться подъ уклонъ, въ глубокую котловину, дно которой было покрыто сочной свѣжей зеленью, а посреди возвышалась группа нарядныхъ пальмъ.

Этотъ прелестный оазисъ среди безотрадной африканской пустыни казался драгоцѣннымъ изумрудомъ въ оправѣ изъ красной мѣди. Но не одна краса этого пейзажа манила взоры усталыхъ, измученныхъ путниковъ. Нѣтъ, этотъ уголокъ рая сулилъ имъ и отдыхъ, и отраду, и облегченіе отъ мучившей ихъ жажды. Дѣйствительно, здѣсь было семь колодцевъ большихъ и два маленькихъ. Это были мискообразныя углубленія, вырытыя въ землѣ и наполненныя водою, черной и холодной, до краевъ. Въ нихъ хватало воды на самые многочисленные караваны. Даже Сади, находившаяся все время въ полусознательномъ состояніи, какъ-будто ожила: и ее радовала эта зеленая трава, этотъ клочечекъ тѣни. Усталыя, измученныя животныя далеко протягивали впередъ свои длинныя шеи, съ видимымъ наслажденіемъ втягивая въ себя воздухъ.

Здѣсь сдѣлали привалъ. И люди, и верблюды напились вволю. Верблюдовъ привязали къ кольямъ. Арабы разостлали въ тѣни свои цыновки, на которыхъ расположились спать, а плѣнные, принявъ свою порцію дурро и финиковъ, получили разрѣшеніе дѣлать, что хотятъ, въ теченіе всего дня, а передъ закатомъ къ нимъ долженъ былъ явиться мулла—наставлять въ «правой вѣрѣ».

Дамамъ предоставили расположиться въ густой тѣни акацій, мужчины же удовольствовались тѣнью пальмъ. Ихъ широкіе и большіе листья ласково шелестѣли у нихъ надъ головами; тихій степенный говоръ арабовъ нѣкоторое время доносился до нихъ, равно какъ и мѣрное, медленное чавканье верблюдовъ.

VIII.

Полковникъ Кочрэнъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то трогаетъ его за плечо. Обернувшись, онъ увидѣлъ передъ собой возбужденное черное лицо негра Типпи Тилли. Тотъ держалъ палецъ у рта, въ знакъ молчанія, и глаза его тревожно бѣгали по сторонамъ.

— Лежите смирно! Не шевелитесь! — прошепталъ онъ Кочрэну въ самое ухо.—Я здѣсь лягу рядомъ съ вами; они не отличать меня отъ другихъ... Постарайтесь понять меня, я имѣю сказать вамъ нѣчто важное!

— Если ты будешь говорить медленно, — сказалъ полковникъ, — я пойму!

— Я не совсѣмъ довѣряю тому человѣку, Мансуру, думаю, лучше скажу самому Миралаи. Я все ждалъ, пока всѣ заснутъ. А теперь черезъ часъ насъ созовутъ къ молитвѣ. Вотъ вамъ прежде всего пистолетъ, чтобы вы не сказали, что вы безоружны!—И негръ сунулъ полковнику въ руку старый громоздкій пистолетъ, вполнѣ исправный и заряженный. Кочрэнь взглянулъ на него внимательно и затѣмъ спряталъ въ карманъ, кивнувъ негру головой. — Насъ восемь человѣкъ, желающихъ вернуться въ Египетъ, да васъ четверо мужчинъ. Одинъ изъ насъ, Мехметъ-Али, связалъ двѣнадцать лучшихъ верблюдовъ,—это самые сильные и быстрые изъ всѣхъ, за исключеніемъ верблюдовъ двухъ эмировъ! Кругомъ разставлены часовые, но они разбрелись въ разныя стороны. Тѣ двѣнадцать верблюдовъ, о которыхъ я говорю, стоятъ тутъ близехонько отъ насъ, за этой акаціей. Лишь немногіе изъ остальныхъ животныхъ сумѣютъ нагнать насъ. Къ тому же у насъ при себѣ ружья, а часовые не могутъ задержать двѣнадцать верблюдовъ Бурдюки всѣ доверху налиты водой, а завтра къ ночи мы можемъ увидѣть передъ собою Нилъ!

Полковникъ понялъ не все, но все же вполнѣ достаточно, чтобы уловить самую сущность рѣчи. Послѣдніе дни испытаній жестоко отразились на немъ. Лицо его было мертвенно-блѣдно, и волосы замѣтно сѣдѣли съ каждымъ часомъ. Его можно было теперь принять за отца того браваго полковника Кочрэня, который всего сутки тому назадъ расхаживалъ по палубѣ «Короско».

— Это все прекрасно,—отвѣчалъ онъ, — но какъ намъ быть съ нашими тремя дамами?

Черномазый Типпи-Тилли пожалъ плечами.

— Одна изъ нихъ старая, да и вообще, когда мы вернемся въ Египетъ, мы найдемъ тамъ женщинъ, сколько угодно! Молодымъ-же ничего не сдѣлается: ихъ просто помѣстятъ въ гаремъ калифа!

— Ты говоришь нелѣпости,—вскипѣлъ Кочрэнь,—мы или возьмемъ нашихъ женщинъ съ собой, или сами останемся съ ними!

— Я полагаю, что самъ ты говоришь вещи неразумныя,— сердито отвѣчалъ негръ,—какъ можешь ты требовать отъ моихъ товарищей и отъ меня, чтобы мы сдѣлали то, что должно по-

губить все дѣло? Сколько лѣтъ мы ждали подобнаго случая, а теперь, когда этотъ случай представился, вы хотите, чтобы мы лишили себя возможности воспользоваться имъ изъ-за вашего безумія насчетъ этихъ женщинъ!

— А ты забылъ, что мы вамъ обѣщали по возвращеніи въ Египетъ?

— Нѣтъ, не забылъ,—по 200 египетскихъ фунтовъ на человѣка и зачисленіе въ египетскую армію!—сказалъ негръ.

— Совершенно вѣрно! Ну, такъ вотъ, каждый изъ васъ получитъ по 300 фунтовъ, если бы вы придумали какое-нибудь средство взять женщинъ съ собой!

Типпи-Тилли въ нерѣшимости почесалъ свою кудластую голову.

— Мы, конечно, могли бы привести сюда еще трехъ быстрѣйшихъ верблюдовъ; тамъ еще есть три прекрасныхъ животныхъ изъ числа тѣхъ, которыя стоятъ тамъ у костра. Но какъ мы взгромоздимъ на нихъ женщинъ въ торопяхъ? Кромѣ того, какъ только верблюды поскачутъ галопомъ, женщины, навѣрное, не удержатся на нихъ; я даже боюсь, что и вы-то, мужчины, не удержитесь: вѣдь это дѣло не легкое! Нѣтъ, мы оставимъ ихъ здѣсь. Если вы не согласны оставить вашихъ женщинъ, то мы оставимъ и васъ и бѣжимъ одни!

— Прекрасно!—произнесъ рѣзко и отрывисто полковникъ и отвернулся, какъ бы собираясь снова заснуть. Онъ отлично зналъ, что съ этими восточными народами тотъ, кто молчитъ, всегда одержитъ верхъ. И дѣйствительно: негръ ползкомъ добрался до своего товарища феллаха Мехмедъ-Али, который сторожилъ верблюдовъ, и нѣкоторое время шепотомъ совѣщался съ нимъ. Затѣмъ Типпи-Тилли снова доползъ до полковника и, тихонько толкнувъ его за плечо, проговорилъ:

— Мехмедъ-Али согласенъ, онъ отправился взнуздать еще трехъ лучшихъ верблюдовъ. Но я тебѣ говорю, что это чистое безуміе, и всѣ мы себя погубимъ этимъ—ну, да, все равно, пойдемъ, разбудимъ женщинъ!

Полковникъ разбудилъ своихъ товарищей и сообщилъ въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ дѣло. Бельмонтъ и Фардэ были готовы на какой угодно рискъ. Но Стефенсъ, которому пассивная смерть была больше по душѣ и не представляла собою ничего ужаснаго передъ активнымъ усиліемъ избѣжать ее, трепеталъ и дрожалъ отъ страха. Вытащивъ изъ кармана свой Бедекэръ, онъ принялся писать на немъ свое завѣщаніе. Но

рука его до того дрожала, что даже самъ-бы онъ не узналъ своего почерка.

Тѣмъ временемъ Кочрэнъ и Типпи-Тилли доползли туда, гдѣ спали дамы: миссъ Адамсъ и Сади спали крѣпко. Но мистриссъ Бельмонтъ не спала. Она сразу поняла все.

— Меня вы оставьте здѣсь,—произнесла миссъ Адамсъ,—въ мои годы не все ли равно! Я только буду вамъ помѣхой!

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя! Я безъ васъ ни за что не уѣду! Ты и не думай!—воскликнула дѣвушка.— Не то мы обѣ останемся!

— Полноте, миссъ, теперь не время разсуждать,—строго сказалъ Кочрэнъ.—Жизнь всѣхъ насъ зависитъ отъ вашего усилія надъ собой. Вы должны заставить себя ѣхать съ нами!

— Но я упаду съ верблюда, я это знаю!—возражала миссъ Адамсъ.

— Я привяжу васъ къ сѣдлу своимъ шарфомъ; жалко только, что я отдалъ свой красный шелковый шарфъ мистеру Стюарту. По мнѣнію Типпи-Тилли, теперь какъ разъ удобный для насъ моментъ бѣжать!

Но въ это время негръ, не спускавшій глазъ съ пустыни, вдругъ съ проклятьемъ обернулся назадъ и, обращаясь къ плѣннымъ, воскликнулъ:

— Ну, вотъ! Теперь вы сами видите, что вышло изъ-за вашихъ глупыхъ разговоровъ. Вы упустили случай бѣжать отсюда!

Дѣйствительно, на краю оврага котловины показалось съ полдюжины всадниковъ на верблюдахъ. Они неслись во весь опоръ, размахивая надъ головами своими ружьями.

Минуту спустя, въ лагерѣ забили тревогу, и все разомъ пробудилось, зашевелилось и загудѣло, какъ въ ульѣ. Полковникъ вернулся къ своимъ. Типпи-Тилли смѣшался съ арабами и феллахами. Стефенсъ какъ будто успокоился, а Фардэ положительно неистовствовалъ отъ досады.

— Сакрэ номъ (Sacre nom)!—восклицалъ онъ громовымъ голосомъ.—Да неужели же это никогда не кончится?! Неужели намъ такъ и не удастся уйти отъ этихъ дервишей!

— А развѣ это дѣйствительно дервиши? Развѣ дервиши существуютъ? Я полагалъ, что это просто только вымыселъ британскаго правительства, не болѣе того!—замѣтилъ ѣдко полковникъ.—Вы, какъ видно, измѣнили теперь мнѣніе?

Всѣ плѣнники были раздражены и разнервничались превыше всякой мѣры; а неудача данной минуты еще болѣе озлобила

ихъ. Ѣдкая колкость полковника была зажженной спичкой, поднесенной къ кучкѣ пороха. Французъ вспылилъ и, не помня себя, обрушился на Кочрэня цѣлымъ потокомъ гнѣвныхъ и обидныхъ словъ, которыхъ почти нельзя было разобрать.

— Если бы не ваши сѣдины!—повторялъ онъ.—Если бы не ваши сѣдины, я зналъ бы, что съ вами сдѣлать!

— Господа, если мы должны сейчасъ умереть, такъ умремте, какъ джентльмены, а не какъ уличные мальчишки!—старался успокоить Бельмонтъ.

— Я только сказалъ, что весьма радъ, что monsieur Фардэ перемѣнилъ свое мнѣніе относительно англійскаго правительства!—замѣтилъ Кочрэнъ.

— Молчите, Кочрэнъ! Ну, что вамъ за охота раздражать его?—воскликнулъ ирландецъ.

— Нѣтъ, право, Бельмонтъ, вы забываетесь! Я никому не позволю говорить со мной такимъ тономъ!

— Въ такомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ слѣдить получше за собой!

— Господа, господа! — остановилъ ихъ Стефенсъ, — вѣдь, здѣсь дамы!

Пристыженные и сконфуженные, всѣ трое смолкли и молча принялись ходить взадъ и впередъ, покусывая и покручивая нервно свои усы. Такое раздраженіе—вещь весьма заразительная, такъ что даже Стефенса раздражало волненіе его пріятелей, и онъ, проходя мимо нихъ, не могъ удержаться отъ попрековъ. Это объяснялось, конечно, тѣмъ, что наступилъ кризисъ ихъ судьбы. Тѣнь смерти уже витала у нихъ надъ головой, а между тѣмъ ихъ волновали такія мелкія ссоры, которыя они едва-ли даже могли формулировать.

Но вскорѣ ихъ вниманіе было отвлечено болѣе серьезными вещами. У колодца собирался, очевидно, военный совѣтъ: оба эмира, мрачные, но сдержанные, въ глубокомъ молчаніи, выслушивали многорѣчивый и взволнованный рапортъ начальника патруля, и плѣнные замѣтили, что въ то время какъ старшій эмиръ сидѣлъ, подобно каменному изваянію, чернобородый нервно поглаживалъ свою бороду.

— Я полагаю, что погоня за нами уже не далеко,—замѣтилъ Бельмонтъ,—судя по ихъ волненію, они должны быть близко!

— Да, какъ будто на то похоже!

— Смотрите, старикъ, кажется, отдаетъ приказанія. Что-бы это могло быть? Мансуръ, что онъ говоритъ?

Драгоманъ прибѣжалъ съ сіяющимъ лицомъ и глазами, въ которыхъ свѣтилась надежда.

— Я полагаю, что они видѣли что-то напугавшее ихъ. Какъ видно, солдаты недалеко. Онъ приказалъ наполнить водою всѣ бурдюки и готовиться къ выступленію, какъ только стемнѣетъ. Мнѣ же приказано собрать васъ всѣхъ, такъ какъ сейчасъ придетъ мулла поучать васъ. Я уже сообщилъ ему, что вы готовы воспринять его ученье, и онъ этимъ крайне доволенъ!

Что именно говорилъ Мансуръ муллѣ, конечно, трудно сказать; только спустя нѣсколько минутъ этотъ сѣдобородый старецъ явился съ благосклонно улыбающимся лицомъ и отеческимъ видомъ. Это былъ тучный, блѣдный, одноглазый старикъ, съ обрюзглымъ, испещреннымъ морщинами лицомъ, въ высокомъ зеленомъ тюрбанѣ, означающимъ, что онъ побывалъ на богомольѣ въ Меккѣ. Въ одной рукѣ у него былъ маленькій молельный коврикъ, въ другой—пергаментный экземпляръ Корана. Разложивъ коврикъ на землѣ, онъ подозвалъ къ себѣ Мансура и затѣмъ кругообразнымъ движеніемъ руки далъ понять плѣннымъ, чтобы они собрались вокругъ него, потомъ пригласилъ ихъ сѣсть. Всѣ расположились въ кружокъ подъ сѣнью пальмъ, и одноглазый мулла, переводя свой взглядъ съ одного лица на другое, принялся съ убѣжденіемъ излагать главныя основы своей вѣры, не жалѣя словъ и увѣщаній и всячески стараясь подѣйствовать на умы своихъ слушателей. Тѣ слушали его съ полнымъ вниманіемъ и кивали головами, когда Мансуръ переводилъ имъ слова муллы, который съ каждымъ знакомъ такого одобренія или сочувствія становился привѣтливѣе и ласковѣе.

— Къ чему вамъ умирать, возлюбленныя овцы мои,—говорилъ онъ,—когда отъ васъ требуютъ только одного, чтобы вы отреклись отъ того, что приведетъ васъ къ вѣчной геенѣ огненной, и приняли то, что есть истинный и священный законъ и воля Аллаха! Она изложена и записана Его пророкомъ, обѣщающимъ вамъ безконечное блаженство и наслажденіе, какъ о томъ говорится въ книгѣ пророка. Кромѣ того, не ясно ли, что Аллахъ съ нами, если съ того времени, когда мы не имѣли ничего, кромѣ палокъ, противъ ружей и ятагановъ турокъ, побѣда всегда оставалась за нами?! Развѣ мы не

взяли Эль-Обеидъ? Не взяли Хартума? Не уничтожили Хикса, не убили Гордона? Не одерживали всегда верхъ надъ всякимъ, кто шелъ на насъ?! Кто же посмѣетъ сказать намъ, что благословеніе Аллаха не пребываетъ на насъ?!

Такъ заключилъ Мулла свою рѣчь. Между тѣмъ полковникъ Кочрэнь, который во время поученія муллы поглядывалъ по сторонамъ, наблюдая за дервишами, видѣлъ, что они чистили свои ружья, считали патроны, словомъ, готовились къ бою. Оба эмира совѣщались между собой, съ мрачными, озабоченными лицами, а начальникъ сторожевого патруля во время разговора нѣсколько разъ указывалъ рукой въ направленіи Нила. Было несомнѣнно, что спасеніе было возможно, если бы плѣннымъ удалось протянуть еще нѣсколько часовъ. Верблюды еще не успѣли отдохнуть и собраться съ силами, а погоня, если она была дѣйствительно не далеко, могла почти навѣрное разсчитывать нагнать караванъ.

— Бога ради, Фардэ,—проговорилъ Кочрэнь,—постарайтесь продержать его еще хоть часокъ.—Мнѣ кажется, для насъ представляется возможность спасенія, если только мы сумѣемъ протянуть это дѣло хоть часъ или полтора. Вступайте съ нимъ скорѣе въ длинныя пренія на религіозныя темы!

Но чувство оскорбленнаго достоинства у француза не такъ-то легко угомонить. Monsieur Фардэ сидѣлъ надутый, прислонясь спиной къ стволу пальмы и, сердито хмуря брови, упорно молчалъ.

— Ну же, Фардэ,—воскликнулъ Бельмонтъ,—не забывайте, голубчикъ, что всѣ мы надѣемся на васъ!

— Пусть полковникъ Кочрэнь объясняется съ нимъ,—отвѣтилъ брезгливо французъ, — онъ слишкомъ много себѣ позволяетъ!

— Да полно вамъ,—сказалъ Бельмонтъ примирительнымъ тономъ,—я увѣренъ, что полковникъ готовъ выразить свои сожалѣнія о случившемся и сознаться, что онъ былъ не правъ!

— Нѣтъ, ничего подобнаго я не подумаю сдѣлать!—ворчаливо возразилъ Кочрэнь.

— Но, господа, это не болѣе, какъ частная ссора, — поспѣшно продолжалъ Бельмонтъ,—а мы просимъ васъ, Фардэ, говорить за насъ ради блага всѣхъ насъ: вѣдь никто лучше васъ не сумѣетъ этого сдѣлать!

Но французъ только пожалъ плечами и сталъ еще мрачнѣе. Мулла смотрѣлъ то на одного, то на другого, и добродуш-

ное, благорасположенное выраженіе его лица замѣтно сглаживалось; углы рта раздражительно вздернулись; черты приняли суровое и строгое выраженіе.

— Что эти невѣрные смѣются надъ нами, что-ли?—спросилъ онъ драгомана.—Почему они разговариваютъ между собой и ничего не имѣютъ сказать мнѣ?

— Онъ, повидимому, теряетъ терпѣніе, — сказалъ Кочрэнъ,—быть можетъ, дѣйствительно будетъ лучше, если я попытаюсь сдѣлать, что могу, разъ этотъ упрямый субъектъ подвелъ насъ въ самый критическій моментъ!

Но въ этотъ моментъ догадливый умъ женщины нашелъ-таки способъ уломать заартачившагося француза.

— Я увѣрена, что monsieur Фардэ, какъ французъ, слѣдовательно, человѣкъ безупречно галантный и рыцарски любезный къ дамамъ, никогда не допуститъ своему оскорбленному самолюбію помѣшать исполненію даннаго имъ обѣщанія и его долга по отношенію къ безпомощнымъ! — произнесла мистриссъ Бельмонтъ.

Въ одну минуту Фардэ очутился на ногахъ и, приложивъ руку къ сердцу, воскликнулъ:

— Вы поняли мою натуру, madame! Я не способенъ оставить женщину въ критическій моментъ и сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ въ данномъ случаѣ. Такъ вотъ, Мансуръ,—обратился онъ тотчасъ же къ переводчику, скажи этому святому старцу, что я готовъ обсуждать съ нимъ отъ имени всѣхъ насъ высокіе вопросы его религіозныхъ вѣрованій!

И Фардэ повелъ пренія и переговоры съ такимъ искусствомъ, что всѣ невольно ему дивились; и тонъ и рѣчь его производили такое впечатлѣніе, что онъ сильно заинтересованъ даннымъ вопросомъ, что онъ вполнѣ склоняется на сторону представляемыхъ ему убѣжденій, но что его еще смущаетъ одна небольшая подробность, требующая разъясненія. При томъ всѣ его разспросы и недоумѣнія до того искусно переплетались съ льстивыми похвалами муллѣ, его просвѣщенному уму его житейской мудрости, что лукавый одинокій глазъ муллы заблисталъ радостью, и онъ, полный надежды на успѣшное обращеніе невѣрныхъ, переходилъ охотно и съ видимымъ удовольствіемъ отъ разъясненія къ разъясненію, пока небо не приняло прозрачную темную окраску, и большія, ясныя звѣзды не вырѣзались на его темно-фіолетовомъ фонѣ, а зеленая

листва пальмы не стала казаться почти черной на фонѣ неба. Наконецъ, умильный и растроганный мулла заявилъ:

— Теперь я вижу, возлюбленныя чада мои, что вы вполнѣ готовы вступить въ лоно ислама, да и пора: сигналъ гласитъ, что вскорѣ мы должны выступать. А приказанiе эмира Абдеррахмана было такого рода, чтобы вы приняли то или другое рѣшенiе прежде, чѣмъ мы покинемъ эти колодцы!

— Но, отецъ мой, я бы желалъ получить отъ васъ еще нѣкоторыя разъясненiя,—сказалъ Фардэ, стараясь протянуть время.—Мнѣ доставляетъ истинное наслажденiе слушать ваши поученiя; они несравненно выше тѣхъ, какiя мы слышали отъ другихъ проповѣдниковъ!

Но на этотъ разъ хитрая уловка француза не удалась; мулла уже поднялся съ своего мѣста, и въ единственномъ глазу его мелькнуло подозрѣнiе.

— Дальнѣйшiя разъясненiя,—отвѣчалъ онъ,—я могу дать вамъ потомъ, такъ какъ мы будемъ продолжать путешествiе вмѣстѣ до Хартума!—съ этими словами онъ отошелъ къ костру и, нагнувшись съ торжественной важностью тучнаго человѣка, взялъ два полуобгорѣлыхъ сука, которые и положилъ на крестъ на землю передъ плѣнными. Дервиши собрались сюда толпой, подстрекаемые любопытствомъ и желая видѣть, какъ невѣрные будутъ приняты въ лоно ислама. Они стояли неподвижно, опершись на свои длинныя копья въ полумракѣ надвигавшихся сумерекъ, а за ихъ спинами вздымались длинныя шеи и грацiозныя головы верблюдовъ съ умными, вдумчивыми глазами.

— Ну,—произнесъ мулла, и голосъ его уже не звучалъ ласково и убѣдительно, какъ раньше,—теперь у васъ уже не остается времени для размышленiй. Смотрите, здѣсь, на землѣ, изъ этихъ двухъ суковъ я сдѣлалъ крестъ, этотъ смѣшной и глупый, суевѣрный символъ вашей прежней вѣры. Вы должны попрать его своими ногами въ знакъ того, что отрекаетесь отъ него; затѣмъ должны поцѣловать Коранъ въ знакъ того, что принимаете его. А если еще нуждаетесь въ моихъ поученiяхъ, то я съ радостью преподамъ ихъ впослѣдствiи!

Теперь всѣ четверо мужчинъ и три женщины поднялись, чтобы идти навстрѣчу ожидавшей ихъ участи. За исключенiемъ только миссъ Адамсъ и мистриссъ Бельмонтъ, никто изъ нихъ не имѣлъ серьезныхъ и глубокихъ религiозныхъ убѣжденiй, а нѣкоторые даже упорно отрицали все, что оли-

цетворялъ собою этотъ символъ креста. Но въ каждомъ изъ нихъ говорило самолюбіе европейца, гордость бѣлой расы, заставлявшая возмущаться подобнымъ поступкомъ, какъ отреченіе отъ вѣры своихъ отцовъ и попраніе символа этой вѣры. И вотъ самолюбіе, это вовсе не христіанское побужденіе, готово было превратить всѣхъ этихъ совсѣмъ невѣрующихъ и не религіозныхъ людей въ добровольныхъ мучениковъ за вѣру Христа. Густолиственныя вершины пальмъ тихо шелестѣли надъ ними въ воздухѣ; откуда-то издали доносились звуки бѣшенаго голоса верблюда, мчавшагося по пустынѣ.

— Что-то приближается!—шепнулъ Кочрэнь французу.— Постарайтесь промаячить ихъ еще хоть минутъ пять, Фардэ; отъ этого, быть можетъ, зависитъ наше спасеніе!

Фардэ едва замѣтно утвердительно кивнулъ головою и обращаясь къ драгоману, началъ:

— Передай этому святому отцу, что я совершенно готовъ принять его ученіе, а также и всѣ остальные, но только мы желали бы, чтобы онъ подтвердилъ намъ это ученіе какимъ-нибудь чудомъ, какъ это можетъ сдѣлать каждая истинная религія! Пусть онъ совершитъ чудо, какое-нибудь знаменіе, которое-бы воочію убѣдило насъ, что Исламъ—самая могущественная и самая сильная религія!

Извѣстно, что при всей своей сдержанности и важности арабы таятъ въ себѣ не малое любопытство. Шепотъ въ толпѣ показалъ, что слова француза задѣли ихъ всѣхъ за живое; каждому изъ нихъ захотѣлось тоже увидѣть чудо. Мулла растерянно оглянулся, но затѣмъ, оправившись отъ овладѣвшаго было имъ смущенія, отвѣчалъ:

— Такія дѣла, какъ чудесныя знаменія и чудеса,—во власти Аллаха, и намъ не предоставлено право нарушать Его законы. Но если сами вы можете представить намъ подобныя доказательства правоты своей вѣры, то пусть мы станемъ свидѣтелями ихъ!

Французъ торжественно выступилъ впередъ и, поднявъ вверхъ руку, въ которой у него ничего не было, снялъ большой блестящій финикъ съ бороды самого муллы. Этотъ финикъ онъ проглотилъ на глазахъ у всѣхъ и въ тотъ-же моментъ снова досталъ его изъ локтя своей лѣвой руки. Онъ уже не разъ давалъ подобныя представленія на самомъ «Короско», для увеселенія своихъ спутниковъ, и всегда вызывалъ смѣхъ и шутки съ ихъ стороны, такъ какъ нельзя было ска-

зать, чтобы онъ былъ особенно ловокъ въ этомъ дѣлѣ. Но теперь отъ этого нехитраго искусства могла зависить судьба всѣхъ ихъ. Глухой шепотъ удивленія и восхищенія пробѣжалъ среди собравшихся кругомъ арабовъ и усилился еще болѣе, когда, вслѣдъ за тѣмъ, Фардэ вынулъ такой же финикъ изъ ноздрей одного изъ верблюдовъ и потомъ засунулъ его въ ухо, гдѣ онъ, повидимому, совершенно исчезъ. Что всѣ эти чудеса совершались посредствомъ появленія изъ рукава и исчезновенія въ рукавѣ фокусника, конечно, не было секретомъ для европейцевъ. Но полумракъ сумерекъ весьма благопріятствовалъ успѣху monsieur Фардэ, и его восхищенные зрители до того увлеклись его искусствомъ, что даже не замѣтили, какъ какой-то человѣкъ верхомъ на верблюдѣ осторожно проѣхалъ между стволами пальмъ и скрылся во мглѣ. Все обошлось-бы, быть можетъ, вполнѣ благополучно, если-бы Фардэ, возгордившись своей удачей, не вздумалъ повторить еще разъ своего фокуса и при этомъ неловкомъ движеніи не выронилъ финика раньше времени изъ руки, обнаруживъ такимъ образомъ свой секретъ. Онъ хотѣлъ было поправиться и повторить еще разъ опытъ, но уже было поздно: мулла сказалъ что-то одному арабу, и тотъ ударилъ Фардэ толстымъ древкомъ своего копья по спинѣ.

— Довольно съ насъ этой дѣтской забавы,—гнѣвно воскликнулъ мулла,—что мы, ребята малые что-ли, что ты стараешься обмануть насъ такими штуками?! Вотъ крестъ и вотъ коранъ, что изъ двухъ выбираете вы?

Фардэ безпомощно оглянулся на своихъ сотоварищей по несчастью

— Я ничего болѣе не могу сдѣлать! Вы просили пяти минутъ отсрочки, я доставилъ ихъ вамъ; больше я ничего не въ силахъ сдѣлать!—обратился онъ къ полковнику Кочрэню.

— И, быть можетъ, этого довольно! — отвѣтилъ тотъ. — Вотъ и оба эмира!—добавилъ онъ.

Въ это время всадникъ, бѣшеная скачка котораго по пустынѣ доносилась все время до слуха плѣнныхъ, теперь подскакалъ къ двумъ эмирамъ и сдѣлалъ имъ какое-то краткое донесеніе, ткнувъ при этомъ указательнымъ пальцемъ въ томъ направленіи, откуда онъ примчался. Обмѣнявшись нѣсколькими словами между собой, эмиры направились къ той группѣ, центромъ которой являлись плѣнные. Высоко поднявъ надъ головою руку, величавый сѣдобородый эмиръ обратился къ

арабамъ съ отрывистой, краткой, но воодушевленной рѣчью, на которую тѣ отвѣчали дружнымъ хоромъ, и огонь, горѣвшій въ его большихъ, гордыхъ и жестокихъ черныхъ глазахъ, отразился въ глазахъ каждаго изъ слушавшихъ его арабовъ. Казалось, эти люди не только готовы были, не задумываясь, идти на смерть, какъ каждый добрый солдатъ, но даже не желали для себя ничего лучшаго, чѣмъ кровавая смерть, если только при этомъ и ихъ руки могли быть обагрены кровью.

— Плѣнники приняли уже правую вѣру?—спросилъ эмиръ, окинувъ ихъ своимъ жестокимъ, безпощаднымъ взглядомъ.

Мулла, видимо, дорожилъ своей репутаціей и потому не хотѣлъ сознаться въ неудачѣ.

— Они только что собирались принять Исламъ, когда...

— Ну, такъ отложимъ это на время, мулла!—сказалъ эмиръ Абдеррахманъ и затѣмъ, обращаясь къ арабамъ, отдалъ какое-то приказаніе.

Въ одно мгновеніе всѣ они кинулись къ своимъ верблюдамъ, и эмиръ Вадъ Ибрагимъ тотчасъ-же покинулъ оазисъ, ускакавъ впередъ съ значительной частью арабовъ. Остальные были уже всѣ на своихъ верблюдахъ, совершенно готовые тронуться въ путь въ любой моментъ и держа ружья наготовѣ.

— Что случилось?—спросилъ Бельмонтъ.

— Дѣла идутъ хорошо! Право, я начинаю думать, что мы благополучно выберемся изо всей этой каши,—сказалъ Кочрэнь.—Какъ видно, египетскій верблюжій отрядъ идетъ за нами по горячему слѣду!

— А вы почему знаете?

— Что-же иначе могло взволновать ихъ въ такой степени?

— Ахъ, полковникъ, неужели вы серьезно полагаете, что мы будемъ спасены?!—воскликнула Сади.

Всѣ они были до того измучены, что нервы и самыя ощущенія ихъ какъ будто притупились. Но теперь, когда новый лучъ надежды начиналъ прокрадываться въ ихъ души, вмѣстѣ съ нимъ пробуждалось и страданіе, подобно тому, какъ съ возвращеніемъ чувствительности въ отмороженномъ членѣ возобновляется мучительная боль.

— Будемъ надѣяться, что они прибудутъ сюда въ достаточномъ числѣ!—замѣтилъ Бельмонтъ, который теперь также начиналъ волноваться.

— Конечно, но мы, во всякомъ случаѣ, въ рукахъ Божіихъ!—съ кротостью и покорностью успокаивала его жена.—

Встань рядомъ со мной на колѣни, Джонъ, и станемъ молиться, дорогой мой! Пусть даже это будетъ въ послѣдній разъ въ этой жизни. Помолимся, Джонъ, чтобы, на землѣ или въ небесахъ, мы съ тобою не были разлучены!

— Не дѣлайте этого! Не дѣлайте!—закричалъ имъ Кочрэнь встревоженнымъ голосомъ, замѣтивъ, что мулла не спускалъ своего единственаго глаза съ своихъ предполагаемыхъ неофитовъ. Но было уже поздно: супруги опустились на колѣни и, осѣнивъ себя крестомъ, молитвенно сложили руки и стали молиться. Безсильное бѣшенство исказило жирное, заплывшее лицо муллы при этомъ явномъ доказательствѣ безплодности его стараній. Онъ обратился къ эмиру и сказалъ ему что-то

— Встаньте! Встаньте!—молящимъ голосомъ кричалъ Мансуръ.—Если вамъ дорога жизнь, встаньте! Онъ проситъ приказать немедленно казнить васъ!

— Пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ! — сказалъ спокойно ирландецъ.—Мы встанемъ, когда окончимъ свою молитву, но не раньше!

Эмиръ внимательно слушалъ муллу, не спуская злыхъ и жестокихъ глазъ съ двухъ колѣнопреклоненныхъ фигуръ, затѣмъ отдалъ какія-то приказанія. Спустя минуту, были подведены четыре осѣдланныхъ верблюда. Остальные вьючныя животныя, на которыхъ ѣхали плѣнные, такъ и остались не осѣдланными, словно о нихъ забыли.

— Полно же безумствовать, Бельмонтъ,—крикнулъ Кочрэнь,—все зависитъ теперь отъ того, чтобы не прогнѣвать муллу, а вы какъ будто нарочно раздражаете его! Встаньте, мистриссъ Бельмонтъ, вы всегда были женщиной благоразумной! Точно нельзя молиться въ душѣ, не стоя на колѣняхъ на глазахъ у всѣхъ?!

— Mon Dieu! Mon Dieu!—восклицалъ французъ, пожимая плечами.—Виданы-ли когда такіе непрактичные люди? Uoila! Enkore!—добавилъ онъ, увидавъ, что и обѣ американки, старая и молодая, также опустились на колѣни и, закрывъ лица руками, погрузились въ молитву.

— Право, точно верблюды,—одинъ ляжетъ, и всѣ лягутъ!.. Было-ли когда либо что нибудь глупѣе этого!

Но теперь и мистеръ Стефенсъ незамѣтно опустился на колѣни подлѣ Сади. На ногахъ оставались только полковникъ Кочрэнь и Фардэ. Полковникъ взглянулъ на француза вопросительно и, пожавъ плечами, произнесъ:

— А, въ сущности, не глупо-ли, въ самомъ дѣлѣ, молившись всю жизнь, не молиться именно теперь, когда намъ не на кого болѣе надѣяться, какъ только на Господа и на благость Провидѣнія?!—съ этими словами и онъ склонилъ колѣно по военному и опустилъ голову на грудь.

Monsieur Фардэ съ недумѣніемъ окинулъ взглядомъ всѣхъ своихъ колѣнопреклоненныхъ друзей, затѣмъ глаза его перебѣжали на арабовъ и гнѣвныя лица эмира и муллы, и какъ будто что-то возмутилось въ немъ.

— Sapristi! (Чортъ побери) — воскликнулъ онъ вполголоса.—Да что, они думаютъ, что французъ боится ихъ?! Нѣтъ!..—И, перекрестившись широкимъ крестомъ, онъ всталъ рядомъ съ другими на колѣни, склонивъ голову.

Эмиръ обернулся къ муллѣ съ насмѣшливою улыбкой и взглядомъ и рукою указалъ на результаты его увѣщаній, затѣмъ подозвалъ къ себѣ одного араба и отдалъ ему приказаніе. Всѣ четверо мужчинъ были тотчасъ-же схвачены, и всѣмъ имъ связаны руки. Фардэ громко вскрикнулъ при этомъ, такъ какъ веревка врѣзалась въ его свѣжую рану, причиняя нестерпимую боль. Остальные позволили связать себя молча, сохраняя чувство собственнаго достоинства.

— Вы погубили все дѣло!—воскликнулъ Мансуръ.—Право, я боюсь, что вы погубили даже и меня. А женщинъ увезутъ, для нихъ предназначены эти три верблюда!

— Ну, нѣтъ! Этого никогда не будетъ! Мы не хотимъ, чтобы насъ разлучали!—кричалъ Бельмонтъ и принялся страшно рваться, чтобы освободить свои руки. Но онъ сильно ослабѣлъ за это время, и двое арабовъ легко сдержали его за локти.

— Не волнуйся, не безпокойся, дорогой Джонъ! Они могутъ причинить тебѣ вредъ, если ты будешь выбиваться!—крикнула ему жена, которую другіе арабы насильно сажали на верблюда.—Они мнѣ ничего не сдѣлаютъ! Не борись, прошу тебя!..

Видя, что женщинъ увели отъ нихъ, посадивъ на верблюдовъ, всѣ четверо мужчинъ были въ отчаяніи; это было для нихъ теперь всего ужаснѣе. Сади и ея тетушка почти потеряли сознаніе отъ страха, только мистриссъ Бельмонтъ сохраняла полное присутствіе духа и спокойное, ласково улыбающееся мужу, лицо. Верблюдовъ, на которыхъ онѣ находились, подняли на ноги и отвели подъ пальмы какъ разъ туда, гдѣ стояли мужчины.

— Нора, дорогая, у меня есть револьверъ въ карманѣ,— сказалъ Бельмонтъ, поднявъ глаза на жену,—я бы, кажется, душу прозакладывалъ за то, чтобы имѣть возможность передать его тебѣ!

— Не безпокойся обо мнѣ, Джонъ, дорогой мой, оставь его себѣ, онъ еще можетъ тебѣ пригодиться, а я ничего не боюсь. Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобою помолились, мнѣ кажется, ничего дурного съ нами не случится!—Съ этими словами мужественная женщина, наклонившись къ Сади, принялась ее утѣшать и успокаивать.

Приземистый, тучный арабъ, исполнявшій роль помощника у эмира Ибрагима, теперь присоединился къ старому эмиру и муллѣ, и всѣ трое стали вмѣстѣ совѣщаться о чемъ-то, время отъ времени поглядывая на своихъ плѣнныхъ. Наконецъ, эмиръ подозвалъ Мансура и сказалъ ему что-то.

— Эмиръ желаетъ знать, кто изъ васъ четверыхъ самый богатый?—перевелъ драгоманъ, обращаясь къ четыремъ мужчинамъ.

— Зачѣмъ ему это знать?—спросилъ Кочрэнъ.

— Очень просто, онъ желаетъ убѣдиться, кого изъ васъ всего выгоднѣе оставить въ живыхъ для выкупа!

— Я полагаю, что это мы должны обсудить между собой. Но, мнѣ думается, эта счастливая доля суждена Стефенсу, который, если не ошибаюсь, самый богатый изъ насъ!

— Я этого не знаю,—запротестовалъ Стефенсъ,—и какъ-бы тамъ ни было, отнюдь не желаю для себя иной участи, чѣмъ для остальныхъ!

Эмиръ снова заговорилъ что-то своимъ рѣзкимъ, грубымъ голосомъ.

— Онъ говоритъ,—сказалъ Мансуръ,—что вьючные верблюды выбились изъ силъ, и что имѣется еще всего одинъ, который въ состояніи слѣдовать за караваномъ! Онъ предоставляетъ этого верблюда одному изъ васъ, а кому, это онъ предлагаетъ рѣшить вамъ самимъ. При чемъ, кто богаче всѣхъ, будетъ имѣть преимущество надъ остальными!

— Скажи ему, что мы всѣ одинаково богаты!

— Въ такомъ случаѣ, вы должны сейчасъ же рѣшить, кому изъ васъ долженъ достаться верблюдъ!

— А что будетъ съ остальными?

Драгоманъ только пожалъ плечами

— Вотъ что,—сказалъ полковникъ,—если только одному изъ насъ суждено спастись, то я полагаю, что всѣ вы, друзья, согласитесь, что по справедливости мы должны предоставить верблюда Бельмонту, такъ какъ у него здѣсь жена, а мы всѣ—одинокіе!

— Да, да! Это такъ!—воскликнулъ Фардэ.

— Мнѣ тоже кажется, что это справедливо!—согласился Стефенсъ.

— Нѣтъ, господа, я не согласенъ на такое исключеніе: или всѣ спасемся, или всѣ вмѣстѣ погибнемъ! Или всѣмъ плыть, или всѣмъ потонуть!—отвѣчалъ ирландецъ.

Кто-то замѣтилъ, что слѣдовало-бы предложить верблюда Кочрэню, такъ какъ онъ старѣйшій, но полковникъ на это страшно разсердился.

— Можно подумать, что я восьмидесятилѣтній!—воскликнулъ онъ.—Такого рода любезность является совершенно непрошенной!

— Ну, въ такомъ случаѣ, откажемся всѣ отъ этого благополучія!

— Да, но это не будетъ очень разумно! Вы забываете, господа, что они увозятъ нашихъ дамъ; для нихъ было бы, несомнѣнно, лучше, чтобы хотя одинъ изъ насъ былъ съ ними!—проговорилъ французъ.

Всѣ въ недоумѣніи взглянули другъ на друга. Фардэ былъ, дѣйствительно, правъ, но какъ же быть? Всѣ недоумѣвали. Тогда самъ эмиръ пришелъ имъ на помощь.

— Если они не могутъ рѣшить между собой, — сказалъ онъ, — то пусть за нихъ рѣшитъ судьба! Пусть тянутъ жребій!

— Лучше придумать трудно!—сказалъ Кочрэнь, и его товарищи утвердительно кивнули головами.

Тогда къ нимъ подошелъ мулла; изъ жирнаго кулака его торчали четыре полоски пальмовой коры.

— Тотъ, у кого окажется самая длинная полоска поѣдетъ на верблюдѣ!—заявилъ мулла черезъ Мансура.

Оставшіеся еще здѣсь дервиши столпились вокругъ и съ горбовъ своихъ верблюдовъ смотрѣли на происходившую подъ пальмами сцену. Красноватое пламя костра озаряло розовымъ свѣтомъ лица плѣнныхъ; лицо же эмира, стоявшаго спиной къ костру и лицомъ къ плѣннымъ, оставалось въ тѣни. За спиною четверыхъ мужчинъ стояли четыре человѣка арабовъ, надъ ними возвышались головы верблюдовъ, на кото-

рыхъ сидѣли женщины, съ смертельнымъ страхомъ слѣдившія за группой мужчинъ.

Бельмонтъ стоялъ съ края, и ему первому пришлось тянуть жребій. Но тотъ кусочекъ коры, за который онъ ухватился, былъ до того малъ, что остался у него въ рукѣ, едва онъ до него коснулся. За нимъ была очередь Фардэ; его полоска оказалась длиннѣе полоски Бельмонта; полоска же полковника Кочрэня была вдвое больше двухъ предыдущихъ, взятыхъ вмѣстѣ. Послѣ всѣхъ сталъ тянуть свой жребій Стефенсъ, но его полоса оказалась немногимъ длиннѣе полоски Бельмонта, такъ что право на верблюда осталось за Кочрэнемъ.

— Я съ охотой предоставляю свое право вамъ, Бельмонтъ,—сказалъ Кочрэнь,—у меня нѣтъ ни жены, ни семьи, и едва-ли есть даже истинные друзья. Поѣзжайте съ вашей женой, а я останусь здѣсь!

— Нѣтъ, нѣтъ! На то былъ уговоръ! Каждому своя судьба, тутъ дѣло было на чистоту. Это ваше счастье!

— Эмиръ приказалъ сейчасъ-же садиться!—сказалъ Мансуръ, и арабъ потащилъ полковника за связанныя руки къ ожидавшему его верблюду.

— Онъ останется назади,—обратился эмиръ къ своему помощнику,—и женщины также!

— А этого пса, драгомана?

— Его оставьте съ остальными!

— А съ ними какъ быть?

— Всѣхъ умертвить!—и эмиръ ускакалъ во весь опоръ, догоняя свой отрядъ.

IX.

Такъ какъ ни одинъ изъ трехъ плѣнныхъ не понималъ ни слова по-арабски, то и слова эмира остались-бы для нихъ непонятны, если-бы не отчаянные жесты и возгласы драгомана. Послѣ всего его низкопоклонства, ренегатства, всяческаго прислуживанія арабамъ, въ концѣ-концовъ, худшія его опасенія должны были сбыться. Съ крикомъ отчаянія кинулся онъ на землю, моля и прося о пощадѣ, цѣпляясь за край одежды эмира своими судорожно-скрюченными пальцами. Но тотъ ногой отшвырнулъ его, какъ собаку.

Между тѣмъ весь лагерь засуетился. Теперь уже и отрядъ стараго эмира, и самъ эмиръ покинули мѣсто привала. Во-

кругъ плѣнныхъ оставалось всего человѣкъ двѣнадцать арабовъ съ тучнымъ, коренастымъ парнемъ, помощникомъ эмира Вадъ Ибрагима, и кривымъ муллой. Они не садились на верблюдовъ, такъ какъ должны были участвовать въ казни.

Трое плѣнныхъ по одному виду и выраженію лицъ этихъ людей поняли, что имъ остается не долго ждать. Руки у нихъ все еще были связаны на спинѣ, но арабы ихъ уже не держали, такъ что они имѣли возможность обернуться и проститься съ женщинами.

— Все, какъ видно, кончено, Нора, — произнесъ Бельмонтъ,—это, конечно, обидно, когда была возможность спасенія. Но что-же дѣлать?! Все, что мы могли сдѣлать, мы уже сдѣлали!

Теперь жена его впервые дала надъ собой волю своему горю; она судорожно всхлипывала, закрывъ лицо руками.

— Не плачь, моя маленькая женка! Мы съ тобой хорошо прожили свое время и всегда были счастливы. Передай мой привѣтъ всѣмъ друзьямъ, тамъ, дома. Ты тамъ найдешь на свою долю достаточно и даже съ избыткомъ: всѣ бумаги у меня въ порядкѣ...

— Ахъ, Джонъ, Джонъ! Зачѣмъ ты говоришь мнѣ объ этомъ?! Я безъ тебя не буду жить!

И горе жены сломило мужество этого сильнаго мужчины; онъ спряталъ лицо свое на косматомъ плечѣ ея верблюда, и слезы покатились по его щекамъ.

Между тѣмъ мистеръ Стефенсъ подошелъ къ верблюду Сади,—и та увидѣла его измученное, истрадавшееся лицо и обращенный къ ней взглядъ.

— Вы не бойтесь ни за себя, ни за тетю,—началъ онъ,— я увѣренъ, что вамъ удастся бѣжать отъ этихъ арабовъ! Кромѣ того, полковникъ Кочрэнъ будетъ заботиться о васъ. Египетская кавалерія не можетъ быть далеко теперь, они скоро васъ нагонятъ. Я надѣюсь, что вамъ дадутъ вдоволь напиться прежде, чѣмъ вы покинете эти колодцы. Я-бы желалъ отдать вашей тетушкѣ мою куртку, но боюсь, что не смогу снять ее съ себя: руки у меня связаны. Мнѣ такъ жаль, что ей будетъ холодно подъ утро. Пусть она сохранитъ и прибережетъ къ утру немного хлѣба отъ ужина, чтобы скушать его раннимъ утромъ. Это немного облегчитъ ее...

Стефенсъ говорилъ совершенно спокойно, какъ будто дѣло шло о сборахъ на пикникъ. И невольное чувство удивленія и

восхищенія къ этому человѣку шевельнулось въ груди молодой дѣвушки.

— Какой вы хорошій человѣкъ!—воскликнула она. — Я никогда еще не видала другого такого человѣка. А еще говорятъ о святыхъ! Вы же стоите теперь передъ самымъ лицомъ смерти и думаете только о насъ, заботитесь только о насъ...—Голосъ ея дрожалъ отъ волненія.

— Мнѣ хотѣлось бы сказать вамъ еще одну вещь, Сади, если только вы мнѣ позволите. Я бы умеръ спокойнѣе послѣ того. Уже много разъ я собирался все поговорить объ этомъ съ вами, но боялся, что вы будете смѣяться: вѣдь, вы никогда ничего въ серьезъ не принимали. Не правда-ли? Но теперь я уже почти не живой человѣкъ и потому могу сказать все, что у меня на душѣ!

— Ахъ, нѣтъ, не говорите такъ, мистеръ Стефенсъ!—воскликнула Сади.

— Не буду, если это васъ разстраиваетъ. Какъ я уже сказалъ вамъ, мнѣ было-бы легче умереть, если-бы вы объ этомъ знали, но я не хочу быть эгоистомъ и въ этомъ отношеніи; если-бы я могъ думать, что это омрачитъ вашу жизнь, то предпочелъ-бы вамъ ничего не говорить!

— Что же вы хотѣли сказать мнѣ?

— Я хотѣлъ только вамъ сказать, какъ я васъ любилъ съ того самаго момента, какъ увидѣлъ васъ!... Я, конечно, сознавалъ, что это смѣшно, и потому никогда не говорилъ вамъ и никому другому, не желая казаться смѣшнымъ. Но теперь, когда это, все равно, никакого значенія имѣть не можетъ, я желалъ бы, чтобы вы, Сади, объ этомъ знали. Вы, быть можетъ, повѣрите мнѣ, если я скажу, что эти послѣдніе дни, когда мы все время были неразлучны, были-бы лучшими и счастливѣйшими днями моей жизни, если-бы вы, Сади, не мучились, не страдали!

Дѣвушка сидѣла, блѣдная и безмолвная, и смотрѣла внизъ широко раскрытыми, удивленными глазами на своего взволнованнаго собесѣдника. Она не знала, что ей дѣлать и что сказать въ отвѣтъ на это любовное признанье чуть-ли не въ минуту смерти. Все это казалось совершенно непонятнымъ ея дѣтскому сердцу, и вмѣстѣ съ тѣмъ она чувствовала, что это нѣчто высокое и прекрасное.

— Я ничего не скажу вамъ больше,—продолжалъ Стефенсъ,—такъ какъ вижу, что это только смущаетъ и утом-

ляетъ васъ. Но я хотѣлъ, чтобы вы объ этомъ знали. Теперь довольно. Благодарю, что вы такъ терпѣливо выслушали меня. Прощайте, Сади! Я не могу протянуть къ вамъ моей руки, но, быть можетъ, вы протянете мнѣ свою.

Сади протянула ему свою руку, и онъ почтительно и съ глубокимъ чувствомъ поцѣловалъ ее. Затѣмъ онъ отошелъ и всталъ на свое прежнее мѣсто.

Въ теченіе всей своей дѣловой жизни, полной постоянной борьбы и успѣха, Стефенсъ еще ни разу не испытывалъ такого чувства спокойнаго удовлетворенія, такого радостнаго довольства, какъ въ эти минуты, когда надъ головой у него висѣла смерть. И все это потому, что любовь, это всесильное чувство, измѣняющее все кругомъ, омрачающее или просвѣтляющее въ извѣстный моментъ цѣлый міръ, это единственное совершенное въ мірѣ чувство, способно захватить всецѣло все существо человѣка. Самыя муки становятся наслажденіемъ, и нужда представляется комфортомъ, и самая смерть является желанной, когда въ душѣ заговоритъ голосъ всесильной любви. Такъ и у Стефенса въ душѣ было такое ликованіе, котораго не могли смутить близость смерти и свирѣпыя лица палачей. Все это стушевалось въ его воображеніи, превращалось въ ничто, въ сравненіи съ великой, всепоглощающей радостью, что отнынѣ „она“ уже не можетъ смотрѣть на него, какъ на случайнаго знакомаго, и въ теченіе всей своей жизни она будетъ вспоминать о немъ и будетъ знать.

Полковникъ Кочрэнь сидѣлъ на своемъ верблюдѣ и упорно не отводилъ глазъ отъ безконечной пустыни, лежащей по направленію къ Нилу.

«Неужели,—думалъ онъ,—нѣтъ никакой надежды на спасеніе? Неужели погоня не нагонитъ насъ до самаго Хартума?»

Очевидно, тѣ арабы, что толпились около плѣнныхъ, должны были остаться здѣсь, тогда какъ остальные, сидѣвшіе уже на верблюдахъ, должны были сопровождать трехъ женщинъ и его. Но чего Кочрэнь никакъ не могъ понять, такъ это того, почему палачи до сихъ поръ еще медлятъ. Явилось одно предположеніе, а именно, что они, по свойственной восточнымъ народамъ утонченной жестокости, выжидали, когда египетская кавалерія будетъ близко, чтобы эти еще не остывшіе трупы ихъ жертвъ были, такъ сказать, оскорбленіемъ, брошеннымъ въ лицо врагу.

Но если такъ, то сопровождать ихъ должны были не бо-

лѣе 12 арабовъ, и полковникъ сталъ оглядываться кругомъ, не увидитъ-ли сзади нихъ дружественнаго имъ Типпи-Тилли. Но добродушнаго негра не было видно! Если бы онъ и шесть его товарищей были здѣсь, и если бы Бельмонтъ могъ высвободить свои руки и вооружиться своимъ револьверомъ, то имъ, пожалуй, могло-бы удаться выбраться изъ бѣды. Но нѣтъ,— всѣ сторожившіе плѣнниковъ, всѣ до единаго были арабы баггара, люди неподкупные и прежде и превыше всего кровожадные. Типпи-Тилли и остальные, вѣроятно, уже отправились съ передовымъ отрядомъ.

— Прощайте, друзья!—крикнулъ Кочрэнь дрогнувшимъ, надорваннымъ голосомъ.—Господь благослови и сохрани васъ!

Въ этотъ самый моментъ одинъ негръ дернулъ за уздечку его верблюда и погналъ его вслѣдъ за остальными. Женщины ѣхали слѣдомъ, почти не сознавая и не видя ничего передъ собой. Но ихъ отъѣздъ былъ настоящимъ облегченіемъ для трехъ обреченныхъ на смерть мужчинъ.

— Я радъ, что онѣ уѣхали!—сказалъ Стефенсъ, вздохнувъ съ облегченіемъ.

— Да, да, такъ лучше!—подтвердилъ Фардэ.—Но долго-ли намъ ждать конца?

— Вѣроятно, не особенно долго,—угрюмо отозвался Бельмонтъ.—Смотрите, арабы уже обступаютъ насъ!

И полковникъ, и всѣ три женщины оглянулись, когда, выѣхавъ изъ котловины оазиса, они поднялись на гребень. Тамъ внизу, между прямыми стволами пальмъ, догорали угли угасающаго костра, а немного дальше, среди кучки арабовъ, они въ послѣдній разъ смутно различали бѣлые полотняные шлемы мужчинъ. Минуту спустя, ихъ верблюдовъ погнали усиленной рысью, и, когда они снова оглянулись назадъ, то уже не могли ничего различить.

Обширная безпредѣльная пустыня, залитая трепетнымъ луннымъ свѣтомъ, поглотила и цвѣтущій оазисъ, и его граціозную группу пальмъ, и умирающій красный огонекъ костра. Надъ всѣмъ раскинулось бархатисто-черное небо съ громадными яркими звѣздами, которыя безучастно смотрѣли на все земное,—на всѣ скорби и радости людей.

Женщины молчали, подавленныя горемъ, полковникъ тоже молчалъ, не находя, что сказать. Да и что могъ онъ сказать имъ теперь?—Но вдругъ всѣ четверо вздрогнули и точно пробудились отъ сна, а Сади громко вскрикнула: среди безмолвія

тихой ночи до нихъ донесся рѣзкій сухой звукъ ружейнаго выстрѣла, за нимъ другой, затѣмъ еще нѣсколько одновременно и, погодя, еще одинъ.

— Это быть можетъ погоня, египетская кавалерія!—воскликнула мистриссъ Бельмонтъ.

— Да, да!—прошептала Сади.—Это, навѣрно, египетскій отрядъ!

Кочрэнь молча продолжалъ прислушиваться. Но все стало тихо. Тогда онъ набожно обнажилъ голову и на мгновеніе прикрылъ рукой глаза.

— Къ чему намъ обманывать себя,—произнесъ онъ,—взглянемъ правдѣ въ глаза: нашихъ друзей не стало!

— Но къ чему имъ было стрѣлять по нимъ изъ ружей? Вѣдь у нихъ были копья... ножи...—пробормотала молодая дѣвушка, невольно содрогнувшись при послѣднихъ своихъ словахъ.

— Это правда!—согласился съ нею полковникъ.—Я ни за что на свѣтѣ не желалъ-бы лишить васъ разумной надежды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, если-бы это была атака, какъ вы полагаете, мы должны были-бы слышать отвѣтные выстрѣлы. Кромѣ того, египетское войско атаковало-бы ихъ съ значительными силами. Но, съ другой стороны, дѣйствительно, странно, чтобы арабы, ожидая серьезнаго нападенія, вдругъ стали тратить на плѣнныхъ безъ всякой надобности свои патроны. Но смотрите, что тамъ такое?—И онъ указалъ на востокъ.

Двѣ конныхъ фигуры то появлялись, то тонули въ невѣрномъ колеблющемся свѣтѣ, которымъ была залита вся пустыня. Они, казалось, бѣжали отъ арабовъ, но вдругъ остановились на песчаномъ холмѣ, и теперь ихъ силуэты рѣзко вырѣзывались на темномъ фонѣ неба.

— Это, внѣ всякаго сомнѣнія, египетская кавалерія!—воскрикнулъ Кочрэнь.

— Два человѣка!—сказала миссъ Адамсъ.

— Это просто развѣдчики, ничего болѣе, миссъ, главныя силы въ нѣсколькихъ миляхъ позади. Смотрите, вотъ они снова помчались съ донесеніемъ! Славные ребята, помоги имъ Богъ!

Между тѣмъ на холмѣ мелькнули два красноватыхъ огонька, словно вспыхнувшія искорки, и въ воздухѣ прозвучали два выстрѣла, но египетскихъ всадниковъ и слѣдъ простылъ.

Самъ эмиръ поскакалъ назадъ и, поровнявшись съ отрядомъ, сопровождавшимъ плѣнныхъ, на ходу отдавалъ приказанія, ободряя своихъ людей. Очевидно, его отрядъ былъ недалеко. Арабы крикнули что-то, и вдругъ всѣ верблюды пошли крупной неровной рысью. Очевидно, арабы рѣшили нагнать передовой отрядъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уйти отъ погони. Снова началась нестерпимая мука для плѣнныхъ. Милю за милей скакали верблюды безостановочно, безъ передышки. Дамы, безсознательно уцѣпившись за луки своихъ сѣделъ, такъ и повисли на нихъ. Кочрэнь положительно изнемогалъ отъ этой тряски, но все еще продолжалъ надѣяться, что погоня ихъ настигнетъ.

— Смотрите... смотрите, мнѣ кажется, что-то движется впереди насъ!—воскликнула мистриссъ Бельмонтъ.

Полковникъ Кочрэнь приподнялся на своемъ сѣдлѣ и заслонилъ глаза рукою: лунный свѣтъ въ пустынѣ страшно слѣпилъ глаза.

— Да, вы правы! Это всадники!..

Дѣйствительно, цѣлая длинная вереница всадниковъ неслась впереди ихъ по пустынѣ.

— Но они скачутъ въ томъ же направленіи, какъ и мы!—замѣтила мистриссъ Бельмонтъ.

Кочрэнь пробормоталъ проклятіе...

— Ну, да,—сказалъ онъ,—вотъ и слѣдъ. Это нашъ собственный передовой отрядъ подъ начальствомъ Вадъ-Ибрагима. Ради него старый эмиръ и гналъ насъ все время этимъ дьявольскимъ аллюромъ.

И дѣйствительно, спустя нѣсколько минутъ, молодой эмиръ подскакалъ къ старику Абдеррахману и сталъ съ нимъ сговариваться. Они указывали въ томъ направленіи, гдѣ показались развѣдчики, и озабоченно качали головами. Оба каравана соединились теперь въ одинъ и прежнимъ усиленнымъ аллюромъ продолжали подвигаться впередъ по направленію Южнаго Креста, искрившагося надъ самой линіей горизонта.

Кровь стучала въ вискахъ полковника Кочрэня съ такою силой, что ему казалось, будто онъ слышитъ погоню и барабанный бой, и тучи кавалеріи преслѣдуютъ ихъ караванъ со всѣхъ сторонъ. Этотъ лихорадочный бредъ постепенно превращался въ мучительную галлюцинацію. Наконецъ, восходящее солнце освѣтило всю громадную площадь пустыни, на всемъ необъятномъ пространствѣ которой не колыхалось и не

виднѣлось ни одного живого существа, кромѣ ихъ каравана. Съ тяжелой грустью въ сердцѣ смотрѣли они на это пустое пространство, разстилавшееся отъ края до края неба, и послѣдняя слабая искра надежды таяла такъ же, какъ таялъ прозрачный бѣлый туманъ надъ пустыней.

Удручающее впечатлѣніе производила на дамъ разительная перемѣна, происшедшая за эту ночь въ полковникѣ Кочрэнѣ. Не говоря уже о томъ, что волосы его, замѣтно сѣдѣвшіе въ это время, теперь стали совершенно сѣдыми; такія же сѣдыя щетины безобразили его всегда гладко выбритый подбородокъ; глубокія морщины избороздили его лицо; спина его согнулась дугой; все тѣло какъ будто разомъ ссѣлось; только глаза по прежнему смотрѣли зорко и гордо, свидѣтельствуя о томъ, что въ этомъ расшатавшемся тѣлѣ жилъ бодрый и гордый духъ. Истощенный, измученный, ослабѣвшій, онъ все еще старался подбадривать женщинъ, поддерживать ихъ и совѣтомъ, и добрымъ словомъ, старался сохранить покровительственный тонъ и постоянно посматривалъ назадъ, все еще надѣясь увидѣть спасителей, которые не являлись.

Спустя часъ послѣ восхода, былъ сдѣланъ привалъ, и всѣхъ надѣлили пищей и водой. Послѣ привала караванъ тронулся уже обычнымъ умѣреннымъ шагомъ къ югу, вытянувшись длинной вереницей на протяженіи четверти мили. Судя по той безпечности, съ какою арабы теперь болтали между собой, и по тому порядку, въ какомъ двигался караванъ, можно было сразу сказать, что они считали себя въ безопасности. Вскорѣ они измѣнили направленіе пути и стали держать путь на юго-востокъ, изъ чего плѣннымъ стало ясно, что они намѣревались послѣ столь дальняго обхода вновь выйти къ Нилу гдѣ-нибудь выше послѣднихъ египетскихъ передовыхъ постовъ.

Теперь и самый характеръ мѣстности сталъ, видимо, измѣняться: вмѣсто однообразной песчаной равнины повсюду выростали фантастическіе черные скалы и утесы, среди которыхъ, извиваясь, змѣились ярко-оранжевые пески, словно излучистая рѣка. Верблюды выступали одинъ за другимъ, то ныряя между громадными валунами и утесами, то снова появляясь на мгновеніе на открытомъ мѣстѣ между двумя утесами. Задніе всадники могли только видѣть длинныя шеи и мѣрно покачивавшіяся головы верблюдовъ, словно то была вереница змѣй, извивавшихся среди черныхъ скалъ. Все это такъ походило на сонъ, тѣмъ болѣе, что кругомъ не было ни

звука, кромѣ мягкаго шлепанья ногъ верблюдовъ и ихъ тихаго однообразнаго сопѣнья. Всѣ молчали; жара начинала становиться томительной.

Миссъ Адамсъ, которая совершенно окоченѣла за ночь, теперь, видимо, радовалась солнцу. Осмотрѣвшись кругомъ, она потирала свои тощія старческія руки и отыскивала глазами племянницу.

— Сади,—проговорила она,—мнѣ казалось ночью, будто ты плакала, и теперь я, дѣйствительно, вижу, что ты плакала. О чемъ?

— Я думала, тетя...

— Помни, дорогая, что мы всегда должны стараться думать о другихъ, а не о себѣ!

— Я и думала не о себѣ, тетя!

— Обо мнѣ, Сади, не безпокойся, не тревожь себя...

— Нѣтъ, тетя, я думала не о васъ!

— Но ты о комъ-нибудь особенно думала, да?

— Я думала о мистерѣ Стефенсѣ, тетя! Какой онъ былъ славный, добрый и мужественный! Если подумать только, какъ онъ заботился о насъ, какъ постоянно думалъ обо всемъ, даже и въ послѣднія минуты, какъ онъ старался стянуть съ себя куртку, не смотря на то, что ему мѣшали его бѣдныя связанныя руки. Ахъ, тетя, онъ для меня святой и герой и останется имъ для меня навсегда!

— Да, но теперь его нѣтъ на свѣтѣ, нѣтъ въ живыхъ

— Я желала-бы, если такъ, чтобы и меня не было на свѣтѣ!—сказала Сади.

— Но ему отъ этого было-бы не легче!

— Какъ знать, мнѣ кажется, что тогда онъ былъ-бы не такъ одинокъ!—сказала дѣвушка и задумалась.

Нѣкоторое время всѣ четверо ѣхали молча. Вдругъ полковникъ Кочрэнь въ ужасѣ схватился руками за голову, воскликнувъ:

— Боже правый! Я, кажется, теряю разсудокъ!

Это уже нѣсколько разъ въ теченіе ночи начинало казаться его спутницамъ. Но съ самаго разсвѣта онъ былъ совершенно спокоенъ и разуменъ; онѣ приписали это бреду, и вдругъ странное восклицаніе его снова встревожило ихъ. Ласковыми словами дамы старались успокоить его. но полковникъ не унимался.

— Нѣтъ, нѣтъ, я положительно не въ своемъ умѣ! Ну, такъ вы думаете, что я сейчасъ видѣлъ?

— Не все-ли равно? Не волнуйтесь! Мало-ли, что можетъ привидѣться послѣ такой утомительной ночи. Вѣдь, вы почти совсѣмъ не спали!—успокаивала его мистриссъ Бельмонтъ, ласково положивъ свою маленькую ручку на его руку.—Вѣдь вы думали за всѣхъ насъ, заботились о всѣхъ насъ, не мудрено, что вы и переутомились. Сейчасъ мы сдѣлаемъ привалъ, вы хорошенько проспите часокъ другой, отдохнете и снова будете совсѣмъ молодцомъ!

Но полковникъ почти не слушалъ ея, онъ смотрѣлъ куда-то вдаль, впередъ и, все такъ же волнуясь, воскликнулъ:

— Нѣтъ! Я никогда еще не видалъ чего-либо такъ ясно! Тамъ, на вершинѣ холма, вправо, впереди насъ, бѣдный мистеръ Стюартъ стоитъ тамъ, въ моемъ красномъ кумберландскомъ шарфѣ на головѣ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы оставили его!...

Теперь дамы невольно взглянули въ томъ же направленіи и на лицахъ ихъ отразилось то же недоумѣніе, похожее на испугъ.

Тамъ, дѣйствительно, вправо, впереди, былъ рядъ черныхъ скалъ, словно небольшой хребетъ, родъ бастіона, по правую сторону тѣсной и глубокой балки, въ которую теперь спускались верблюды. Въ одномъ мѣстѣ этотъ черный бастіонъ возвышался какъ бы на подобіе небольшой башенки, и на этой-то башенкѣ стояла неподвижно знакомая фигура пресвитеріанскаго священика. Весь онъ былъ одѣтъ въ черномъ, и только на головѣ виднѣлся яркій красный тюрбанъ. Второй такой своеобразной приземистой тучной фигуры не могло быть;—онъ, казалось, напрягалъ свое зрѣніе, чтобы заглянуть внизъ, въ долину.

— Неужели это въ самомъ дѣлѣ онъ?

— Да, это онъ! Онъ самъ!—воскликнули дамы.—Смотрите, онъ глядитъ въ нашу сторону и машетъ намъ рукой!

— Боже правый! Да, вѣдь они его застрѣлятъ! Спуститесь внизъ, спрячьтесь! Не то вы не останетесь живы, безумецъ вы этакій!—крикнулъ Кочрэнъ. Но его пересохшее горло издало только какой-то дикій, хриплый звукъ.

Нѣкоторые изъ дервишей также замѣтили странную, появившуюся на скалѣ фигуру и уже наводили свои ремингтоны, но вотъ чья-то длинная рука появилась изъ за спины

Стюарта, схватила его за платье,—и онъ мгновенно исчезъ, какъ исчезаютъ куклы во время представленій «петрушки».

Впереди, въ концѣ балки, какъ разъ надъ тѣмъ утесомъ на которомъ минуту тому назадъ стоялъ Стюартъ, появилась высокая бѣлая фигура эмира Абдеррахмана. Онъ вскочилъ на ближайшій валунъ и что-то закричалъ своимъ, размахивая руками. Но крикъ его былъ заглушенъ раскатомъ ружейнаго залпа, раздавшагося одновременно съ обѣихъ сторонъ балки. Весь черный бастіонъ ощетинился ружейными стволами, надъ которыми виднѣлись красныя маковки тарбушей (родъ фесокъ). Очевидно, арабы нарвались на засаду. Эмиръ упалъ, но въ слѣдующій же моментъ вскочилъ на ноги и снова, размахивая руками, сталъ отдавать приказанія. На груди у него виднѣлось алое пятно крови, но онъ продолжалъ указывать и кричать, хотя растянувшіеся длинной нитью люди его не понимали и не слышали, что онъ имъ говорилъ. Нѣкоторые изъ нихъ мчались назадъ, другіе двигались впередъ. Нѣсколько человѣкъ пытались взобраться на обрывъ, съ мечами на голо, но попадали подъ пули и скатывались внизъ на дно балки. Собственно стрѣльба не была особенно мѣткой, такъ что одинъ негръ успѣлъ взобраться наверхъ, къ самымъ скаламъ, но здѣсь ему прикладомъ разможжили голову. Старый эмиръ не устоялъ на камнѣ и тоже скатился на дно балки. Но арабы упорно старались пробиться, пока чуть ли не большая половина изъ нихъ осталась на мѣстѣ. Наконецъ, даже этимъ упрямымъ фанатикамъ стало ясно, что имъ остается только одно—выбраться назадъ изъ этой балки на ровное мѣсто пустыни. И они во весь опоръ помчались назадъ. Надо только видѣть, что такое мчащійся верблюдъ,—обезумѣвшій отъ страха, вскидывающій разомъ въ воздухъ всѣ четыре ноги, несущійся съ отвратительнымъ крикомъ и фырканьемъ, съ оскаленными зубами и безумными глазами! Въ такія минуты верблюдъ положительно страшенъ.

При видѣ этого несущагося на нихъ потока такихъ обезумѣвшихъ животныхъ женщины невольно вскрикнули. Но полковникъ уже озаботился заставить своего верблюда, а также и тѣхъ, на которыхъ находились дамы, взобраться выше между скалами, чтобы эта кучка отступавшихъ арабовъ могла миновать ихъ.

— Сидите смирно, они пронесутся мимо!—проговорилъ онъ своимъ спутницамъ.—Я не знаю, чего бы я теперь не далъ,

чтобы увидѣть Типпи Тилли или одного изъ нихъ: теперь насталъ моментъ помочь намъ!—И онъ внимательно вглядывался въ лица проносившихся мимо него всадниковъ, но рябого лица бывшаго египетскаго солдата не видѣлъ.

Казалось, всѣ арабы въ своей поспѣшности выбраться изъ балки совершенно забыли о своихъ плѣнныхъ. Теперь оставались въ балкѣ лишь отсталые, по которымъ все еще стрѣляли безпощадные враги изъ черной гряды скалы. Однимъ изъ послѣднихъ былъ молодой баггара съ тонкими черными усами и заостренной бородкой. Онъ поднялъ голову и, взглянувъ на торчавшія надъ его головой ружья египетскихъ стрѣлковъ, въ безсильномъ гнѣвѣ своемъ обернулся и сталъ грозить имъ своимъ высоко поднятымъ мечомъ. Въ этотъ моментъ чья-то мѣткая пуля уложила его верблюда. Животное упало, словно подкошенное. Молодой, ловкій арабъ успѣлъ во время соскочить и, схвативъ его за продѣтое въ ноздри кольцо, принялся злобно теребить его, желая заставить верблюда подняться; а когда это не помогло, принялся съ озлобленіемъ колотить его плашмя своимъ мечемъ. Однако, все было напрасно. Въ африканской войнѣ убить верблюда, значитъ причинить смерть и его сѣдоку. Молодой баггара металъ молніи, обводя вокругъ себя гнѣвнымъ взглядомъ. Тутъ и тамъ на его бѣлой одеждѣ выступало алое кровавое пятно, но онъ какъ будто не замѣчалъ вражескихъ пуль, даже не оглядывался на нихъ. Вдругъ его злобный взглядъ упалъ на плѣнныхъ, и съ крикомъ ярости онъ устремился на нихъ, размахивая своимъ широкимъ мечемъ высоко надъ головою. Миссъ Адамсъ была всѣхъ ближе къ нему. Но при видѣ его обезумѣвшаго отъ бѣшенства лица она соскочила съ своего верблюда въ противоположную отъ араба сторону. Тогда баггара вскочилъ на одну изъ ближайшихъ скалъ и занесъ свой мечъ надъ головой мистриссъ Бельмонтъ. Но прежде чѣмъ ударъ успѣлъ быть нанесенъ, полковникъ Кочрэнь подался впередъ со своимъ пистолетомъ въ рукѣ и однимъ выстрѣломъ уложилъ араба на мѣстѣ. Однако, и въ послѣднюю минуту бѣшенная злоба въ этомъ человѣкѣ, казалось, превозмогла даже самую смерть: не будучи уже въ силахъ подняться, онъ все же отчаянно наносилъ удары направо и налѣво своимъ мечемъ и извивался среди камней, словно рыба, выброшенная на берегъ.

— Не бойтесь, mesdames,—успокаивалъ полковникъ Кочрэнь своихъ спутницъ,—не бойтесь, онъ уже мертвъ. Мнѣ

очень жаль, что я принужденъ былъ сдѣлать это у васъ на глазахъ, но это былъ опасный парень. У меня были съ нимъ старые счеты. Это тотъ самый, что тогда ударилъ меня прикладомъ своего ружья въ бокъ... Надѣюсь, вы, миссъ Адамсъ, не ушиблись? Подождите одну секунду, я сейчасъ сойду къ вамъ и помогу взобраться на верблюда!

Но миссъ Адамсъ отнюдь не пострадала, такъ какъ поблизости была скала или вѣрнѣе громадный валунъ, куда она спустилась безъ всякаго труда. Теперь и Сади, и мистриссъ Бельмонтъ, и полковникъ Кочрэнь, всѣ спустились на землю и увидѣли миссъ Адамсъ, весело махавшую имъ обрывкомъ своего зеленаго вуаля.

— Ура, Сади! Ура! Моя дорогая дѣвочка!—восклицала она.—Мы, наконецъ-то, спасены! Хвала Богу, мы спасены!

— Да, клянусь честью, теперь мы можемъ сказать, что спасены!

Но Сади, за эти дни невзгодъ, научилась больше думать о другихъ, чѣмъ о себѣ. Она обхватила обѣими руками шею мистриссъ Бельмонтъ и прижалась щекой къ ея щекѣ.

— Дорогая, милая, крошка моя, какъ можемъ мы радоваться и ликовать, когда вы...

— Но я не вѣрю, что это такъ!—возразила молодая женщина.—Нѣтъ, я не вѣрю и не повѣрю до тѣхъ поръ, пока не увижу своими глазами трупа Джона. О, когда я увижу, то послѣ того я уже не захочу ничего видѣть!

Теперь уже и послѣдній дервишъ выбрался изъ балки, и по обѣ стороны ея между камней виднѣлся длинный рядъ египетскихъ стрѣлковъ, высокихъ, стройныхъ, широкоплечихъ, очень похожихъ на древнихъ воиновъ, изображенныхъ на барельефахъ. Верблюды ихъ остались позади, спрятанными межу камнями, и теперь они спѣшили къ нимъ. Въ это самое время другой отрядъ египетской кавалеріи выѣхалъ изъ дальняго конца балки съ лицами, сіяющими торжествомъ побѣды. Очень небольшаго роста молодой англичанинъ, ловко сидѣвшій на своемъ верблюдѣ, командовалъ этимъ отрядомъ. Поровнявшись съ дамами и полковникомъ Кочрэнь, онъ задержалъ своего верблюда и привѣтствовалъ ихъ.

— На этотъ разъ они намъ попались, какъ слѣдуетъ!—проговорилъ онъ.—Весьма радъ, что мы могли быть вамъ полезны... Надѣюсь, вамъ теперь отъ этого не хуже, т. е. я хочу

сказать, что для дамъ это дѣло не совсѣмъ подходящее... быть въ такой перестрѣлкѣ.

— Вы изъ Хальфы, я полагаю?—спросилъ его полковникъ.

— Нѣтъ, мы изъ другого отряда, изъ Сарра! Мы встрѣтили ихъ въ пустынѣ, опередили тѣхъ, изъ Хальвы, и обошли арабовъ съ тыла! Взберитесь вотъ на эти скалы и вы все увидите. На этотъ разъ мы ихъ всѣхъ истребимъ до послѣдняго!

— Нѣкоторые изъ нашихъ остались у колодцевъ, и мы очень безпокоимся о нихъ,—сказалъ Кочрэнь.—Но вы, вѣроятно, ничего не слыхали о нихъ?

Молодой офицеръ озабоченно покачалъ головой.

— Дѣло плохо! Съ этимъ народомъ плохо ладить, когда ихъ припрутъ въ уголъ. Мы не надѣялись увидѣть васъ живыми и разсчитывали только отомстить за васъ!

— Есть съ вами еще какой либо англійскій офицеръ?—спросилъ Кочрэнь.

— Да, Арчеръ, онъ заходитъ съ фланга со своимъ отрядомъ. Онъ долженъ будетъ пройти здѣсь... Мы подобрали одного изъ вашихъ товарищей, забавнаго человѣка, съ красной повязкой на головѣ. Полагаю что мы еще увидимся съ вами, до свиданія, господа!—добавилъ офицеръ, трогая своего верблюда и пускаясь догонять свой отрядъ, который уже прошелъ впередъ въ строгомъ порядкѣ.

— Намъ остается только не трогаться съ мѣста, пока всѣ они не пройдутъ,—сказалъ Кочрэнь, указывая на растянувшихся длинной вереницей между камнями египетскихъ всадниковъ, подвигавшихся въ ихъ сторону. Тутъ были и негры, и феллахи, и суданцы, но все цвѣтъ и краса египетской арміи. Этотъ отрядъ велъ рослый мужчина съ большими черными усами и полевымъ биноклемъ въ рукѣ.

— Холла! Арчеръ!—окликнулъ его полковникъ Кочрэнь,—Нѣтъ-ли у васъ такой штучки, какъ сигара? Смертельно хочется покурить!—проговорилъ Кочрэнь.

Капитанъ Арчеръ досталъ изъ своего портсигара весьма удовлетворительную «partaga» и передалъ ее вмѣстѣ съ коробочкой восковыхъ спичекъ полковнику. Съ никогда еще не испытаннымъ наслажденіемъ закурилъ Кочрэнь свою сигару и съ особымъ вниманіемъ слѣдилъ, какъ вились струйки ея голубоватаго дыма. Дамы, всѣ три вмѣстѣ, расположились на плоской вершинѣ одной изъ скалъ.

X.

Вся египетская кавалерія теперь преслѣдовала арабовъ, и нѣкоторое время наши друзья были забыты. Но вотъ чей-то радостный добродушный голосъ окликнулъ ихъ, и изъ-за ближайшей скалы показался сперва красный тюрбанъ, затѣмъ и улыбающееся, нѣсколько блѣдное и расплывшееся лицо бирмингамскаго проповѣдника. Онъ опирался на толстое древко пики, такъ какъ его раненая нога не давала ему ступать, и это смертоносное оружіе, замѣняющее ему костыль, придавало ему еще болѣе забавный видъ. За нимъ двое негровъ тащили корзинку съ провизіей и бурдюкъ съ водой.

— Не говорите мнѣ ничего, я все отлично знаю!—кричалъ онъ, ковыляя между камней,—Али, давай сюда воды. Ну, вотъ, миссъ Адамсъ,—вамъ это кажется мало, подождите, мы дадимъ еще... Ну, теперь ваша очередь, мистриссъ Бельмонтъ... Ахъ, вы, мои бѣдняжки, бѣдняжки! Все мое сердце изболѣло о васъ... Вотъ тутъ хлѣбъ, вотъ мясо въ корзинкѣ. Но не кушайте слишкомъ много сразу... А гдѣ же остальные?—вдругъ добавилъ онъ, и лицо его помертвѣло.

Полковникъ печально покачалъ головой.

— Мы оставили ихъ у колодцевъ, и я боюсь, что ихъ пѣсенка спѣта!—сказалъ онъ.

— Полноте, другъ мой! Вы, вѣроятно, думали, что и моя пѣсенка спѣта, а теперь, какъ видите, я живъ и здоровъ и стою среди васъ. Никогда не падайте духомъ, мистриссъ Бельмонтъ, положеніе вашего мужа ни въ какомъ случаѣ не хуже того, въ какомъ находился я!

— Да, когда я увидѣлъ васъ тамъ, на скалѣ,—сказалъ Кочрэнъ,—то принялъ за галлюцинацію!

— Я боюсь, что велъ себя крайне неразумно! Капитанъ Арчеръ говорилъ, что я чуть было не испортилъ весь ихъ планъ. Но дѣло въ томъ, что когда я услышалъ, что арабы идутъ въ балкѣ, подъ нами, я до того забылся въ моментъ тревоги за васъ, до того захотѣлъ убѣдиться, живы ли вы, и здѣсь-ли, съ ними, что совершенно упустилъ изъ виду ихъ хитрый военный планъ!

— Я только удивляюсь, какъ васъ арабы не застрѣлили,—сказалъ полковникъ Кочрэнъ,—но разскажите намъ, ради Бога, какъ вы сами здѣсь очутились?

— Очень просто! Отрядъ египетской кавалеріи гнался за нами по пятамъ въ то время, когда арабы бросили меня среди пустыни. Когда погоня поравнялась съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я лежалъ, то они подобрали меня и захватили меня съ собой. Я, очевидно, былъ въ бреду, такъ какъ они потомъ говорили мнѣ, что издали слышали мой голосъ, какъ я пѣлъ гимны; они и поѣхали на мой голосъ и такимъ образомъ, по волѣ Провидѣнія, нашли меня. У нихъ оказалась съ собой маленькая походная амбулаторія, и на другой день я уже пришелъ въ себя и чувствую себя превосходно. Затѣмъ я перекочевалъ къ отряду изъ Сарра, гдѣ есть докторъ; онъ нашелъ, что моя рана пустяшная, и что небольшая потеря крови для меня даже очень полезна!

— Шшъ! Слышите?—спросилъ полковникъ Кочрэнъ.

Снизу, изъ балки, донесся до ихъ слуха ружейный залпъ. Кочрэнъ насторожился, какъ боевой конь, и сталъ искать дороги, какъ-бы пробраться на вершину той скалы, откуда все было видно. Дѣйствительно, отсюда, въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ пустыни, на ея ровномъ песчанномъ пространствѣ все было видно, какъ на ладони.

Остатки арабовъ ѣхали тѣсной кучей, и красные тюрбаны ихъ мѣрно покачивались въ тактъ съ шагомъ ихъ верблюдовъ. Они отнюдь не походили на людей, потерпѣвшихъ пораженіе, такъ какъ всѣ ихъ движенія были строго разсчитаны и обдуманы, хотя они на ихъ истощенныхъ верблюдахъ были въ безысходномъ положеніи. Весь отрядъ кавалеріи изъ Сарра, пройдя по балкѣ, спѣшился теперь и съ колѣна правильными залпами осыпалъ группу арабовъ, отстрѣливавшихся со спины своихъ верблюдовъ. Но не стрѣлки изъ Сарра и не группа арабовъ привлекли въ настоящее время вниманіе зрителей; эскадроны верблюжьяго отряда изъ Хальфы сомкнутыми рядами приближались съ тылу къ арабамъ и постепенно размыкались, оцѣпляя ихъ большимъ полукругомъ, по мѣрѣ своего приближенія постепенно суживавшимся. Такимъ образомъ арабы очутились между двухъ огней.

— Нѣтъ, смотрите, что они дѣлаютъ! — воскликнулъ съ восхищеніемъ Кочрэнъ.

Дервиши принудили всѣ своихъ верблюдовъ встать на колѣни и сами всѣ спѣшились. Впереди всѣхъ выдѣлялась высокая, величественная фигура эмира Вадъ-Ибрагима. На мгновеніе онъ молитвенно преклонилъ колѣна и воздѣлъ руки, за-

тѣмъ онъ всталъ и, выпрямившись во весь ростъ, обратился къ окружавшимъ его людямъ съ краткой рѣчью. Закончивъ свою рѣчь, онъ что то взялъ съ сѣдла, разостлалъ на землѣ и всталъ на эту разостланную подстилку.

— Славный малый!—воскликнулъ Кочрэнь.—Онъ всталъ на свою „овечью шкуру".

— Что это значитъ?—освѣдомился мистеръ Стюартъ.

— Видите-ли—пояснилъ Кочрэнь,—каждый арабъ всегда имѣетъ при себѣ на сѣдлѣ овечью шкуру. Когда онъ признаетъ, что его положеніе совершенно безысходно, и рѣшается биться до послѣдней капли крови, тогда онъ снимаетъ съ сѣдла свою овечью шкуру и стоитъ на ней до тѣхъ поръ, пока не упадетъ мертвымъ. Смотрите, они всѣ до послѣдняго стали на свои овечьи шкуры. Это значитъ, что они уже не дадутъ и не примутъ пощады!

Эта страшная драма быстро близилась къ развязкѣ. Окруженные тѣснымъ кольцомъ непріятелей, обстрѣливавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ, арабы отстрѣливались, какъ могли,—многіе изъ нихъ были уже убиты. Но остальные безпрерывно заряжали и стрѣляли все съ тѣмъ же непоколебимымъ мужествомъ. Около дюжины труповъ въ мундирахъ египетской арміи свидѣтельствовали о томъ, что побѣда эта досталась имъ не даромъ. Но вотъ раздался призывный звукъ трубы,—и отрядъ Сарра, и отрядъ Хальфа разомъ открыли по этой горсти людей перекрестный огонь; одинъ—два залпа,—и все это маленькое поле застлалъ густой бѣлый клубистый дымъ. Когда онъ разсѣялся, всѣ арабы лежали на своихъ овечьихъ шкурахъ,—всѣ они полегли,—всѣ до послѣдняго.

Дамы, объятыя ужасомъ и вмѣстѣ невольнымъ удивленіемъ предъ этимъ геройствомъ, смотрѣли на страшную сцену, разыгравшуюся у нихъ передъ глазами. Теперь, когда все было кончено, Сади и миссъ Адамсъ плакали, обнявъ другъ друга. Полковникъ Кочрэнь хотѣлъ было обратиться къ нимъ съ нѣсколькими словами утѣшенія или ободренія, когда взглядъ его случайно упалъ на лицо мистриссъ Бельмонтъ. Она была блѣдна, какъ полотно, черты лица были безжизненны и неподвижны, а большіе сѣрые глаза съ остановившимися расширенными зрачками смотрѣли куда-то въ пространство, какъ у человѣка въ трансѣ.

— Боже правый, мистриссъ Бельмонтъ, что съ вами?—воскликнулъ полковникъ.

Но вмѣсто всякаго отвѣта она молча указала на пустыню, гдѣ, на разстояніи многихъ миль, чуть не на самомъ краю горизонта, небольшая куча людей двигалась по направленію къ этимъ скаламъ.

— Клянусь честью, тамъ дѣйствительно, что-то есть! Кто-бы это могъ быть?

Но разстояніе было еще настолько велико, что сначала ничего нельзя было различить, и лишь спустя нѣкоторое время можно было сказать съ увѣренностью, что это были люди на верблюдахъ и числомъ около 12 человѣкъ.

— Это, навѣрно, тѣ негодяи, которыхъ мы оставили тамъ, у колодцевъ,—пробормоталъ Кочрэнь,—это, безъ сомнѣнія, никто иной, какъ они!

Мистриссъ Бельмонтъ все съ тѣмъ же блѣднымъ, неподвижнымъ лицомъ слѣдила за приближающейся группой всадниковъ. Вдругъ она съ громкимъ крикомъ вскинула вверхъ свои руки и воскликнула едва внятнымъ отъ сильнаго внутренняго волненія голосомъ.—Это они! Они спасены!... Ахъ, это они, это они, полковникъ. Хвала Господу Богу! Это они!—и она принялась метаться по площадкѣ скалы, какъ ребенокъ въ порывѣ неудержимаго веселія и радости.

Никто не вѣрилъ ей, но никто и не рѣшался протестовать противъ ея увѣреній. Она сбѣжала уже внизъ съ холма къ тому мѣсту, гдѣ находился ея верблюдъ. Предчувствіе давно указало ей то, чего никто еще, кромѣ нея, не могъ видѣть. Она различила или угадала въ той группѣ всадниковъ три бѣлыхъ шлема. Между тѣмъ маленькій отрядъ приближался форсированнымъ маршемъ и прежде, чѣмъ находившіеся надъ балкой друзья ихъ успѣли выѣхать къ нимъ на встрѣчу, уже можно было разсмотрѣть, что это были дѣйствительно Бельмонтъ, Фардэ и Стефенсъ, драгоманъ Мансуръ и раненый солдатъ суданецъ, эскортируемые негромъ Типпи-Тилли и остальными его товарищами, бывшими солдатами египетской арміи. Бельмонтъ кинулся къ женѣ, а monsieur Фардэ пожималъ руку полковника Кочрэня, восклицая:

— Vive la France! Vivent les anglais! Tout va bien, n'est ce pas? Ah, canailles! Vivent la croix et les chrétiens!—такъ несвязно и вмѣстѣ искренно выражалъ добродушный и экспансивный французъ свою радость.

Полковникъ также былъ чрезвычайно растроганъ и смѣял-

ся нервнымъ, надорваннымъ смѣхомъ, отвѣчая горячо и сердечно на рукопожатіе Фардэ.

— Дорогой мой, — говорилъ Кочрэнъ, — я чертовски радъ, что вижу васъ всѣхъ опять. Я было совершенно махнулъ на васъ рукой. Право, ничему въ своей жизни я еще не былъ такъ радъ, какъ этому свиданію со всѣми вами! Но какими судьбами вы спаслись?

— Это все благодаря вамъ, полковникъ!

— Благодаря мнѣ?

— Ну, да, а я еще ссорился съ вами, негодный человѣкъ! Я теперь простить себѣ этого не могу!

— Объ этомъ забудемъ совсѣмъ! Только какъ же это я могъ спасти васъ?

— Вы сговорились съ этимъ Типпи-Тилли и его товарищами и обѣщали имъ извѣстное вознагражденіе, если они доставятъ насъ невредимыми въ Египетъ. Они, помня этотъ уговоръ, подъ покровомъ ночи, такъ какъ уже начинало темнѣть, притаились въ кустахъ, и, когда мы остались одни, а вы всѣ уѣхали, осторожно подкрались и изъ своихъ ружей застрѣлили тѣхъ, кому приказано было насъ умертвить. Мнѣ жаль только, что они застрѣлили и этого проклятаго муллу, такъ какъ, мнѣ кажется, я непремѣнно убѣдилъ бы его принять христіанство. Вотъ вамъ вся наша исторія, а теперь, съ вашего разрѣшенія, я поспѣшу заключить въ свои объятія почтенную миссъ Адамсъ, такъ какъ вижу, что Бельмонтъ обнимаетъ свою жену. Стефенсъ припалъ къ рукѣ миссъ Сади и не можетъ отъ нея оторваться, а на мою долю, очевидно, приходятся симпатіи Адамсъ!

Прошло около двухъ недѣль, и тотъ спеціальный пароходъ, который былъ предоставленъ въ распоряженіе спасенныхъ туристовъ, отошелъ уже далеко къ сѣверу, значительно дальше Ассіу. На слѣдующее утро они должны были прибыть въ Баліани, откуда отправляется экспрессъ въ Каиръ. Такимъ образомъ это былъ послѣдній вечеръ, который бывшіе пассажиры «Короско» проводили вмѣстѣ. Мистриссъ Шлезингеръ и ея ребенокъ, которымъ удалось благополучно спастись, уже раньше переправились черезъ границу. Миссъ Адамсъ, послѣ испытанныхъ ею лишеній и потрясеній, была долгое время серьезно больна и въ этотъ вечеръ впервые появилась на палубѣ парохода. Она казалась еще худощавѣе и еще добродушнѣе,

чѣмъ всегда; Сади, стоя подлѣ нея, заботливо укутывала ея плечи теплымъ плэдомъ. Мистеръ Стефенсъ несъ ей на подносикѣ кофе и старался установить маленькій столикъ подлѣ качалки миссъ Адамсъ, чтобы ей было удобнѣй. Въ другомъ концѣ палубы мистеръ и мистриссъ Бельмонтъ ласково бесѣдовали между собой, держа другъ друга за руки. Monsieur Фардэ разговаривалъ съ полковникомъ Кочрэнь, стоявшимъ передъ нимъ съ сигарой въ зубахъ, прямымъ, какъ струнка, съ прежней безупречной военной выправкой, которую онъ, по собственному его признанію, такъ гордился. Но что сдѣлалось съ нимъ? Кто бы признал въ немъ теперь того надломленнаго старика, сѣдого, какъ лунь, котораго всѣ эти его спутники видѣли тамъ, въ Ливійской пустынѣ?! Правда, кое-гдѣ въ усахъ серебрился сѣдой волосокъ, но волосы его были того блестяще-чернаго цвѣта, которому такъ дивились всѣ во время его путешествія. На всѣ сочувственныя соболѣзнованія относительно того, какъ его состарили эти нѣсколько дней плѣна у дервишей, полковникъ отвѣчалъ холодно и хмуро, затѣмъ, исчезнувъ на время въ своей каютѣ, онъ, часъ спустя, появился на палубѣ совершенно такимъ какимъ его всѣ знали раньше.

Какъ мирно и спокойно было здѣсь, на палубѣ этого парохода, когда единственный доносившійся сюда звукъ былъ тихій плескъ волны о борта парохода, когда алый закатъ медленно догоралъ на западѣ, окрашивая въ розовый цвѣтъ мутныя воды рѣки. Въ сумеркахъ надвигавшагося вечера стройные ряды прибрежныхъ пальмъ, словно великаны минувшихъ вѣковъ, смутно вырисовывались на фонѣ темнаго уже неба, на которомъ загорались то тутъ, то тамъ большія лучезарныя звѣзды.

— Гдѣ вы остановитесь въ Каирѣ, миссъ Адамсъ?—спросила мистриссъ Бельмонтъ.

— У Шепхердсъ, я думаю!

— А вы, мистеръ Стефенсъ?

— О, непремѣнно у Шепхердсъ!

— Мы остановимся въ «Континенталѣ», но я надѣюсь, что мы не потеряемъ васъ изъ виду.

— О, не желала-бы я никогда терять васъ изъ вида, мистриссъ Бельмонтъ!—воскликнула Сади.—Нѣтъ, право, вы должны пріѣхать въ Штаты: мы постараемся устроить вамъ самый лучшій пріемъ!

Мистриссъ Бельмонтъ улыбалась.

— У насъ, дорогая миссъ Сади, есть свои обязанности и дѣла въ Ирландіи, мы и такъ слишкомъ долго отсутствовали; кромѣ того,—добавила она съ добродушнымъ лукавствомъ,—весьма возможно, что если бы мы собрались въ Штаты, то уже не застали-бы васъ тамъ!

— Но мы все же должны всѣ когда нибудь опять встрѣтиться,—сказалъ Бельмонтъ,—ужъ хотя-бы для того, чтобы еще разъ пережить вмѣстѣ эти воспоминанія. Теперь все это еще слишкомъ близко отъ насъ, а черезъ годъ—два мы лучше сумѣемъ оцѣнить ихъ!

— А мнѣ, — сказала его жена, — все это и теперь кажется чѣмъ-то давно, давно прошедшимъ, чѣмъ-то смутнымъ, какъ будто видѣнныхъ мною во снѣ!

— Да, тѣло наше не такъ быстро забываетъ свои страданія, какъ умъ,—сказалъ Фардэ, поднявъ вверхъ свою забинтованную руку;—это, напримѣръ, не походитъ на сонъ!

— Какъ жестоко, однако, что одни изъ насъ остались живы, а другіе—нѣтъ. Если бы мистеръ Броунъ и мистеръ Хидинглей были теперь съ нами, я была бы вполнѣ счастлива,—проговорила Сади,—почему въ самомъ дѣлѣ мы всѣ остались живы, а они нѣтъ?

— Почему зрѣлый плодъ срываютъ, а недозрѣлый оставляютъ на вѣткѣ?—раздался въ отвѣтъ на ея слова наставительный голосъ мистера Стюарта.—Намъ ничего не извѣстно о душевномъ состояніи нашихъ бѣдныхъ друзей, но Великій Садовникъ, чья мудрость превыше всякой мудрости, срываетъ плодъ, когда онъ созрѣлъ и долженъ быть сорванъ. Мы же должны не роптать, возблагодарить Господа Бога за наше спасеніе! Что касается меня, въ данномъ случаѣ, то я ясно вижу и смыслъ, и цѣль того, что Богъ попустилъ это несчастіе и затѣмъ, по великой мудрости своей, сжалился надъ нами и сохранилъ насъ. Съ полнымъ смиреніемъ я признаюсь, что теперь я лучше понимаю и сознаю свои обязанности, чѣмъ раньше. Эти тяжелыя минуты испытанія научили меня быть менѣе нерадивымъ въ исполненіи моихъ обязанностей и менѣе безпечнымъ и лѣнивымъ въ дѣланіи того, что я считаю своимъ долгомъ!

— А я,—воскликнула Сади,—я научилась въ эти дни большему, чѣмъ во всю остальную жизнь! Я научилась столь-

многому и отучилась отъ многаго, что стала совсѣмъ инымъ человѣкомъ!

— Я раньше совершенно не зналъ себя, я всегда принималъ за самое важное то, что вовсе не важно, и пренебрегалъ тѣмъ, что существенно!—проговорилъ Стефенсъ.

— Хорошая встряска никогда никому не мѣшаетъ,—замѣтилъ Корчэнь,—вѣчная масляница и вѣчные пуховики всегда только портятъ людей!

— Я-же глубоко убѣжденъ,—заявилъ мистеръ Бельмонтъ,—что каждый изъ насъ въ эти дни выросъ, какъ человѣкъ, и поднялся несравненно выше своего обычнаго уровня. Когда настанетъ часъ праведнаго суда, многое простится каждому изъ насъ за эти самоотверженные порывы, за эту братскую любовь и братскія чувства другъ къ другу!

Нѣкоторое время всѣ сидѣли въ глубокой задумчивости. Вдругъ подулъ рѣзкій холодный вѣтеръ съ востока, и многіе поднялись, чтобы уйти въ каюту.

Стефенсъ нагнулся къ Сади и спросилъ:

— Помните вы, что обѣщали, когда мы были въ пустынѣ? Вы сказали, что если останетесь живы, то, въ благодарность за это постараетесь дать счастье кому нибудь другому!

— Да помню, и я должна теперь это исполнить!—отвѣчала дѣвушка.

— Вы уже исполнили это, Сади!—отозвался Стефенсъ, и руки ихъ встрѣтились въ крѣпкомъ сердечномъ пожатіи, обѣщая обоимъ долгіе годы прочнаго счастья.

Лисій король.

Переводъ **Н. Д. Облеухова.**

Услышалъ я эту исторію на одномъ охотничьемъ обѣдѣ. За столомъ сидѣли джентльмены не только въ черныхъ, но и въ красныхъ сюртукахъ. Дессертъ былъ съѣденъ и мы, куря сигары, говорили о лошадяхъ и охотѣ. Вспоминали разныя диковинныя гонки въ родѣ того, что лисицамъ удавалось иногда заводить собакъ и охотниковъ съ одного конца графства на другой. Этихъ бодрыхъ лисицъ настигали въ концѣ-концовъ только двѣ или три охромѣвшія собаки да одинъ доѣзжачій пѣшкомъ. Что касается остальныхъ псовъ и людей, то они

оставались далеко позади и не могли принимать участія въ этой торжественной сценѣ.

Разговаривая, гости пили портвейнъ, и по мѣрѣ того, какъ они пили, разсказы ихъ становились все фантастичнѣе и фантастичнѣе. Теперь рѣчь шла уже о такихъ случаяхъ, когда охотникъ, увлеченный погоней за лисицей, заѣзжалъ, самъ того не замѣчая, въ чужеземныя страны. И лисицы въ этихъ разсказахъ оказывались иногда очень чудоковатыми. Одна изъ нихъ, спасаясь отъ собакъ, забралась на высокую вербу и укрылась въ ея вѣтвяхъ; другую пришлось вытаскивать за хвостъ изъ стойла—хитрое животное, думая спасти себя, спряталась въ конюшнѣ замка; третья лиса, наконецъ, ворвалась въ отворенную дверь дома, надѣла дамскую шляпу и, обманувъ такимъ образомъ собакъ, принявшихъ ее за жену охотника, скрылась.

Сперва разсказывали гости, а затѣмъ говорилъ самъ хозяинъ, передавшій намъ два высоко-интересныхъ случая изъ своего охотничьяго прошлаго. Особенно насъ заинтересовалъ второй разсказъ. Приступая къ нему, онъ долго откашливался, а это означало многое. Нашъ хозяинъ былъ великимъ художникомъ и всегда приберегалъ лучшее къ концу. Въ данный моментъ онъ былъ серьезенъ и даже нѣсколько возбужденъ. Очевидно, онъ собирался блеснуть передъ слушателями очень интересной новинкой.

— Произошло это еще до того, какъ я вступилъ во владѣніе этимъ имѣніемъ,—началъ хозяинъ.—Собакъ держалъ въ эту пору сэръ Чарльзъ Адайръ; отъ него онѣ перешли къ старику Лазому, а отъ Лазома—ко мнѣ. Можетъ случиться, впрочемъ, что эта исторія произошла при Лазомѣ... Нѣтъ, нѣтъ, конечно, это было при Адайрѣ. Случилось, это, господа, въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ... приблизительно въ семьдесятъ второмъ году.

Человѣкъ, о которомъ я буду разсказывать, живетъ теперь не здѣсь, но я полагаю, что среди васъ найдутся люди, которые его помнятъ. Называли его Данбюри, Вальтеромъ Данбюри. Мы его звали попросту Ватомъ. Онъ былъ сыномъ стараго Джо Данбюри изъ Верхняго Аскомба. Отецъ его умеръ, и Ватъ унаслѣдовалъ хорошенькое состояньице. Онъ оказался, видите ли, единственнымъ наслѣдникомъ. Братъ-то его, если вы помните, утонулъ, когда пошла ко дну «Великая Хартія". Въ имѣніи Вата было всего-на-всего нѣсколько

сотенъ акровъ, но земля зато была великолѣпная,—а въ то время, господа, сами знаете, пахать землю было выгоднымъ дѣломъ. Кромѣ того, имѣніе было не заложено, что тоже весьма важно. Въ незаложенномъ имѣніи фермеръ держитъ себя тише воды, ниже травы. Я говорю о старыхъ годахъ. Теперь, когда цѣны на пшеницу упали, все пошло по новому... Да, господа, иностранная пшеница и телеграфъ,—это два проклятія, тяготѣющія надъ нашимъ отечествомъ. Зерно дешевѣетъ, и цѣны черезчуръ быстро узнаются покупателями.

Такъ вотъ этотъ самый юный Ватъ Данбюри былъ отличнѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ парнемъ. Верхомъ онъ ѣздилъ молодецки, а охоту любилъ безумно. Но, какъ вамъ извѣстно, очень молодыхъ людей иногда бываетъ опасно допускать распоряжаться крупнымъ состояніемъ—молодые люди неопытны, не умѣютъ обращаться съ деньгами. Именно эта оказія случилась съ Ватомъ. Голова у него закружилась, и съ годъ или два онъ велъ не совсѣмъ правильную жизнь. Не скажу, чтобы онъ предавался какому-нибудь пороку. Отнюдь нѣтъ! Въ тѣ времена, видите ли, въ нашемъ околоткѣ была въ большой модѣ выпивка. Данбюри и попади въ эту компанію. Парень онъ былъ компанейскій, отставать отъ товарищей не любилъ: что другіе дѣлаютъ, то и онъ. Вотъ онъ и привыкъ выпивать и выпивалъ болѣе, чѣмъ это требовалось.

Вамъ извѣстно, господа, что употребленіе спиртныхъ напитковъ въ какомъ угодно количествѣ не можетъ причинить никакого вреда здоровью, если вы пьете по вечерамъ, воздерживаясь отъ алкоголя въ теченіе дня. Данбюри соблюсти этого условія не могъ: очень ужъ много пріятелей у него завелось. Ну значитъ, и выпивалъ онъ, и такъ выпивалъ, что многіе начали считать его пропавшимъ человѣкомъ.

Вотъ тутъ-то и случилось это забавное происшествіе. Онъ получилъ отъ судьбы такую здоровую трепку, что закаялся разъ навсегда прикасаться къ бутылкѣ съ виски.

Подобно большинству добрыхъ людей, Ватъ вытворялъ надъ своимъ здоровьемъ всевозможные фокусы, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ. Зато стоило ему чуть-чуть прихворнуть—и онъ становился самъ не свой, дѣлался отчаяннѣйшимъ трусомъ. Впрочемъ, такіе случаи съ нимъ бывали очень рѣдко. Проводя всю свою жизнь на открытомъ воздухѣ, Ватъ былъ крѣпокъ, какъ быкъ, и наслаждался завиднымъ здоровьемъ.

Виски, однако, взяла свое, и въ одно прекрасное утро

молодой человѣкъ почувствовалъ себя совсѣмъ плохо. Руки у него дрожатъ, нервы дергаются, какъ черезчуръ натянутыя струны скрипки. Накапунѣ-то, видите ли, онъ обѣдалъ въ плохо протопленномъ домѣ и немножко простудился. Да и вино-то, которое ему тамъ пить пришлось, должно быть, было плоховато. Ну, вотъ онъ и прихворнулъ немножко.

Ватъ перепугался: языкъ у него сталъ шершавый, точно купальное полотенце, а въ головѣ часы съ маятникомъ ходятъ. Что за бѣда такая стряслась?

И Ватъ послалъ за докторомъ Миддльтономъ, роднымъ отцомъ Миддльтона, практикующаго теперь въ Аскомбѣ.

Надо вамъ сказать, что Миддльтонъ былъ старинпымъ другомъ покойнаго Джо Данбюри и ужасно огорчался нетрезвымъ образомъ жизни его наслѣдника. Болѣзнью Вата онъ рѣшилъ поэтому воспользоваться, какъ удобнымъ случаемъ для его исправленія. Оглядѣвъ юношу, онъ сдѣлалъ серьезное лицо и прочиталъ ему наставленіе о гибельности пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ. Послѣ этого, съ грустью покачавъ головой, онъ заговорилъ о возможности бѣлой горячки или, еще того хуже, безнадежнаго помѣшательства. Слушая эти рѣчи, Ватъ Данбюри перепугался на смерть:

— Неужели же мнѣ нѣтъ спасенія, и я долженъ сойти съ ума?!—горестно воскликнулъ онъ.

— Ммм... право не знаю,—важно отвѣтилъ докторъ,—во всякомъ случаѣ, я не имѣю права утверждать, что вы внѣ всякой опасности. Ваша нервная система сильно расшатана. Чего добраго, въ теченіе этого дня могутъ обнаружиться симптомы той болѣзни, о которой я только что говорилъ. Надо подождать до вечера.

— Ну, а если до вечера ничего не случится, я выздоровѣю?

Докторъ, подумавъ нѣсколько секундъ, отвѣтилъ:

— Если вы не выпьете ни капли въ теченіе всего дня и если не будетъ никакихъ этакихъ симптомовъ, вы можете считать себя внѣ опасности.

Докторъ считалъ нелишнимъ малую толику постращать своего паціента.

— Ну, а какіе же это симптомы? — спросилъ робко Данбюри.

— Delirium tremens,—отвѣтилъ Миддльтонъ,—начинается

разстройствомъ зрительной функціи. Васъ начнутъ мучить галлюцинаціи.

— Боже мой, я уже теперь боленъ. Въ моихъ глазахъ вертятся огненныя точки!

Докторъ, видя, что Ватъ достаточно напуганъ, поспѣшилъ его успокоить.

— Ну, точки это еще ничего, это отъ желчи,—сказалъ онъ.—При бѣлой горячкѣ самые обыкновенные предметы начинаютъ казаться больнымъ насѣкомыми, гадами или странными, диковинными животными.

— А если мнѣ станутъ вдругъ представляться эти насѣкомыя, что мнѣ тогда дѣлать?

— Пошлите тогда за мной,—отвѣтилъ докторъ и, обѣщавъ прислать Вату лекарство, удалился.

Оставшись одинъ, юный Ватъ Данбюри всталъ и началъ оглядываться кругомъ. Онъ чувствовалъ себя подавленнымъ и несчастнымъ, и ему казалось, что онъ уже отправленъ въ мѣстную психіатрическую больницу на излеченіе. Правда, докторъ сказалъ, что если до вечера не будетъ никакихъ неблагопріятныхъ симптомовъ, все обойдется благополучно. Но кто знаетъ, чѣмъ кончится день? До вечера было далеко, и Ватъ со страхомъ поглядывалъ на машинку для сниманія сапогъ. А что, если вдругъ эта машинка возьметъ, да превратится въ гигантскаго паука или каракатицу?! Ватъ переживалъ поистинѣ ужасныя минуты и часы. Наконецъ, его терпѣніе истощилось, и ему страстно захотѣлось вонъ изъ этой душной комнаты на свѣжій воздухъ, на зеленую травку. Чего онъ, спрашивается, торчитъ здѣсь, если не далѣе какъ въ полумилѣ отъ его дома собралась охота Аскомба? Не все ли равно, гдѣ онъ, Ватъ Данбюри, будетъ ожидать симптомовъ бѣлой горячки: здѣсь ли въ комнатѣ или же въ полѣ, сидя верхомъ на лошади? Кромѣ того, у него болѣла голова, и ему хотѣлось освѣжиться.

Ватъ быстро принялъ рѣшеніе. Черезъ десять минутъ онъ уже былъ въ своемъ охотничьемъ костюмѣ, а еще черезъ десять минутъ сидѣлъ на сѣдлѣ. Съ удовольствіемъ впивая въ себя свѣжій воздухъ, молодой человѣкъ выѣхалъ со двора на своей рыжевато-саврасой кобылѣ Матильдѣ въ поле. Сперва, ослабленный треволненіями дня, онъ держался не твердо на лошади, но скоро силы къ нему вернулись. Если бы не докторъ съ его мрачнымъ совѣтомъ ждать вечера, Данбюри чувствовалъ

бы себя совсѣмъ хорошо. Но, присоединившись къ охотникамъ въ Гравель-Ганджерѣ, Ватъ забылъ о предсказаніяхъ Миддльтона. Собакъ только что пустили. День былъ какъ разъ подходящій для охоты. Не было ни вѣтру, ни дождя, но почва была достаточно сыра для того, чтобы собаки могли, не сбиваясь со слѣда, гнать звѣря. Охотниковъ было по крайней мѣрѣ человѣкъ сорокъ, все это были лихіе ребята и бравые наѣздники. Понемножку да понемножку вся кавалькада добралась до Блэкъ-Ганджера. Лица у всѣхъ прояснились,—всѣмъ имъ было извѣстно, что здѣсь цѣлая уйма лисицъ.

Въ тѣ времена, господа, у насъ въ Англіи имѣлись великолѣпные лѣса, а въ лѣсахъ этихъ водились лисицы. Что касается темной густой чащи, носившей названіе Блэкъ-Ганджера, она прямо-таки кишѣла лисицами. Всего труднѣе было выгнать лисицу изъ лѣса, но уже если выгонишь, то забавляйся вволю. Превеселыя травли лисицъ бывали въ тѣ времена!

Прибывъ въ Блэкъ-Ганджеръ, охотники стали размѣщаться. Одни изъ нихъ углубились вслѣдъ за собаками въ лѣсъ, разыскивать звѣря, другіе стали на лѣсныхъ дорожкахъ, третьи, наконецъ, остались въ полѣ ожидать лисицъ, когда онѣ выскочатъ изъ лѣса.

Молодой Ватъ Данбюри зналъ эту мѣстность, какъ свои пять пальцевъ. Онъ углубился въ рощу и сталъ въ томъ пунктѣ, гдѣ пересѣкались нѣсколько лѣсныхъ тропинокъ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ звѣря; онъ чувствовалъ, что хорошая скачка съ препятствіями ему будетъ полезна. Кобыла Матильда была также на высотѣ своего призванія. Она считалась лучшимъ скакуномъ во всемъ графствѣ. Чудное, доложу я вамъ, это было животное. Широкая костистая Матильда отличалась необычайной силой и выносливостью. Ватъ былъ лихой наѣздникъ, вѣсилъ онъ вмѣстѣ съ сѣдломъ не болѣе десяти стонъ *) и не удивительно поэтому, что никто не осмѣливался состязаться съ нимъ въ быстротѣ ѣзды.

Итакъ, молодой Данбюри стоялъ на лѣсной прогалинѣ, дожидаясь звѣря и прислушиваясь къ крикамъ ловчаго и доѣзжачихъ. Изрѣдка въ кустахъ мелькали виляющіе хвосты и свѣтло-каштановыя спины собакъ. Это была хорошо выдрессированная свора, и только рѣдкія и тихія повизгиванья давали понять, что въ рощѣ работаютъ четыре десятка псовъ.

---

*) Стонъ—единица вѣса, равняющаяся 14 англійскимъ фунтамъ.

Вдругъ одна изъ собакъ испустила протяжный вой; другія собаки подхватили этотъ вой, и черезъ нѣсколько секундъ вся стая, высунувъ языки и опустивъ морды низко къ землѣ, мчалась по горячему слѣду. Псы промчались мимо Данбюри по одной изъ тропинокъ и исчезли въ лѣсу. Вслѣдъ за нимъ проскакали три доѣзжачихъ въ красныхъ сюртукахъ. Ватъ далъ шпоры Матильдѣ и помчался вслѣдъ за ними. Они ѣхали вонъ изъ лѣса по кратчайшей линіи, наклонясь къ сѣдламъ, но вѣтви деревьевъ хлестали ихъ по лицамъ. Скакать въ лѣсу, джентльмены, трудная вещь. Того и гляди, что лошадь запутается въ древесныхъ корняхъ и сломаетъ себѣ ногу. Кромѣ того, въ лѣсу темно, и охотникъ узнаетъ дорогу, только глядя на движущуюся впереди него свору.

Собаки продолжали бѣжать впередъ, и лѣсъ скоро началъ рѣдѣть. Кавалькада очутилась въ глубокой лощинѣ, по которой протекала рѣка. Пріятно было мчаться по зеленой муравѣ, собаки продолжали бѣжать съ невѣроятной быстротой на протяженіи двухсотъ рядовъ, причемъ все время слѣдовали вдоль берега. Остальные охотники, обогнувъ лѣсъ, приближались слѣва, но Данбюри съ доѣзжачими все время держался впереди. Скоро къ нему присоединился пасторъ Джеддльзъ, ѣздившій въ то время на неважной гнѣдой лошадкѣ, и сквайръ Фолей, у котораго было обыкновеніе набирать себѣ охотничьихъ скакуновъ изъ забракованныхъ на Ньюмаркетской ярмаркѣ кровныхъ лошадей. Другимъ охотникамъ такъ и не удалось догнать Ватта Данбюри и переднихъ доѣзжачихъ. Хорошая это была охота. Они мчались по прямой линіи, какъ птица пролетѣла, направляясь къ южнымъ дюнамъ и морю.

Но съ самаго начала охоты никому такъ и не довелось увидѣть преслѣдуемой лисицы. Не было также слышно впереди обычныхъ криковъ «галло!» обозначающихъ что звѣрь усмотрѣнъ. Это, впрочемъ, и неудивительно было, такъ какъ эта мѣстность мало населена и по дорогѣ никто охотникамъ не встрѣтился.

Итакъ, въ авангардѣ было шестеро человѣкъ; пасторъ Джеддльзъ, сквайръ Фолей, ловчій, два доѣзжачихъ и Ватъ Данбюри, забывшій о мрачныхъ предсказаніяхъ доктора, о бѣлой горячкѣ и о всемъ на свѣтѣ. Лошади едва прикасались копытами къ землѣ,—такъ быстро онѣ скакали. Одинъ изъ доѣзжачихъ, впрочемъ, повернулъ назадъ, чтобы подогнать отставшихъ псовъ—и ихъ осталось пятеро. Вскорѣ затѣмъ

отсталъ и сквайръ Фолей. Его лошадь стала тяжело дышать— вы вѣдь знаете, эта исторія всегда случается съ кровными лошадьми изъ бракованныхъ,—и Фолей поторопился присоединиться къ арьергарду. Оставшіеся четверо охотниковъ продолжали итти какъ слѣдуетъ и промчались четыре или пять миль вдоль берега, такъ что отъ лошадиныхъ ногъ только брызги летѣли. Зима была сырая, и незадолго передъ этимъ была оттепель. Лошади скользили или поднимали цѣлые фонтаны водяныхъ брызгъ.

Наконецъ, приблизились къ мосту. Охота давно исчезла изъ виду гдѣ-то позади, и четверо оставшихся наѣздниковъ были хозяевами положенія. Лисица кинулась на мостъ. Вамъ извѣстно, конечно, что лисицы не плаваютъ зимой, когда вода холодна. Лисицы, джентльмены, похожи въ этомъ отношеніи на людей: онѣ не любятъ зябнуть понапрасну. Ну такъ вотъ она перебѣжала мостъ и пустилась изо всѣхъ силъ къ югу. Мѣстность здѣсь чрезвычайно неровная, надо пробираться черезъ верескъ и, кромѣ того, донимаютъ холмы. Только взберешься на гору, спустишься съ нея, анъ, глядишь, передъ тобою опять гора. Трудно сказать, джентльмены, что лучше для лошади—всходить-ли на холмъ или спускаться съ него. Къ этой работѣ способны низкорослыя, приземистыя коротконогія лошадки, а для нашихъ долговязыхъ и длинноногихъ скакуновъ, — это дѣло неподходящее. Первая сдалась гнѣдая кобыла пастора Джеддльза. Напрасно пасторъ выкидывалъ разныя ирландскія штучки и влѣзалъ своей лошади чуть не на голову, въ то время когда она брала холмы—все было напрасно. Преподобному отцу скоро пришлось отстать.

Итакъ, ихъ осталось всего трое: ловчій, доѣзжачій и Ватъ Данбюри. Всѣ они шли, какъ слѣдуетъ. Дорога становилась все хуже и хуже. Горы встрѣчались все болѣе крутыя. На нихъ густо росли терновые кусты и верескъ. Лошади то и дѣло спотыкались, попадая ногами въ кроличьи норы. Собаки, однако, продолжали бодро и увѣренно мчаться впередъ, а охотники старались не упустить ихъ изъ виду. Лисицы попрежнему не было видно, но, судя по рѣшимости, съ которой собаки двигались по слѣду, было ясно, что звѣрь совсѣмъ близко. Вдругъ Ватъ Данбюри услышалъ трескъ, и его что-то ударило въ локоть. Оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ мелькавшіе въ воздухѣ охотничьи сапоги, покрытые шипами терновниковъ. Это споткнулась лошадь доѣзжачаго, и онъ оказы-

вался не у дѣлъ. И Данбюри и ловчій позадержали на мгновеніе своихъ коней, но затѣмъ, видя, что доѣзжачій поднимается съ земли безъ особыхъ поврежденій, помчались снова впередъ.

Ловчій Джо Кларкъ былъ знаменитымъ наѣздникомъ: имя его славилось въ пяти смежныхъ графствахъ. На этотъ разъ онъ, однако, понадѣялся черезчуръ на себя и поѣхалъ на охоту на своей запасной лошади, а какъ вамъ извѣстно, джентльмены, запасныя лошади всегда остаются за флагомъ. Впрочемъ, лошадь, находившаяся подъ Джо Кларкомъ, была недурна и, управляемая опытнымъ наѣздникомъ, шла очень хорошо. Ну, а Ватъ Данбюри,—тотъ шелъ лучше. Его самочувствіе съ каждой минутой улучшалось, а настроеніе наѣздника вѣдь очень сильно вліяетъ на настроеніе лошади. Крѣпкая саврасая кобыла Матильда прямо разстилалась по землѣ. Животное, однимъ словомъ, вело себя такъ, точно оно было сотворено не изъ мяса и крови, а стали и китовыхъ костей. Вату еще никогда не удавалось утомить свою Матильду, и теперь онъ съ удовольствіемъ испытывалъ ея выносливость. Теперь приходилось проѣзжать по пастбищамъ, и охотники теряли время, слѣзая съ коней и отворяя ворота. Время это они наверстывали, мчась, какъ бѣшеные, по полямъ. Да, джентльмены, это было въ то блаженное время, когда въ нашемъ отечествѣ не было проклятаго телеграфа. Если джентльменъ не могъ перескочить черезъ высокій заборъ, ему не возбранялось сломать его. Впрочемъ, ломать заборы безъ надобности было какъ-то не принято.

Ватъ Данбюри и ловчій двигались теперь по плохому проселку. Пришлось замедлить аллюръ. Изъ одной фермы выскочилъ крестьянинъ, который закричалъ имъ что-то вслѣдъ, махая руками, но имъ некогда было останавливаться и разговаривать. Они спѣшили, боясь упустить изъ виду свору, которая находилась въ эту минуту на пашнѣ за деревней. Дорога пошла въ гору, и лошади утопали по щиколотку въ красной глинѣ распаханной земли. Взобравшись на вершину, животныя тяжело дышали, но зато передъ ними открылся отлогій спускъ въ долину, ведущую къ южнымъ дюнамъ, и среди этой долины виднѣлся соснякъ, къ которому теперь мчались изо всѣхъ силъ собаки, растянувшись длинной линіей.

Тамъ и сямъ виднѣлись краснопѣгія точки; нѣкоторые изъ псовъ, усталые, возвращались назадъ, высунувъ языки, прихрамывая и равнодушные къ погонѣ.

Посреди сосняка шла широкая, гладкая дорога, по которой было очень хорошо скакать. Данбюри и ловчій дали шпоры лошадямъ и помчались впередъ, отдѣленные отъ своры какими-нибудь ста ярдами.

— Лисица принадлежитъ только намъ,—сказалъ Ватъ.

— Да, сэръ, мы обдѣлали ихъ всѣхъ,—отвѣтилъ старый Джо Кларкъ.—Если мы изловимъ эту лисицу, то надо будетъ сдѣлать изъ нея чучело. Право, она стоитъ этого.

— Во всю жизнь свою мнѣ не приходилось имѣть такой скачки,—воскликнулъ Данбюри.

— Что говорить, сэръ! Я, даже я, старикъ, первый разъ попалъ въ такую передѣлку, а это что-нибудь да значитъ,—отвѣтилъ старый ловчій и прибавилъ:—но что меня удивляетъ, такъ это то, что мы ни разу не видали лисицы. Здоровый она слѣдъ послѣ себя оставляетъ, если собаки бѣгутъ за ней такъ твердо, а мы ея и не видимъ. А вѣдь мы, сэръ, сейчасъ въ полѣ на полмили кругомъ все видѣли.

— Ну, надѣюсь, мы скоро ее увидимъ,—отвѣтилъ Дамбюри, а про себя подумалъ: «Если не мы, такъ я-то навѣрное ее увижу».

И дѣйствительно, лошадь стараго ловчаго задыхалась. Паръ отъ нея валилъ, точно изъ окна прачешной. Собаки повернули съ главной дороги на боковую тропинку, а съ этой тропинки пришлось поворачивать еще на другую, совсѣмъ узенькую. Вѣтви хлестали всадниковъ по лицу, ѣхать рядомъ стало невозможно. Ватъ двинулся впередъ; лошадь ловчаго, тяжело отбивая копытами, скакала позади. Даже Матильда начала уставать и шла не съ прежнею легкостью. Данбюри далъ ей шпоры. Она пріободрилась и помчалась впередъ, какъ бы стараясь доказать, что силы у нея еще имѣются.

Ватъ поднялъ глаза и вдругъ увидѣлъ въ глубинѣ тропинки высокій деревянный заборъ. Собаки промчались подъ нимъ и были уже на той сторонѣ. Надо было или брать барьеръ, или терпѣть, какъ говориться, крушеніе у самой пристани. Ватъ былъ не изъ нерѣшительныхъ ребятъ. Онъ сильно пришпорилъ Матильду. Та собралась съ силами, взвилась на воздухъ и перемахнула черезъ заборъ. Не успѣлъ опомниться Данбюри отъ этого сальто-мортале, какъ за нимъ послышался страшный трескъ, точно цѣлый домъ рушился. Что за чертовщина! Молодой человѣкъ оглянулся: заборъ сломанъ, лошадь ловчаго ле-

жить на брюхѣ, а самъ Джо Кларкъ стоитъ на четвереينькахъ. Впрочемъ, черезъ секунду ловчій былъ уже на ногахъ и, подбѣжавъ къ своей лошади, схватилъ ее подъ уздцы. Лошадь встала, шатаясь, но—увы!—обѣ переднія ноги были у нея въ полномъ безпорядкѣ. Ватъ сразу же, какъ опытный охотникъ, убѣдился, что въ данномъ случаѣ требуется шестинедѣльная работа опытнаго ветеринара.

И онъ помчался впередъ. Старый Джо крикнулъ ему вслѣдъ, чтобъ онъ не терялъ изъ виду собакъ.

И такъ, Ватъ теперь былъ единственнымъ охотникомъ, теперь онъ имѣлъ право отказаться навсегда отъ травли лисицъ, ибо вкусилъ величайшее, доступное охотнику за лисицами, благо. Я помню, джентльмены, одну такую охоту въ Королевскомъ Серреѣ, въ которой я участвовалъ... Впрочемъ, я разскажу вамъ эту исторію какъ нибудь послѣ.

Свора или, вѣрнѣе сказать, ея остатки, успѣла за это время уйти далеко впередъ. Ватъ помчался за собаками; кобыла, повидимому, довольная тѣмъ, что обогнала всѣхъ своихъ товарищей и товарокъ по охотѣ, шла увѣренно и гордо, по временамъ помахивая головой.

Сперва пришлось проскакать двѣ мили по зеленому склону холма, затѣмъ спуститься на каменистый, испорченный древесными корнями, проселокъ. Здѣсь Матильда споткнулась и чуть не упала. Вслѣдъ затѣмъ ей нужно было перепрыгнуть черезъ ручей въ пять футовъ ширины, продраться черезъ густые кусты орѣшника и выѣхать снова на пашню. Трудно было скакать усталому животному по комьямъ сырой земли, а Ватъ два раза терялъ драгоцѣнное время, сходя съ сѣдла и отворяя воротица.

Но вотъ, наконецъ, передъ нимъ развернулась зеленая непрерывная низина южныхъ дюнъ.

— Ладно, —сказалъ Ватъ Данбюри, — теперь я затравлю эту лисицу или же она принуждена будетъ утопиться въ морѣ, Между мною и ею нѣтъ ничего, кромѣ мѣловыхъ утесовъ, тамъ, у берега. Болѣе ей негдѣ спрятаться.

Но Ватъ ошибался, думая такимъ образомъ, и скоро убѣдился въ своей ошибкѣ. Въ этой мѣстности южныхъ дюнъ тамъ и сямъ разбросаны пихтовыя насажденія, нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ довольно высокія деревья. Скрыты эти лѣса въ ложбинахъ, и вы замѣчаете ихъ только тогда, когда приблизитесь къ склону, ведущему въ ложбину. Такъ случилось и съ

Данбюри. Подскакавъ къ одной изъ такихъ впадинъ, онъ увидѣлъ внизу темную кучу деревьевъ. Дюжина собакъ, успѣвшихъ добраться сюда, вбѣгали въ этотъ моментъ въ эту небольшую рощу. Солнце бросало отвѣсные лучи на зелено-оливковые склоны ложбины. Ватъ окинулъ кругомъ мѣстность; кромѣ нѣсколькихъ овецъ, мирно пасшихся около рощи, здѣсь не было видно ни одного живого существа. Ну, конечно, лисица тамъ въ лѣсу и уже окружена собаками. Ватъ пришпорилъ лошадь и черезъ нѣсколько минутъ уже галопировалъ по пихтовой рощѣ.

Здѣсь было темно, и глаза Вата, ослѣпленные блескомъ солнечныхъ лучей, съ трудомъ различали тропинку, по которой онъ ѣхалъ. Вы вѣдь знаете, джентльмены, пихтовыя рощи. Тамъ все такъ мрачно и торжественное, точно на кладбищѣ. Мнѣ кажется, что это впечатлѣніе получается отъ того, что въ этихъ рощахъ нѣтъ мелкихъ кустарниковъ, да и деревья-то совершенно неподвижны и ихъ не колеблетъ вѣтеръ.

Какъ бы то ни было, но у Вата Данбюри по спинѣ забѣгали мурашки. Вся охота начала ему казаться какой-то странной: ужъ очень она была длинна и кромѣ того, никто съ самаго начала не видалъ лисицы. И ему вспомнились разсказы о „лисьемъ королѣ". Надо вамъ сказать, джентльмены, что глупые и суевѣрные крестьяне увѣряютъ, будто существуетъ этакій лисій король. Королемъ этимъ называется лисица, обладающая дьявольскими способностями. Бѣгаетъ она такъ быстро, что ее не можетъ догнать ни одна свора въ свѣтѣ, а если и догонитъ, то тѣмъ хуже собакамъ. Лисій король чрезвычайно свирѣпъ и разрываетъ собакъ въ клочки.

Такъ вотъ эти-то розсказни и вспоминались теперь Вату Данбюри. Непріятное онъ испытывалъ ощущеніе. Да и въ самомъ дѣлѣ, одно дѣло толковать о лисьемъ королѣ послѣ обѣда, за виномъ и сигарами,—совсѣмъ-совсѣмъ другое, когда демонъ-лисица начинаетъ вамъ представляться въ темномъ пихтовомъ лѣсу, въ то время какъ вы находитесь въ полномъ одиночествѣ. Нервы молодого человѣка, успокоившіеся было, начали шалить. Забывъ объ охотничьей гордости, онъ думалъ:

«Я далъ бы десять фунтовъ, что-бы около меня былъ теперь добрый Джо Кларкъ.

И вдругъ, въ то время когда Ватъ предавался этимъ мрачнымъ думамъ, совсѣмъ вблизи около него раздался оглушительный неистовый лай и вой. Собаки догнали лисицу.

Ну-съ, джентльмены, вамъ, конечно, извѣстно, что долженъ дѣлать въ такихъ случаяхъ охотникъ. Оставшись одинъ, охотникъ долженъ исполнять обязанность и доѣзжачаго, и ловчаго, и все прочее. Онъ врѣзается въ свору и разгоняетъ ее плетью, иначе собаки изорвутъ въ клочья хвостъ и шкуру звѣря. Ватъ Данбюри помнилъ о всемъ этомъ и поэтому поспѣшилъ направить лошадь въ чащу лѣса къ тому мѣсту, откуда слышался собачій лай. Но пробраться верхомъ было невозможно. Онъ соскочилъ съ лошади, бросилъ ее и сталъ пробираться черезъ чащу пѣшкомъ съ охотничьей плетью въ рукахъ. Но чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ страшнѣе ему становилось. Кровь замерла у него въ жилахъ. Много разъ ему приходилось прежде быть свидѣтелемъ того, какъ затравливали лисицъ, но ничего подобнаго тому, что происходило теперь, онъ не слыхивалъ. Правда, собаки лаяли, но это былъ не побѣдный лай, раздающійся въ такихъ случаяхъ. Нѣтъ, псы просто выли, выли отъ ужаса. Иногда раздавался визгъ предсмертной агоніи. Съ трудомъ переводя дыханіе, Ватъ продолжалъ, однако, бѣжать впередъ и скоро очутился на небольшой полянкѣ. Собаки стояли, скучившись, около купы терновниковъ въ противоположномъ концѣ полянки. Онѣ стояли, ощетинившись и разинувъ рты. Одна изъ нихъ валялась передъ самымъ кустомъ съ разорваннымъ горломъ, и ея темно-каштановая шерсть была вся залита кровью. Ватъ приблизился. Собаки, увидавъ его, ободрились, и одна изъ нихъ съ злобнымъ рычаніемъ ринулась къ терновнику. Въ эту же минуту изъ куста высунулось громадное животное величиной съ осла. Голова у животнаго была большая, сѣрая, чудовищные бѣлые зубы сверкали изъ разинутой пасти. Собака, визжа, взвилась на воздухъ, а затѣмъ упала въ кусты и тамъ исчезла. А черезъ секунду въ этихъ кустахъ послышался зловѣщій лязгъ, похожій на хлопанье большой крысоловки, и визгъ собаки превратился въ предсмертный стонъ. Затѣмъ все въ кустахъ смолкло.

Данбюри ждалъ симптомовъ бѣлой горячки цѣлый день и вотъ, наконецъ, онъ дождался. Ни живой, ни мертвый, онъ еще разъ заглянулъ въ кусты, откуда глядѣла на него, зловѣще сверкая, пара свирѣпыхъ красныхъ глазъ. Не долго думая, онъ поворотилъ пятки и пустился удирать. Чортъ еще знаетъ, что это такое: временное ли помѣшательство или настоящая манія, о которой говорилъ докторъ Миддльтонъ? Во всякомъ

случаѣ надо торопиться домой, ложиться въ постель и ожидать рѣшенія своей участи. Ватъ забылъ обо всемъ на свѣтѣ—и объ охотѣ, и о собакахъ. Его терзалъ мучительный страхъ за собственный разсудокъ. Онъ вскочилъ на лошадь, какъ безумный проскакалъ черезъ дюны и очутился на почтовой станціи. Тамъ онъ сдалъ лошадь на сохраненіе, а самъ уѣхалъ на пароходѣ домой. Прибылъ онъ къ себѣ еще до вечера, весь дрожа отъ страха. Повсюду, куда онъ ни взглядывалъ, ему мерещились красные и свирѣпые глаза лисьяго короля. Улегся бѣдный Ватъ въ постель и послалъ за докторомъ Миддльтономъ.

Когда въ спальню вошелъ старый врачъ, Ватъ воскликнулъ:

— Докторъ, у меня начались симптомы. Мнѣ грезятся странныя животныя, разныя галлюцинаціи и всякая всячина. Все, однимъ словомъ, какъ вы сказали. Докторъ, ради Бога, спасите меня отъ безумія!...

Докторъ внимательно выслушалъ разсказъ паціента и страшно разсердился.

— Исторія ясна, какъ день!—сказалъ онъ.—Да, молодой человѣкъ, вы получили должное. Это вамъ урокъ на всю жизнь.

Ватъ заплакалъ.

— Докторъ, если я выздоровѣю, то клянусь, не выпью болѣе ни капли...—жалостнымъ тономъ сказалъ онъ.

— Очень хорошо, мой милый мальчикъ! Если вы сдержите слово, то постигнувшее васъ несчастье можетъ превратиться въ высшее благополучіе. Но видите-ли, мнѣ очень трудно отдѣлить въ вашемъ разсказѣ факты отъ фантазіи. Ужъ не приснилось ли вамъ все это? Я увѣренъ, что мертвыя собаки и это странное животное въ кустахъ вамъ просто примерещились.

— Но я видѣлъ все это такъ же ясно, какъ вижу васъ.

— Охотно вѣрю. Въ галлюцинаціяхъ, особенно это замѣчается при delirium tremens, все представляется особенно ярко... Знаете, мой милый другъ, я думаю, что вы и на охотѣ-то не были, а все это вамъ представилось.

Ватъ молча показалъ на свои охотничьи сапоги, которые валялись на полу, забрызганные грязью цѣлыхъ двухъ графствъ.

— Гм... гм...—сказалъ докторъ,—да, должно-быть, вы въ самомъ дѣлѣ охотились... Въ такомъ случаѣ дѣло могло быть такъ. Вы, не оправившись какъ слѣдуетъ, выѣхали на охоту, переутомились и начали галлюцинировать. Да, да, должно быть, такъ и было... Впрочемъ, что тутъ толковать? Система леченія во всякомъ случаѣ ясна. Вы будете принимать успокоительную

микстуру, которую я вамъ пришлю, а на ночь мы къ вискамъ поставимъ піявочки, чтобы предотвратить воспаленіе мозга.

Докторъ ушелъ, а Ватъ не спалъ всю ночь и, ворочаясь съ боку на бокъ, предавался грустнымъ размышленіямъ. Онъ думалъ о томъ, какая непрочная машина—человѣкъ, какъ легко испортить эту машину и какъ трудно ее починить. И Ватъ давалъ самому себѣ мысленно клятвенныя обѣщанія исправиться. Только бы выздоровѣть, а ужъ онъ ручается, что первый урокъ, данный ему судьбой, будетъ послѣднимъ. Отнынѣ онъ, подобно своему отцу, начнетъ жить тихою, трезвою жизнью работящаго землевладѣльца. Такъ-то размышлялъ, лежа въ постели, бѣдный юноша. Настало утро. Дверь вдругъ отворилась, и въ комнату влетѣлъ возбужденный докторъ Миддльтонъ. Въ рукахъ у него была скомканная газета.

— Мой милый мальчикъ!—воскликнулъ докторъ,—я приношу вамъ тысячу извиненій. Никакихъ галлюцинацій у васъ не было, а я... я—величайшій болванъ во всемъ графствѣ. Слушайте.

И, присѣвъ на край кровати, докторъ разгладилъ газету и началъ читать.

Статья носила заглавіе: «Несчастье съ собаками Аскомба». Въ ней разсказывалось, что вчера четыре растерзанныя и изуродованныя собаки были найдены въ Винтонской пихтовой рощѣ на южныхъ дюнахъ. Охота была такъ тяжела, что половина своры захромала. Причина странной гибели четырехъ найденныхъ въ лѣсу собакъ еще неизвѣстна.

— Вотъ видите!—сказалъ докторъ, глядя на Данбюри,—я и ошибся, сочтя вашихъ мертвыхъ собакъ за галлюцинацію.

— Ну что же за причина?..—спросилъ Ватъ.

— Гм... причину легко угадать изъ другой замѣтки, полученной редакціей поздно ночью, когда наборъ уже клали въ машину. Слушайте: «Вчера поздно вечеромъ, мистеръ Браунъ изъ Смитеровой фермы близъ Гастингса увидѣлъ, что къ его овцамъ приблизилось странное животное, похожее на громадную собаку. Онъ застрѣлилъ это животное, и оно оказалось сѣрымъ сибирскимъ волкомъ изъ породы, извѣстной подъ именемъ „Lupus giganticus“. Предполагаютъ, что этотъ волкъ бѣжалъ изъ какого-нибудь бродячаго звѣринца».

Моя исторія кончена, джентльмены. Долженъ прибавить, что Ватъ Данбюри выполнилъ свои благочестивыя намѣренія. Ужасъ, испытанный имъ при охотѣ на лисьяго короля, изле-

чилъ его отъ пристрастія къ виски, онъ не захотѣлъ подвергать себя во второй разъ опасности. Ничего, кромѣ лимонада, онъ теперь не пьетъ... то-есть я хотѣлъ сказать, что онъ ничего, кромѣ лимонада не пилъ до своего отъѣзда отсюда, а въ Благовѣщеніе исполнится ровно пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Ратъ Данбюри покинулъ наши палестины.

Новая катакомба.

Переводъ **Н. Д. Облеухова.**

— Слушайте, Бургеръ, мнѣ, право, хочется, чтобы вы мнѣ довѣряли побольше,—произнесъ Кеннеди.

Комфортабельная квартира Кеннеди выходила окнами прямо на Корсо. Знаменитые въ Римѣ археологи сидѣли другъ противъ друга и бесѣдовали. Былъ уже вечеръ и довольно холодный вечеръ. Ученымъ пришлось пододвинуть свои кресла поближе къ топившейся печкѣ. Печка, какъ и полагается въ Италіи, была плохая. Отъ нея шло не тепло, а только духота. Яркія, зимнія звѣзды горѣли уже надъ современнымъ Римомъ. Во всѣхъ направленіяхъ сверкали золотыя цѣпи электрическихъ фонарей, рестораны и кафе утопали въ потокахъ свѣта, по улицамъ мчались экипажи, тротуары были запружены толпой.

Но здѣсь, въ роскошномъ кабинетѣ молодого англійскаго археолога можно было наблюдать прежній старый Римъ. По стѣнамъ висѣли старые, поломанные фризы античной эпохи, изъ угловъ выглядывали бюсты знаменитыхъ сенаторовъ.

На столѣ, посерединѣ кабинета, среди вороха инскрипцій, фрагментовъ и античныхъ украшеній стояла знаменитая модель бань Каракаллы. Модель эта была сооружена самимъ Кеннеди. Послѣ эта модель фигурировала на берлинской выставкѣ, гдѣ и вызвала всеобщій восторгъ и удивленіе.

Съ потолка спускались древнія амфоры; красный турецкій коверъ, покрывавшій почти всю комнату, былъ весь заваленъ античными рѣдкостями. Все здѣсь было подлинное, рѣдкое и дорогое. Кеннеди, несмотря на свои годы,—ему было тридцать съ небольшимъ лѣтъ,—успѣлъ стяжать себѣ солидную научную репутацію. Кромѣ того, онъ былъ очень богатый человѣкъ, не останавливавшійся передъ тратами, и ничто ему не мѣшало итти впередъ по стезѣ ученой извѣстности.

Иногда, правда, Кеннеди любилъ на время удаляться отъ науки и предаваться удовольствіямъ, но эти періоды длились недолго. Онъ опять возвращался къ своимъ любимымъ занятіямъ.

Это былъ очень красивый господинъ. Въ глаза бросались: высокій выпуклый лобъ, орлиный носъ, и широкія, чувственныя губы.

Товарищъ Кеннеди, Юлій Бургеръ, былъ человѣкомъ иного, совершенно иного, склада. Это былъ полунѣмецъ, полуитальянецъ по происхожденію. Его смуглое лицо освѣщалось голубыми женскими глазами. Квадратный массивный лобъ былъ обрамленъ рыжеватыми кудрями. Сильныя, крѣпкія челюсти были гладко выбриты. Кеннеди частенько говаривалъ, что Бургеръ похожъ на тѣ античные бюсты, которые выглядывали изъ угловъ кабинета.

По годамъ и репутаціи Бургеръ былъ равенъ Кеннеди, но жизнь ему давалась труднѣе, и работать приходилось больше. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ прибылъ онъ въ Боннъ бѣднымъ студентомъ. Всѣ его средства составляла маленькая денежная сумма, выданная ему боннскимъ университетомъ за его научныя изысканія. Бургеръ карабкался по лѣстницѣ славы съ великимъ трудомъ, медленно, но упорно, теперь онъ былъ уже членомъ берлинской академіи. Еще немного—и Бургеръ имѣлъ полное право разсчитывать на кафедру въ одномъ изъ старѣйшихъ германскихъ университетовъ.

Посвятивъ всю жизнь наукѣ, Бургеръ отставалъ во всемъ остальномъ отъ богатаго и блестящаго англичанина. Ему некогда было заняться собой; онъ не умѣлъ держаться въ свѣтѣ и былъ рѣзокъ и угловатъ. Лицо его свѣтлѣло, глаза его разгорались только въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходила о наукѣ. Во всякое другое время онъ былъ молчаливъ и застѣнчивъ, онъ сознавалъ, что чуждъ свѣтской жизни и терпѣть не могъ такъ называемаго мелкаго разговора, которымъ пробавляются люди, не умѣющіе думать.

Но съ своимъ соперникомъ-англичаниномъ Бургеръ почему-то сжился. Знакомство ихъ длилось нѣсколько лѣтъ и постепенно переходило въ дружбу. Сблизило ихъ, конечно, прежде всего единство профессій. Они умѣли цѣнить другъ друга. Кромѣ того, Кеннеди нравилась простота и откровенность въ характерѣ Бургера. Что касается послѣдняго, то онъ преклонялся передъ блестящимъ остроуміемъ англичанина, который одно

время игралъ видную роль въ римскомъ обществѣ. Я сказалъ, что Кеннеди блисталъ одно время. Да, въ моментъ, описываемый мною, англійскій археологъ пересталъ бывать въ обществѣ,—и тамъ на него косились.

Причиной этого послужила любовная исторія, въ которой Кеннеди обнаружилъ неровность и даже жестокость характера. Свѣтскіе люди были шокированы. Иначе, однако, смотрѣли на исторію литераторы и артисты, среди которыхъ Кеннеди вращался. Въ этомъ кругѣ господствовали совершенно особенныя, нѣсколько своеобразныя понятія о чести.

Кеннеди увезъ одну особу, а затѣмъ вернулся одинъ. Такова была эта исторія, слушая которую одни качали головами, а другіе пожимали плечами. Но Кеннеди не столько осуждали, сколько интересовались имъ, и нѣкоторые даже завидывали ему.

Англичанинъ пристально поглядѣлъ прямо въ лицо своему пріятелю и снова произнесъ:

— Слушайте, Бургеръ, я хочу, чтобы вы мнѣ довѣряли болѣе, чѣмъ теперь.

И, произнеся эти слова, онъ повелъ рукой, указывая на коврикъ. На коврикѣ стояла длинная, глубокая плетеная корзина. Такія корзины употребляются въ Кампаньѣ для переноски фруктовъ. Теперь же корзина стояла наполненной всевозможными рѣдкостями. Въ ней лежали глиняныя дощечки съ надписями по-латыни, половинная мозаика, разорванныя папиросы, заржавѣвшія металлическія орудія. Профану всѣ эти предметы казались простымъ мусоромъ, но опытный глазъ спеціалиста сразу различалъ, что передъ нимъ находятся археологическія драгоцѣнности.

Корзину сюда принесъ нѣмецъ. Англичанинъ глядѣлъ на нее съ алчностью.

— Слушайте, Бургеръ, я отнюдь не собираюсь овладѣть вашими золотыми розсыпями, но мнѣ бы очень хотѣлось знать, гдѣ вы добываете всѣ эти сокровища?

Бургеръ медленно закуривалъ сигару.

— Я убѣжденъ, продолжалъ Кеннеди,—что вы сдѣлали какое-то открытіе первостепенной важности. Взять хотя бы эти инскрипціи. Онѣ произведутъ сенсацію во всей Европѣ.

— Это только тысячная доля того, что имѣется тамъ,—отвѣчалъ нѣмецъ,—тамъ много всякаго добра; для того, чтобы разобраться въ этихъ сокровищахъ, нужно, по крайней мѣрѣ,

дюжину ученыхъ, и эти ученые будутъ изслѣдовать эти сокровища до конца своихъ дней.

Кеннеди задумался. Онъ сидѣлъ, наморщивъ свой красивый лобъ и разсѣянно поглаживая усы.

— Вы выдали себя, Бургеръ,—сказалъ онъ, наконецъ,—изъ вашихъ словъ видно, что вы открыли новую катакомбу.

— А я думалъ, что вы догадались объ этомъ гораздо ранѣе, именно, когда увидали эту корзину.

— Да, пожалуй, но у меня оставались сомнѣнія, которыя теперь, послѣ вашихъ послѣднихъ словъ окончательно разсѣялись. Сокровища, подобныя тѣмъ, о которыхъ вы разсказываете, могутъ быть найдены только въ катакомбѣ.

— Совершенно вѣрно. Я поэтому и дѣлаю изъ этого тайну. Да, я открылъ новую катакомбу.

— Гдѣ?

— А, вотъ въ этомъ-то и заключается тайна, милый Кеннеди; я могу только сказать вамъ, что найти ее очень мудрено. Катакомба, открытая мною, принадлежитъ къ другой эпохѣ, нежели уже извѣстныя археологамъ катакомбы. Насколько я понимаю, въ этой катакомбѣ хоронили только выдающихся христіанъ,—вотъ почему рѣдкости, которыя тамъ можно найти, такъ своеобразны и необыкновенны. Если бы вы были не вы, я бы сообщилъ вамъ мой секретъ, но я боюсь васъ, какъ соперника. Ваши познанія и энергія громадны. Съ какой стати мнѣ отказываться отъ своихъ преимуществъ? Я хочу самъ составить рефератъ о новой катакомбѣ.

Кеннеди фанатически любилъ свою науку. Любовь къ археологіи превратилась у него въ манію. Онъ былъ вѣренъ наукѣ, несмотря на свои свѣтскіе вкусы и любовь къ развлеченіямъ. Правда, у Кеннеди было и честолюбіе, но оно играло второстепенную роль. Въ основѣ же лежала отвлеченная любовь къ наукѣ; онъ живо интересовался прошлымъ стараго Вѣчнаго города.

И вотъ ему страстно захотѣлось взглянуть на подземелье, которое посчастливилось открыть его товарищу.

— Слушайте, Бургеръ, вы можете мнѣ вполнѣ довѣриться, я даю вамъ честное слово, что вы можете мнѣ довѣриться,—заговорилъ онъ серьезно и убѣдительно—безъ вашего позволенія я не дотронусь перомъ до бумаги, и не скажу никому ничего о томъ, что видѣлъ въ вашей катакомбѣ. Я вполнѣ васъ понимаю, Бургеръ, вы хотите пожать плоды вашего открытія,

это вполнѣ естественно и справедливо. Ради Бога, не бойтесь меня. Что вамъ за охота скрытничать? Если вы не покажете мнѣ катакомбу, я стану ее разыскивать и, конечно, найду. А если я найду ее самъ, тогда, ужъ, я не стану стѣсняться.

Бургеръ задумчиво улыбнулся.

— Но, другъ Кеннеди, я давно замѣтилъ, что вы сами-то не откровенны съ пріятелями, а отъ нихъ требуете откровенности.

— Вотъ ужъ неправда-то! Я всегда разсказывалъ вамъ обо всемъ, что вы у меня спрашивали. Неужели вы не понимаете? Развѣ я не далъ вамъ матеріала, когда вы писали статью о храмѣ весталокъ?

— Ну, это было неважное дѣло, а вотъ если бы я спросилъ у васъ о чемъ-нибудь болѣе интимномъ, вы бы мнѣ, пожалуй, и не отвѣтили. А эта новая катакомба близка моему сердцу. Если вы хотите, чтобы я былъ съ вами откровененъ, вы должны заплатить мнѣ тѣмъ же.

— Куда это вы мѣтите, Бургеръ? Я рѣшительно не понимаю васъ!—воскликнулъ англичанинъ,—если вы хотите сказать, что я вамъ долженъ разсказать что-нибудь въ уплату за катакомбу, то я на это согласенъ. О чемъ бы вы меня ни спросили, я отвѣчу вамъ съ полной откровенностью.

— Прекрасно!—произнесъ Бургеръ, потягиваясь въ креслѣ и пуская густые клубы табачнаго дыма,—разскажите мнѣ о вашей исторіи съ миссъ Мэри Саундерсонъ!

Кеннеди вскочилъ съ кресла и гнѣвно воззрился на товарища. Тотъ оставался невозмутимымъ.

— Чего вы хотите, чортъ васъ возьми? Что за дурацкіе вопросы?—закричалъ онъ,—если вы хотѣли пошутить, то я вамъ долженъ сказать, что это глупая шутка.

— О, я совсѣмъ не шучу,—спокойно отвѣтилъ Бургеръ,—меня просто интересуютъ подробности этой исторіи. Я не знаю свѣта, я не знаю женщинъ, и ихъ нравы и привычки меня страшно интересуютъ. Васъ я знаю, ее я видѣлъ нѣсколько разъ. Одинъ или два раза мнѣ даже довелось съ нею поговорить. Мнѣ ужасно бы хотѣлось услышать именно отъ васъ, что такое между вами произошло?

— Я вамъ этого не скажу.

— И прекрасно. Вотъ видите: вы требовали, чтобы я вамъ открылъ тайну новой катакомбы, а на свои тайны вы скупы. Я это заранѣе предвидѣлъ. Ну, вотъ теперь вы и скажите мнѣ,

Кеннеди, почему, по вашему мнѣнію, я долженъ вамъ повѣрить всѣ свои тайны... Ого... Часы св. Іоанна пробили десять. Пора мнѣ домой.

— Посидите еще немножко, Бургеръ,—произнесъ Кеннеди, положивъ руку на его плечо.—Я не понимаю, что это за странная идея пришла вамъ въ голову. Ну, чего интереснаго въ старой любовной исторіи, которая покончена нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ? Неужели вы не понимаете, почему я не хочу вамъ про это разсказывать? У насъ считаютъ подлецомъ и негодяемъ человѣка, который разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ съ порядочными женщинами.

— Ну, это правило приложимо только къ тѣмъ случаямъ, когда репутація женщины вполнѣ чиста. Про миссъ Саундерсонъ этого сказать нельзя. Весь Римъ зналъ о вашихъ отношеніяхъ, чего же тутъ стѣсняться-то?.. Впрочемъ, мнѣ нравится, что вы поступаете именно такъ,—спокойной ночи!

И нѣмецъ, подхвативъ корзину, собрался уходить.

— Погодите минуточку, Бургеръ! — воскликнулъ Кеннеди,—видите ли, мнѣ ужасно хочется поглядѣть на открытую вами катакомбу, я васъ такъ отпустить не могу. Слушайте, возьмите съ меня какую-нибудь другую плату. Ужъ очень вы эксцентричны, Бургеръ!

— О, нѣтъ, нѣтъ! Вы мнѣ отказали, и конецъ всему дѣлу,—произнесъ Бургеръ;—вы были правы, Кеннеди, но и я правъ. До свиданья.

Бургеръ приблизился къ двери и взялся за ручку. Кеннеди безнадежно махнулъ рукой и сказалъ:

— Стойте, Бургеръ, вы предъявляете ко мнѣ смѣшныя требованія, но что же дѣлать, я долженъ подчиниться. Терпѣть я этого не могу—разсказывать о женщинахъ, но, кажется, въ данномъ случаѣ я не причиню никому вреда, разсказавъ вамъ то, что васъ такъ интересуетъ. Вы правы, въ Римѣ всѣ знаютъ то, о чемъ я вамъ разскажу. Ну-съ, что же васъ интересуетъ?

Нѣмецъ снова приблизился къ камину и, поставивъ корзину съ рѣдкостями на полъ, усѣлся въ кресло.

— Я выкурю еще сигару,—сказалъ онъ,—знаете, я терпѣть не могу курить, когда работаю, но во время отдыха очень люблю курить сигары... Ну-съ, а теперь перейдемъ къ этой молодой особѣ... У васъ была съ ней исторія? Скажите мнѣ пожалуйста, что съ ней сталось?

— Она на родинѣ, уѣхала къ семьѣ.

— А! Въ Англію?

— Да.

— Гдѣ же именно? Въ Лондонѣ?

— Нѣтъ, въ Твикенгамѣ.

— Простите меня за мое любопытство, дорогой Кеннеди, но, вѣдь, вы меня знаете,—я человѣкъ совсѣмъ незнакомый со свѣтомъ. Мнѣ кажется, что у васъ въ свѣтѣ считается пустяками уговорить молодую дѣвицу бѣжать, прожить съ нею недѣли три-четыре, а затѣмъ отправить ее къ родителямъ... Куда она отправилась-то, вы сказали, въ Твикенгамъ?

— Да, въ Твикенгамъ.

— Совершенно вѣрно, въ Твикенгамъ. Я у васъ хочу просить маленькаго объясненія. Вы знаете, я совершенно васъ не понимаю въ данномъ случаѣ. По моему мнѣнію, нельзя допустить, чтобы вы любили эту дѣвушку. Вѣдь, если бы вы любили ее, вы не бросили бы ее черезъ три недѣли. Значитъ, вы ее не любили. Но если не было любви, то зачѣмъ же было производить этотъ скандалъ? Вѣдь вы разбили ей всю жизнь...

Кеннеди скучающимъ взоромъ глядѣлъ на догоравшіе угли въ каминѣ.

— Вы глядите на жизнь черезчуръ логично, Бургеръ,—произнесъ онъ,—любовь очень широкое понятіе. Есть разныя степени любви. Что касается миссъ Саундерсонъ, она... мнѣ нравилась. Вы говорите, что видѣли ее. Она по временамъ бывала очаровательна... Но любовь?.. Иногда я думаю о нашихъ съ нею отношеніяхъ и мнѣ кажется, что я ее никогда не любилъ.

— Такъ зачѣмъ же вы такъ поступили, милый Кеннеди?

— Видите ли, я люблю приключенія.

— Какъ? Какъ вы сказали? Ахъ, я понялъ: вы любитель приключеній.

— Конечно. Однообразіе убиваетъ душу, человѣку необходимы приключенія. Для этого-то я и сталъ ухаживать за миссъ Саундерсонъ. Я, мой другъ, страстный охотникъ за всякаго рода дичью, а лучшая дичь—это хорошенькая женщина. Ухаживанье за миссъ Саундерсонъ было тѣмъ пріятнѣе, что здѣсь имѣлись довольно пикантныя препятствія. Вѣдь вы знаете что она была компаньонкой лэди Эмиліи Рудъ. Увидаться съ нею наединѣ было почти невозможно. Но что меня всего болѣе утвердило въ моихъ видахъ на нее, это ея собственное признаніе. Дѣвушка мнѣ какъ-то сказала, что она помолвлена.

— Mein Gott! Съ кѣмъ же она была помолвлена?

— Она не назвала имени жениха.

— Ну, это едва ли кому-либо извѣстно!.. И узнавъ это, вы еще болѣе утвердились въ своемъ намѣреніи погубить дѣвушку?

— Да, мнѣ это показалось пикантнымъ. А вы развѣ иначе думаете?

— Я же вамъ сказалъ, что ничего не понимаю въ дѣлахъ этого рода.

— Но, дорогой мой, это такъ легко понять. Свое яблоко не такъ вкусно, какъ яблоко, украденное у сосѣда. А кромѣ того я замѣтилъ, что ей нравлюсь.

— Вы побѣдили ея сердце сразу?

— О, нѣтъ, правильная осада длилась три мѣсяца, прежде чѣмъ крѣпость сдалась. Я не рисковалъ ровно ничѣмъ. Миссъ Саундерсонъ знала, что я женатъ и что стало быть она не можетъ разсчитывать на бракъ. И вотъ мы уѣхали вмѣстѣ. О, это были чудныя три недѣли!

— Но куда же дѣлся женихъ дѣвушки? И вамъ его не жалко?

Кеннеди пожалъ плечами.

— Что дѣлать! Сильнѣйшій побѣдилъ, и это такъ и должно быть. Если бы этотъ человѣкъ былъ лучше меня, Мэри не оставила бы его ради меня. Однако, бросимъ этотъ разговоръ, онъ мнѣ непріятенъ.

— Еще одинъ вопросъ. Меня интересуетъ, какъ это вы отъ нея отдѣлались?

— О, у насъ произошло взаимное охлажденіе. Она ни за что не хотѣла возвращаться въ Римъ, ей было стыдно знакомыхъ, а я напротивъ, стремился въ Римъ. Мнѣ хотѣлось возобновить свои археологическія работы. Это былъ хорошій предлогъ разрыва, не правда ли? Кромѣ того, произошла еще одна исторія. Мы жили въ Лондонѣ, въ одномъ отелѣ. И вотъ въ одинъ прекрасный день къ намъ явился ея отецъ, старикъ... Мнѣ пришлось выдержать сцену, очень непріятную сцену... Первое время я скучалъ, мнѣ недоставало Мэри, а потомъ... потомъ... Ха, ха, ха, я радовался и благодарилъ небо за то, что благополучно раздѣлался. Вотъ и все, Бургеръ, надѣюсь, вы никому не будете разсказывать объ этой исторіи.

— Помилуй меня отъ этого Богъ, дорогой Кеннеди, и не подумаю разсказывать. Вашъ разсказъ меня страшно заинтересовалъ, Кеннеди; мнѣ кажется, что я понялъ васъ, вашу мане-

ру глядѣть на вещи. У меня совсѣмъ другая манера, но это и понятно. Я такъ мало знаю свѣтъ. Теперь мы перейдемъ къ вопросу о новой катакомбѣ. Вамъ хочется на нее взглянуть. Я не могу вамъ объяснить, гдѣ она находится. Вы все равно ее не найдете. Лучше будетъ, если я васъ сведу туда самъ. Неправда ли?

— О, это будетъ великолѣпно!

— Когда же мы пойдемъ туда?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я сгораю отъ нетерпѣнія.

— Зачѣмъ же дѣло стало? Сегодня, правда, немного холодно, но зато какая чудная ночь! Я вамъ предлагаю подождать часокъ, а потомъ отправиться туда. Мы должны быть осторожны, Кеннеди, никто кромѣ насъ не долженъ знать этой тайны. Увидя насъ вмѣстѣ, могутъ догадаться, пронюхать въ чемъ дѣло.

— Да, да,—проговорилъ Кеннеди,—мы должны соблюдать всяческую осторожность. А далеко отъ города эта катакомба?

— Нѣсколько миль.

— Пѣшкомъ можно добраться?

— Совершенно свободно. Мы и пойдемъ пѣшкомъ.

— Это правильно. Извозчикъ можетъ пустить сплетню.

— Вы правы. Самое лучшее будетъ, если мы встрѣтимся въ полночь у воротъ, на Аппіевой дорогѣ. Я тѣмъ временемъ схожу на квартиру. Надо захватить спички и еще кое-что.

— Очень хорошо, Бургеръ, я очень, очень благодаренъ вамъ за то, что вы посвящаете меня въ вашу тайну. Я даю вамъ слово, что не употреблю во зло вашего довѣрія и что не напишу ни строчки о новой катакомбѣ прежде, чѣмъ вы не напишете вашего реферата... Пока до свиданья, въ двѣнадцать часовъ я буду ждать васъ въ условленномъ мѣстѣ.

Холодная, ясная полночь царила надъ Римомъ въ то время, когда Бургеръ, закутанный въ итальянскій плащъ и съ фонаремъ въ рукахъ, подходилъ къ Аппіевымъ воротамъ. Изъ темноты выступила человѣческая фигура. Это былъ Кеннеди.

— Вы аккуратны въ дѣловыхъ свиданіяхъ такъ же, какъ въ любви,—подшутилъ Бургеръ.

— Я васъ уже съ полчаса жду.

— Надѣюсь, что вы дома никому не сказали, куда идете?

— Нашли дурака. Конечно, никто даже не знаетъ, что я ушелъ. Однако! чортъ возьми, я замерзъ, дожидаясь васъ, пойдемте-ка поскорѣе, надо согрѣться.

Шаги ихъ гулко отдавались на камняхъ Аппіевой дороги, изрѣдка попадались встрѣчные; вышли двое крестьянъ изъ винной лавки, проѣхало нѣсколько возовъ съ овощами на городской рынокъ, а затѣмъ все смолкло. Долго шли Бургеръ и Кеннеди и, наконецъ, показалась катакомба св. Калликста.

Въ мѣсячномъ свѣтѣ былъ ясно виденъ большой и круглый бастіонъ Цецилія Метелла. Бургеръ остановился и перевелъ духъ.

— У васъ ноги длиннѣе, чѣмъ у меня, и ходите вы здорово,—сказалъ онъ, посмѣиваясь,—погодите немножко, намъ, кажется, нужно сворачивать. Да, да, какъ разъ тутъ! Вотъ и трактирчикъ. Намъ надо идти за уголъ. Здѣсь тропинка будетъ узкая, вы идите за мною, я буду показывать дорогу.

Нѣмецъ зажегъ фонарь и они двинулись далѣе по извилистой тропинкѣ, пролегавшей черезъ знаменитыя кампанскія болота. Въ центрѣ освѣщеннаго лунными лучами пейзажа виднѣлся античный водопроводъ, похожій на гигантскую гусеницу. Миновавъ водопроводъ, Бургеръ остановился около стараго коровника и вынулъ изъ кармана ключъ.

— Надѣюсь, что ваша катакомба не въ этомъ коровникѣ?—воскликнулъ Кеннеди.

— Именно здѣсь. Моя катакомба у меня подъ замкомъ, и вотъ почему она недоступна никому кромѣ меня.

— А владѣлецъ коровника знаетъ о существованіи катакомбы?

— Нѣтъ. Онъ нашелъ у себя на дворѣ одинъ-два античныхъ предмета и принесъ ихъ мнѣ. Я сразу же догадался, въ чемъ дѣло, снялъ у него коровникъ и началъ дѣлать раскопки. Входите Кеннеди, и затворите за собою дверь.

Коровникъ представлялъ собой длинное, совершенно пустое зданіе. Вдоль стѣны тянулись стойла. Бургеръ поставилъ фонарь на полъ и закуталъ его съ трехъ сторонъ своимъ пальто.

— Увидятъ свѣтъ черезъ дверныя щели и заподозрятъ что-нибудь,—произнесъ онъ,—помогите-ка мнѣ, Кеннеди, надо поднять эти доски.

Доски въ углу коровника вынимались довольно свободно. Ученые стали поднимать ихъ одну за другой и приставляли ихъ къ стѣнѣ. Подъ поломъ оказалось квадратное отверстіе и старинная каменная лѣстница, ведущая въ нѣдра земли.

Кеннеди сталъ поспѣшно спускаться внизъ.

— Будьте осторожны!—закричалъ Бургеръ—это своего рода мышеловка! Если вы тамъ заблудитесь, то можно поставить сто противъ одного, что не вернетесь назадъ. Подождите, пока я не зажгу свѣчку.

— Но какъ же вы сами-то управляетесь въ такомъ случаѣ?—спросилъ Кеннеди.

— А что же? Въ началѣ я нѣсколько разъ погибалъ въ этомъ лабиринтѣ. Я понемножку изучалъ эту катакомбу и теперь кое-какъ могу въ ней оріентироваться. Въ ней есть извѣстная система, но хотя бы вы и знали эту систему, въ темнотѣ вы все равно погибнете. Даже теперь я не хожу внутрь катакомбы безъ клубка нитокъ въ рукѣ. Эти нитки я стелю по коридорамъ которые прохожу. Вы сами скоро убѣдитесь, какъ трудно изучить эту катакомбу. На протяженіи какихъ-нибудь ста ярдовъ мы встрѣтимъ по крайней мѣрѣ дюжину поворотовъ.

Говоря такъ, Бургеръ началъ спускаться внизъ. Теперь они уже были на двадцать футовъ отъ поверхности земли и стояли на квадратной площадкѣ; дрожащій свѣтъ фонаря освѣщалъ темныя, растрескавшіяся мѣстами стѣны катакомбы. Повсюду виднѣлись черныя отверстія коридоровъ.

— Идите за мною по пятамъ, дружище,—произнесъ Бургеръ,—не задерживайтесь нигдѣ, я васъ веду въ такое мѣсто, въ которомъ сосредоточено все лучшее, что можно найти въ этой катакомбѣ. Пойдемте же туда безъ промедленія, намъ нельзя терять время.

И Бургеръ двинулся внизъ по одному изъ коридоровъ. Кеннеди шелъ прямо за нимъ. Коридоръ временами развѣтвлялся, но нѣмецъ, видимо, хорошо изучилъ катакомбу: онъ не сбивался съ пути и твердыми шагами шелъ впередъ. Вдоль стѣнъ покоились тѣла древнихъ христіанъ. Желтый свѣтъ фонаря игралъ на сморщенныхъ лицахъ высохшихъ тѣлъ. Тяжелое впечатлѣніе производили эти голые черепа и кости рукъ, скрещенныя на высохшихъ грудяхъ.

Кеннеди жадно глядѣлъ на надписи, надгробные сосуды, изображенія, одежды и другіе предметы. Все здѣсь сохранилось въ томъ видѣ, въ какомъ было положено много столѣтій тому назадъ благочестивыми людьми прежнихъ дней. Кеннеди былъ убѣжденъ теперь, послѣ этого поверхностнаго осмотра, что катакомба, открытая Бургеромъ, представляетъ собой не-

оцѣнимое археологическое сокровище. Ни одинъ изслѣдователь древности не имѣлъ еще подъ руками такихъ богатствъ.

— А что мы будемъ дѣлать, если догоритъ свѣча?—спросилъ онъ быстро шедшаго впереди товарища.

— У меня есть въ карманѣ еще одна свѣчка про запасъ; да еще коробка спичекъ; кстати, Кеннеди, у васъ есть спички?

— Нѣтъ, я позабылъ взять, одолжите мнѣ нѣсколько спичекъ на всякій случай.

— Ну, это не нужно, мы все равно будемъ все время вмѣстѣ.

— А какъ вы думаете, сколько мы прошли? Мнѣ кажется, что мы промаршировали по меньшей мѣрѣ четверть мили.

— Пожалуй, побольше. Этимъ могиламъ, кажется, и конца нѣтъ. По крайней мѣрѣ, я этого конца до сихъ поръ не видалъ. Однако, это ужасно трудное мѣсто и мнѣ кажется, что придется опять пустить въ дѣло мой клубокъ.

Привязавъ бичевку къ камню, выдавшемуся изъ стѣны, Бургеръ опять двинулся впередъ. Путь сдѣлался труднѣе. Коридоры становились узкими и извилистыми, и Кеннеди подумалъ, что мѣра предосторожности, принятая Бургеромъ, совсѣмъ нелишняя.

Пройдя эту замысловатую сѣть коридоровъ, пріятели очутились въ помѣщеніи, похожемъ на большую круглую залу, въ одномъ концѣ которой былъ насыпанъ четырехугольный пьедесталъ изъ черной земли, покрытый сверху мраморной доской. Кеннеди стоялъ въ алтарѣ.

— Ей-Богу,—воскликнулъ онъ,—это древній христіанскій алтарь. Можетъ быть, это даже первый алтарь. Глядите-ка, вотъ здѣсь вырѣзанъ небольшой крестъ. Несомнѣнно, это церковь первыхъ христіанъ.

— Совершенно вѣрно,—отвѣтилъ Бургеръ,—если бы у меня было время, я показалъ бы вамъ тѣла похороненныхъ въ нишахъ этихъ стѣнъ. Здѣсь лежатъ первые священники и епископы въ полномъ облаченіи. Поглядите-ка вотъ на это!

Кеннеди подошелъ къ стѣнѣ и взглянулъ на одного изъ покойниковъ. Зрѣлище было потрясающее.

— Это очень интересно!—произнесъ онъ, и голосъ его гулко раздался въ сводахъ катакомбы.—По моему мнѣнію, это единственная въ мірѣ катакомба. Поднимите повыше фонарь, Бургеръ, я хочу поглядѣть и на другія гробницы.

Но нѣмецъ, вмѣсто того, чтобы приблизиться къ Кеннеди,

пошелъ прочь, къ противоположной сторонѣ залы. Онъ стоялъ въ желтомъ кружкѣ свѣта.

— А знаете, Кеннеди, какая масса коридоровъ находится между этимъ подземнымъ храмомъ и выходомъ?—спросилъ онъ.—Этихъ коридоровъ болѣе двухъ тысячъ. Этотъ лабиринтъ былъ придуманъ христіанами для того, чтобы спастись отъ преслѣдовавшихъ ихъ язычниковъ. Посадите въ эту залу незнающаго катакомбы человѣка и дайте ему свѣчу и нитки. Можно поставить двѣ тысячи противъ одного, что онъ отсюда не выберется. Ну, а если человѣка оставить здѣсь во мракѣ, его можно считать почти навѣрное погибшимъ.

— Вы совершенно правы.

— Мракъ катакомбъ, это нѣчто ужасное, — продолжалъ Бургеръ,—я, однако, производилъ этотъ опытъ... Давайте-ка, повторимъ его.

Нѣмецъ наклонился къ фонарю.

Точно чья то невидимая рука зажала глаза Кеннеди. До сихъ поръ онъ не имѣлъ и представленія о томъ, что такая ужасная тьма возможна. Ему казалось, что его прямо душатъ, страшно было сдѣлать шагъ, казалось, что вотъ-вотъ натолкнешься на стѣну, которая тебя раздавитъ.

— Довольно, Бургеръ, зажгите фонарь, — произнесъ Кеннеди.

Бургеръ началъ хохотать. Смѣхъ его, разбиваясь о сводчатые потолки круглой залы, разбивался на тысячи звуковъ и, казалось, окружалъ со всѣхъ сторонъ англичанина.

— Какъ видно, вамъ не по себѣ; другъ Кеннеди!—послышались слова.

— Довольно дурачиться, зажгите фонарь! — крикнулъ Кеннеди.

— Ужасно странно, Кеннеди, я не могу опредѣлить по звуку вашего голоса того мѣста, на которомъ вы стоите, и вы, навѣрное, тоже не знаете, гдѣ я нахожусь.

— Не знаю, мнѣ кажется, что вы говорите со мной черезъ всѣ углы этой залы.

— Вѣрно; если бы не бичевка въ моихъ рукахъ, я не зналъ бы, куда мнѣ итти.

— Полагаю, вы правы, однако зажигайте фонарь. Мнѣ надоѣла эта шутка.

— Погодите, Кеннеди, мнѣ теперь извѣстно, что вы—большой охотникъ до двухъ вещей. Во-первыхъ, вы любите при-

ключенія, а во вторыхъ вамъ нравится преодолѣвать препятствія. Я придумалъ для васъ прекрасное приключеніе—найдите-ка сами, безъ моей помощи, выходъ изъ этой катакомбы. Въ препятствіяхъ у васъ недостатка не будетъ; вы будете бродить въ ночномъ мракѣ, путаясь въ двухъ тысячахъ коридорахъ. Передъ вами трудная задача, другъ Кеннеди, но вы не торопитесь. Въ вашемъ распоряженіи—масса времени. По временамъ вы можете отдыхать, и въ эти минуты я вамъ предлагаю размышлять о вашей исторіи съ миссъ Мэри Саундерсонъ. Можетъ-быть, хорошенько надумавшись, вы и поймете, что поступили съ нею не совсѣмъ честно.

— Что вы хотите сказать, чортъ васъ возьми!—закричалъ Кеннеди и бросился впередъ, ловя руками охватывавшій его со всѣхъ сторонъ мракъ.

— До свиданья!—донесся до него уже изъ далека насмѣшливый голосъ,—право, Кеннеди, мнѣ кажется, что вы, даже съ вашей точки зрѣнія, поступили съ этой дѣвушкой нечестно. Вы не знаете, впрочемъ, одного маленькаго обстоятельства, но я вамъ скажу сейчасъ, въ чемъ дѣло. Миссъ Саундерсонъ была помолвлена, ея женихомъ былъ бѣдный, неуклюжій студентъ и звали этого студента Юлій Бургеръ.

Слова смолкли, послышался шорохъ и слабые звуки удаляющихся шаговъ,—и въ древней христіанской церкви водворилось глубокое молчаніе.

Это молчаніе было тяжело, неумолимо, оно сомкнулось надъ Кеннеди, какъ волны смыкаются надъ утонувшимъ пловцомъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ описанныхъ событій во всѣхъ европейскихъ газетахъ появилось слѣдующее извѣстіе:

«Открытіе новой катакомбы въ Римѣ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ научныхъ открытій нашего времени. Катакомба эта находится недалеко, къ востоку, отъ знаменитыхъ сводовъ св. Калликста. Открытіемъ этой катакомбы, проливающей обильный свѣтъ на исторію христіанства древнѣйшей эпохи, мы обязаны энергіи и таланту молодого германскаго археолога Юлія Бургера, который уже теперь считается первымъ знатокомъ по исторіи древняго Рима. Впрочемъ, въ открытіи катакомбы Ю. Бургеръ опереженъ менѣе счастливымъ соперникомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ исчезъ безслѣдно и неизвѣстно куда молодой англійскій ученый Кеннеди, жившій въ Римѣ, на площади Корсо. Исчезно-

веніе это приводило въ связь съ скандальной исторіей, въ которой онъ былъ замѣшанъ, но теперь выяснилось, что талантливый англичанинъ палъ жертвой своей пламенной любви къ археологіи. Тѣло этого подававшаго столь большія надежды ученаго, было найдено въ одномъ изъ центральныхъ коридоровъ новой катакомбы. Обувь оказалась прорванной, ноги—избитыми и израненными; видно, что несчастный въ теченіи нѣсколькихъ дней бродилъ по темнымъ коридорамъ катакомбы, стараясь найти выходъ изъ ужаснаго лабиринта. Странно, что покойный спустился въ катакомбу, не имѣя при себѣ ни свѣчей, ни спичекъ. Неосторожность по истинѣ прискорбная—и въ смерти талантливаго археолога не приходится винить никого, кромѣ его самого. Г. Юлій Бургеръ былъ близкимъ другомъ покойнаго и смерть г. Кеннеди, разумѣется, омрачитъ тотъ ореолъ заслуженной славы, которымъ онъ окруженъ. Мы слышали изъ вѣрныхъ источниковъ, что Ю. Бургеръ былъ страшно потрясенъ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ его друга.

Тѣнь войны.

Перев. **Н. Д. Облеухова.**

Джонъ Ворлингтонъ Доддсъ игралъ неудачно на биржѣ и къ 15-му іюля 1870 года разорился окончательно. Бѣда длилась однако очень недолго, всего какихъ-нибудь два дня, и къ 17-му іюля Доддсъ былъ снова очень богатымъ человѣкомъ.

Всего замѣчательнѣе было то, что Доддсъ разбогатѣлъ, сидя въ Донсло. Это—нищій ирландскій городокъ. Весь этотъ городокъ можно купить за четвертую часть той суммы, которую заработалъ въ немъ Доддсъ въ теченіе однѣхъ сутокъ.

Жизнь финансистовъ до сихъ поръ не описана какъ слѣдуетъ, эта тема принадлежитъ романисту будущаго. О, эта жизненная, грандіозная тема! Двѣ необятно могучія силы находятся между собой въ постоянномъ бореніи. Одна сила—это повышеніе, другая—пониженіе. На этой почвѣ горятъ человѣческія страсти, работаетъ человѣческій умъ. Смѣлыя операціи, полное тревоги ожиданіе, агонія проигрыша, глубокія комбинаціи, терпящія крушеніе—какъ все это интересно, какъ все это захватываетъ!

Государственные долги великихъ державъ Европы похожи

на барометрическія трубки, наполненныя ртутью. Ртуть то падаетъ, то поднимается, глядя по тому, какое давленіе на нее оказываетъ міровая политика. Пусть человѣкъ будетъ только проницателенъ, пусть онъ только сумѣетъ угадать, въ какомъ положеніи будутъ находиться эти политиканскіе барометры завтра—этому человѣку нечего бояться. Въ его рукахъ—громадное состояніе.

Джонъ Ворлингтонъ Доддсъ обладалъ многими качествами, которыя такъ нужны для биржевика, желающаго преуспѣвать. Онъ быстро соображалъ, вѣрно оцѣнивалъ положеніе и дѣйствовалъ смѣло, не мѣшкая. Но однѣхъ способностей для преуспѣянія на биржѣ мало. Надо, чтобы вамъ везло, чтобы случай вамъ благопріятствовалъ.

Фортуна точно не взлюбила Ворлингтона Доддса: повидимому при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ онъ пріобрѣлъ фонды еще не открытой путешественниками южно-американской республики. Но республику такъ-таки и не нашли, и Доддсъ потерялъ свои деньги. Желая оправиться, онъ купилъ акціи Шотландской желѣзной дороги, но и тутъ его преслѣдовалъ рокъ. Рабочіе дороги устроили грандіозную стачку, акціи предпріятія упали, и Доддсъ опять потерялъ. Не теряя присутствія духа, онъ подписался на фонды одного очень солиднаго предпріятія по торговлѣ кофе. Все сулило ему барыши, но наступили непредвидѣнныя никѣмъ политическія осложненія. Кофейное предпріятіе лопнуло, и вмѣстѣ съ нимъ погибъ и капиталъ Доддса.

Всѣ дѣла, за которыя онъ брался, въ которыхъ онъ принималъ участіе, проваливались и, наконецъ, онъ разорился.

Какъ хотите, а непріятно оказаться въ положеніи банкрота умному и энергичному молодому человѣку, да еще наканунѣ своей свадьбы.

Да, Доддсъ былъ банкротомъ. Кредиторы могли, въ случаѣ, если-бы пожелали этого, объявить его несостоятельнымъ. Но биржа снисходительное учрежденіе. Нельзя тѣснить человѣка, попавшаго въ скверное положеніе. Вѣдь и самъ можешь очутиться въ такомъ же положеніи не далѣе какъ завтра. Надо дать упавшему время подняться на ноги и возможность поправиться.

Тяжесть, которую взвалила на плечи Доддса несправедливая судьба, была облегчена для него, нашлись люди, которые пособили ему—одинъ такъ, другой иначе, и онъ получилъ нужную для него передышку.

Нервная система молодого человѣка была совсѣмъ расшатана, онъ нуждался, по словамъ врачей въ покоѣ и перемѣнѣ мѣста жительства. И вотъ, повинуясь этому предписанію, онъ предпринялъ небольшое путешествіе въ Ирландію.

Такимъ-то образомъ Джонъ Ворлингтонъ Доддсъ очутился 15-го іюля 1870 года въ городѣ Донсло. Было утро. Онъ сидѣлъ и завтракалъ въ засиженной мухами столовой Георгіевской гостинницы, помѣщавшейся на рыночной площади города.

Эта столовая была какая-то унылая и скучная и въ обыкновенное время пустовала. Только сегодня, по особенному совсѣмъ случаю, въ ней оказалось много народа. Было оживленно и шумно, и Доддсу казалось, что онъ находится въ Лондонѣ, а не въ захолустномъ ирландскомъ городкѣ.

Всѣ столики были заняты, воздухъ былъ насыщенъ жирнымъ запахомъ поджаренной ветчины и рыбы. Люди въ высокихъ сапогахъ то входили, то выходили изъ залы, звенѣли шпоры, въ углахъ стояли охотничьи бичи. Все напоминало о лошадяхъ, да и разговоры-то велись только на эту тему, слышались слова: сапъ, мытъ, наколѣнный грибокъ, тугоуздый и тому подобные малопонятные термины. Доддсъ подозвалъ слугу и спросилъ его, что значитъ все это оживленіе. Слуга-ирландецъ даже остолбенѣлъ отъ изумленія, услышавъ такой вопросъ. Неужели же есть на свѣтѣ люди, не знающіе такихъ важныхъ событій, какъ конная ярмарка въ Донсло.

— Это, ваша честь, конная ярмакра въ Донсло,—отвѣтилъ онъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ,—самая большая ярмарка во всей Ирландіи. Длится она цѣлую недѣлю, и на нее съѣзжаются со всѣхъ сторонъ—изъ Англіи, Шотландіи и отовсюду. Да вы взгляните въ окно, ваша честь, и вы увидите лошадокъ. Онѣ стоятъ на площади и по ночамъ ржутъ. Громко онѣ ржутъ, не дадутъ вашей чести и минуты заснуть

И Доддсъ дѣйствительно вспомнилъ, что во всю ночь его сонъ нарушался какими то странными звуками, шедшими снизу, съ площади. Слѣдуя приглашенію слуги, онъ глянулъ въ окно и понялъ причину этого шума. Вся площадь кипѣла лошадьми разныхъ мастей: сѣрыми въ яблокахъ, гнѣдыми, вороными, бурыми, пѣгими, караковыми. Тутъ были молодыя и старыя, красивыя и некрасивыя, породистыя и рабочія лошади. Откуда взялось такое множество лошадей въ такомъ маленькомъ городкѣ?

Онъ задалъ слугѣ вопросъ въ этомъ смыслѣ и тотъ отвѣтилъ:

— Никакъ нѣтъ, ваша честь, эти лошади не всѣ здѣшнія, по Донсло находится въ самой серединѣ округа, около насъ пропасть конскихъ заводовъ,—ну, стало-быть, лошадокъ и ведутъ сюда на продажу.

Въ рукахъ у слуги была телеграмма, и онъ показалъ Доддсу на адресъ.

— Никогда не слыхалъ такой фамиліи, сэръ. Можетъ быть, вы знаете, кому адресована эта телеграмма?

Доддсъ взглянулъ на конвертъ; телеграмма была на имя какого-то Штрелленхауза.

Произнеся вслухъ это имя, Доддсъ отвѣтилъ:

— Не знаю такого. Я не слыхалъ этой фамиліи, это иностранная фамилія. Можетъ быть...

Но въ этотъ моментъ сидѣвшій за сосѣднимъ столомъ маленькій круглолицый и краснощекій господинъ наклонился къ Доддсу и спросилъ:

— Вы, кажется, назвали иностранную фамилію, сэръ?

— Да, Штрелленхаузъ.

— Это я—Штрелленхаусъ, Юлій Штрелленхаузъ изъ Ливерпуля. Я ждалъ эту телеграмму. Благодарю васъ.

Доддсъ вовсе не желалъ подглядывать за Штрелленхаузомъ, но тотъ сидѣлъ такъ близко, что онъ наблюдалъ за нимъ противъ воли. Штрелленхаузъ разорвалъ красный конвертъ и вытащилъ изъ него очень большую бумагу свѣтло-розоваго цвѣта. Телеграмма была очень длинная. Штрелленхаузъ методически разложилъ листокъ передъ собой, причемъ сдѣлалъ это такъ, что телеграмму не могъ видѣть никто, кромѣ него самого, затѣмъ вынулъ записную книжку и началъ дѣлать въ ней какія-то отмѣтки, заглядывая то въ книжку, то въ телеграмму. Отмѣтки онъ дѣлалъ короткія, записывая каждый разъ, очевидно, по одной буквѣ или цифрѣ. Доддсъ былъ заинтересованъ. Онъ понялъ, что дѣлаетъ этотъ человѣкъ. Онъ, внѣ всякаго сомнѣнія, расшифровывалъ депешу.

Доддсу и самому не разъ приходилось это продѣлывать, и онъ съ любопытствомъ наблюдалъ за сосѣдомъ.

Вдругъ маленькій человѣкъ поблѣднѣлъ. Онъ, очевидно, понялъ значеніе депеши, и это его страшно взволновало. Бывали такіе случаи и съ Доддсомъ, и потому онъ пожалѣлъ Штрелленхауза отъ всей души. Иностранецъ всталъ изъ-за стола и, не притрогиваясь къ ѣдѣ, вышелъ изъ залы.

— Полагаю, сэръ, что этотъ господинъ получилъ дурныя вѣсти,—произнесъ таинственнымъ тономъ слуга-ирландецъ.

— Похоже на то,—отвѣтилъ Доддсъ, но въ эту минуту его вниманіе было отвлечено въ другую сторону.

Въ залу вошелъ посыльный, въ его рукахъ была телеграмма.

— Кто здѣсь господинъ Манкюнъ?—спросилъ посыльный у слуги.

— Ну ужъ и имячко!—воскликнулъ ирландецъ.—Какъ? Какъ вы сказали?

— Господинъ Манкюнъ —повторилъ посыльный, глядя вокругъ.—А вотъ онъ!..

И онъ подалъ телеграмму господину, который, сидя за угловымъ столикомъ, читалъ газету.

Доддсъ взглянулъ на этого господина и изумился. Что нужно этому человѣку здѣсь, въ этой компаніи лошадниковъ и барышниковъ? Манкюнъ былъ высокій господинъ съ совершенно бѣлыми волосами и орлинымъ носомъ, усы у него были подвиты, а бородка коротко и красиво подстрижена. Типъ лица его былъ аристократическій и составлялъ рѣзкую противоположность всей этой грубоватой шумной и вульгарной компаніи.

Вотъ каковъ былъ господинъ Манкюнъ, получившій вторую телеграмму

Конвертъ онъ разорвалъ съ лихорадочной поспѣшностью. Доддсъ успѣлъ замѣтить, что телеграмма была не менѣе объемиста, чѣмъ полученная Штрелленхаузомъ. Читалъ ее Манкюнъ медленно, и изъ этого можно было заключить, что она написана тоже шифромъ. Манкюнъ, впрочемъ, разбиралъ шифръ безъ помощи карандаша и записной книги. Онъ сидѣлъ, глядя на телеграмму и стараясь понять ея значеніе. Его тонкіе, нервные пальцы сжимали сѣдую бороду, густыя брови были нахмурены. Онъ былъ серьозенъ и сосредоточенъ.

И вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста, глаза его засверкали, лицо покраснѣло. Волнуясь, онъ смялъ телеграмму и стоялъ нѣсколько секундъ неподвижно. Затѣмъ, овладѣвъ собою, онъ спряталъ телеграмму въ карманъ и вышелъ изъ комнаты.

Будь на мѣстѣ Доддса менѣе сообразительный человѣкъ, и тотъ бы заинтересовался всѣмъ этимъ. Что же касается знаменитаго финансиста, онъ весь горѣлъ отъ любопытства.

Что означаютъ эти двѣ телеграммы? Простое-ли это совпаденіе, или же между этими двумя фактами есть связь? Двое лицъ съ иностранными фамиліями получили въ одно и то же

время двѣ телеграммы, очень длинныя и написанныя шифромъ. И оба эти лица взволновались. Одинъ поблѣднѣлъ, а другой вскочилъ со стула. Если это совпаденіе, то очень курьезное. Ну, а если не совпаденіе? Что же это такое? Можетъ быть, это двое агентовъ, которые, не зная другъ друга, работаютъ для одного и того же лица, живущаго гдѣ-то далеко. Да, это возможное предположеніе, но имъ не объясняется все.

Доддсъ думалъ, догадывался, но ни къ какому выводу не пришелъ. Все время, пока онъ завтракалъ, таинственные телеграммы не выходили у него изъ головы.

Окончивъ ѣду, онъ вышелъ побродить на площадь. Конный торгъ уже начался. Сперва начали продавать и покупать однолѣтокъ. Большинство было самыхъ высокихъ кровей, и покупались они англійскими оптовыми торговцами. Купить такую однолѣтку можно за нѣсколько фунтовъ, а черезъ годъ, если все благополучно, за нее выручишь не менѣе пятидесяти гиней.

Такъ и поступали лондонскіе оптовики.

Среди этихъ оптовиковъ виднѣлся человѣкъ съ красноватымъ лицомъ, въ желтомъ пальто. Этотъ человѣкъ покупалъ однолѣтокъ сразу дюжинами и продѣлывалъ это такъ хладнокровно, точно это не лошади были, а апельсины. Каждую покупку онъ методически заносилъ въ свою записную книжку.

— Кто это такой?—обратился Доддсъ къ своему сосѣду, какому-то субъекту въ высокихъ сапогахъ со шпорами.

Субъектъ такъ удивился, что даже глаза вытаращилъ.

— Что? Вы не знаете его? Это же Джимъ Голловей, великій Джимъ Голловей!

Но Доддсу фамилія эта не сказала ровно ничего. Сосѣдъ замѣтилъ это и пустился въ объясненія.

— Это глава лондонской фирмы Голловей и Моргенфъ. Онъ занимается скупкой лошадей и всегда покупаетъ дешево. Компаньонъ его—тотъ продаетъ и продаетъ дорого. У этого человѣка лошадей больше, чѣмъ у любого торговца во всемъ мірѣ.

Доддсъ сталъ съ любопытствомъ наблюдать за знаменитымъ оптовикомъ. Голловей, покончивъ съ однолѣтками, перешелъ къ двухъ-и трехлѣткамъ; лошадей онъ выбиралъ съ большой осторожностью и тщаніемъ, но, выбравъ разъ лошадь, онъ держался за нее изо всѣхъ силъ и въ концѣ-концовъ оставался безъ конкурентовъ. Доддсъ пришелъ въ восхищеніе отъ ловкости и смѣлости Голловея и наблюдалъ за нимъ съ нескрываемымъ восторгомъ.

Настоящая ярмарка началась только послѣ того, какъ очередь дошла до четырехъ-и пятилѣтокъ. Одинъ изъ коннозаводчиковъ привелъ сразу семьдесятъ великолѣпныхъ животныхъ.

— Это Флиннъ изъ Кильдара!—сказалъ сосѣдъ Доддса.— Вся эта партія лошадей принадлежитъ ему, Джеку Флинну, а вонъ та партія лошадей, такая же большая, принадлежитъ его брату, Тому Флинну.

Аукціонистъ влѣзъ на стулъ и сталъ оглядывать толпу. Рядомъ съ аукціонистомъ сталъ Флиннъ, а напротивъ помѣстился Голловей.

— Вы видѣли лошадей, джентльмены,—началъ аукціонистъ, махая рукой по направленію къ партіи,—лошади прекрасныя, порука въ томъ, что онѣ приведены сюда съ завода мистера Джека Флинна изъ Кильдара. Всего ихъ семьдесятъ, и мистеръ Флиннъ поручилъ мнѣ сказать, что онъ отдастъ предпочтеніе тому покупателю, который возьметъ всю партію сразу.

Наступила пауза. Въ толпѣ шептались и мѣстами выражалось недовольство. Условія, поставленныя Флинномъ, лишали возможности мелкихъ покупателей принять участіе въ торгѣ. Нужно имѣть большой кошелекъ, чтобы купить сразу такую партію. Аукціонистъ вопросительно оглядывался.

— Ну, мистеръ Голловей,—сказалъ онъ наконецъ,—вы, конечно, подошли не для того, чтобы любоваться лошадьми. Лошади, вы видите сами, хорошія. Такихъ въ другомъ мѣстѣ не найдете. Назначьте намъ цѣну.

Голловей молчалъ и постукивалъ себя по зубамъ карандашомъ. Наконецъ, онъ произнесъ:

— Я не отрицаю того, что лошади хорошія; вамъ, мистеръ Флиннъ, за этихъ лошадей честь и слава. И все-таки я покупать огуломъ всю партію не хочу. Я собирался выбрать нѣсколькихъ лошадей, которыя мнѣ понравятся.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣтилъ аукціонистъ,—мистеръ Флиннъ согласенъ продавать партію по частямъ. Если онъ хотѣлъ продать партію сразу, то онъ имѣлъ въ виду выгоды крупнаго покупателя... но ему никто не хочетъ назначить цѣны за цѣлую партію...

— Погодите минуточку,—раздался голосъ изъ толпы.— Это очень хорошія лошади, и я назначу вамъ первую цѣну. Я вамъ дамъ по двадцати фунтовъ за штуку и беру всѣхъ семьдесятъ лошадей.

Въ толпѣ снова произошло движеніе. Всѣмъ захотѣлось по-

глядѣть на неожиданнаго покупателя. Аукціонистъ наклонился впередъ.

— Позвольте узнать ваше имя, сэръ?

— Штрелленхаузъ... Штрелленхаузъ изъ Ливерпуля.

— Должно быть, новая фирма,—произнесъ сосѣдъ Додса,—я знаю всѣ фирмы, а это имя слышу въ первый разъ.

Голова аукціониста исчезла; онъ совѣщался съ заводчикомъ. Прошла минута. Аукціонистъ снова выпрямился на своемъ стулѣ.

— Благодарю васъ, сэръ, за начало торга,—сказалъ онъ.— Вы слышали, джентльмены, предложеніе мистера Штрелленхауза изъ Ливерпуля. Его цѣна послужитъ намъ оправной точкой. Мистеръ Штрелленхаузъ предложилъ по двадцать фунтовъ за голову.

— Я даю двадцать гиней,—произнесъ Голловей.

— Браво, мистеръ Голловей. Я зналъ, что вы примете участіе въ торгѣ. Вы не такой человѣкъ, чтобы упустить этихъ лошадей. Господа, цѣна теперь—двадцать гиней за штуку.

— Двадцать пять фунтовъ,—произнесъ Штрелленхаузъ.

— Двадцать шесть.

— Тридцать.

Лондонъ боролся съ Ливерпулемъ, признанный глава ярмарки—съ неизвѣстнымъ пришельцемъ. И борьба была странная. Голловей прибавлялъ по одному фунту, а неизвѣстный покупатель—сразу по пяти. Эти крупныя надбавки свидѣтельствовали о томъ, что Штрелленхаузъ—человѣкъ богатый и рѣшительно идетъ къ своей цѣли.

Голловей долго былъ полнымъ властелиномъ ярмарки, и въ толпѣ теперь радовались тому, что онъ нашелъ, наконецъ, себѣ соперника.

— Цѣна теперь—тридцать фунтовъ за голову,—произнесъ аукціонистъ.—Слово за вами, мистеръ Голловей!

Лондонскій скупщикъ пристально глядѣлъ на своего неизвѣстнаго противника, стараясь рѣшить вопросъ, настоящій ли это противникъ или же только подставное лицо. Кто знаетъ, можетъ быть Флиннъ взялъ его въ качествѣ агента, чтобы подвинтить цѣну на лошадей?

Маленькій господинъ Штрелленхаузъ, человѣкъ съ румяными щеками, котораго Доддсъ замѣтилъ въ гостинницѣ, стоялъ впереди, бросая на лошадей быстрые, острые взгляды. Сразу видно было, что это знатокъ дѣла.

— Тридцать одинъ,—произнесъ Голловей съ видомъ человѣка, заявляющаго свое послѣднее слово.

— Тридцать два,—быстро проговорилъ Штрелленхаузъ.

Голловея это упорное сопротивленіе разсердило наконецъ. Его красное лицо стало совсѣмъ бурымъ.

— Тридцать три!—крикнулъ онъ

— Тридцать четыре!—отвѣтилъ Штрелленхаузъ.

Голловей сталъ задумчивымъ и углубился въ свою записную книжку. Онъ разсчитывалъ. Партія состояла изъ семидесяти лошадей. Положимъ, лошади хороши. У Флинна плохого товара нѣтъ и опять-таки близокъ охотничій сезонъ. Этихъ лошадей всегда продать можно и не дешевле чѣмъ по сорока пяти—пятидесяти фунтовъ за штуку въ среднемъ. Въ партіи есть отличные кони, которые пойдутъ за сто или болѣе даже фунтовъ. Все это такъ, но вѣдь надо же считать стоимость корма и содержаніе и возможность убыли. Держать лошадей на рукахъ придется не менѣе трехъ мѣсяцевъ, а тутъ мало ли что можетъ случиться. Лошади могутъ заболѣть, издохнуть, а перевозъ-то ихъ въ Англію? Это тоже дорого стоющее удовольствіе.

Голловей высчитывалъ все это и думалъ, какой барышъ онъ можетъ получить, если купитъ лошадей по тридцати пяти фунтовъ за штуку. И по фунту-то прибавлять рискованно. Прибавить фунтъ—это значитъ вынуть изъ кармана семьдесятъ фунтовъ.

Но, какъ бы то ни было, Голловей не хотѣлъ сдаваться. Очень ужъ ему было обидно, что онъ побѣжденъ какимъ-то пришельцемъ. Нельзя терять свой авторитетъ такъ легко. Голловею было важно и впередъ считаться первымъ человѣкомъ въ своемъ дѣлѣ. Такъ и быть! Надо сдѣлать еще надбавку и пожертвовать возможными барышами.

Аукціонистъ съ бѣглой улыбкой на лицѣ обратился къ нему:

— Вы ничего не прибавите, мистеръ Голловей?

— Тридцать пять,—сердито отвѣтилъ торговецъ

— Тридцать шесть,—крикнулъ Штрелленхаузъ.

— Я желаю вамъ удовольствія отъ вашей покупки,—сказалъ Голловей,—по такимъ цѣнамъ я не покупаю, но зато продамъ вамъ сколько угодно лошадей, разъ вы такъ щедры.

Штрелленхаузъ не обратилъ вниманія на ироническій

тонъ этихъ словъ. Онъ продолжалъ глядѣть на лошадей. Аукціонистъ оглянулся.

— Цѣна—тридцать шесть фунтовъ со штуки,—произнесъ онъ.—Партія мистера Джека Флинна покупается мистеромъ Штрелленхаузомъ изъ Ливерпуля по тридцати шести фунтовъ за штуку. Партія покупается...

— Я даю сорокъ,—раздался высокій, тонкій, чистый гоголосъ.

Въ толпѣ поднялся шумъ. Люди поднимались на цыпочки, стараясь разсмотрѣть, кто такой этотъ смѣлый покупатель. Доддсъ былъ очень высокъ ростомъ и поэтому безъ труда увйдалъ этого человѣка. Рядомъ съ Голловеемъ стоялъ иностранецъ съ аристократическимъ лицомъ, котораго онъ видѣлъ въ ресторанѣ.

«Однако это становится интереснымъ», подумалъ Доддсъ. Ему было очевидно, что онъ находится наканунѣ чего-то, чего еще не можетъ себѣ усвоить. Въ самомъ дѣлѣ, что за странность? Двое иностранцевъ получаютъ телеграммы и покупаютъ по бѣшеннымъ цѣнамъ лошадей. Въ самомъ дѣлѣ, что такое все это означаетъ?

Аукціонистъ оживился. Сидѣвшій рядомъ съ нимъ Джекъ Флиннъ былъ на седьмомъ небѣ отъ удовольствія. Глаза его сверкали. Пятьдесятъ лѣтъ онъ торговалъ лошадьми, но никогда не продавалъ свой товаръ по такимъ цѣнамъ.

— Какъ ваше имя, сэръ?—спросилъ аукціонистъ.

— Манкюнъ.

— Адресъ?

— Манкюнъ изъ Глазго.

— Благодарю васъ за назначенную цѣну, сэръ. Господа, мистеръ Манкюнъ изъ Глазго даетъ по сорока фунтовъ за голову. Кто больше!

— Сорокъ одинъ!—крикнулъ Штрелленхаузъ.

— Сорокъ пять!—отвѣтилъ Манкюнъ.

Роли перемѣнились. Теперь настала очередь Штрелленхаузу набавлять по единицамъ, тогда какъ его соперникъ набавлялъ сразу по пяти фунтовъ. Но, несмотря на это, Штрелленхаузъ продолжалъ упорствовать.

— Сорокъ шесть!—сказалъ онъ.

— Пятьдесятъ!—закричалъ Манкюнъ.

— Это—пара бѣглецовъ изъ сумасшедшаго дома,—сердито

прошепталъ Голловей.—Если бы я былъ на мѣстѣ Флинна, я попросилъ бы ихъ показать, какія у нихъ деньги.

Очевидно, та же мысль пришла и аукціонисту, ибо онъ сказалъ:

— Извините, джентльменъ, но въ такихъ случаяхъ просятъ вносить залогъ въ обезпеченіе серьезности намѣреній. Вы извините меня, господа, но я долженъ исполнить свои обязанности. Люди вы мнѣ незнакомые...

— Сколько?—лаконически спросилъ Штрелленхаузъ.

— Скажемъ, пятьсотъ фунтовъ.

— Вотъ вамъ билетъ въ тысячу.

— Вотъ еще билетъ въ тысячу фунтовъ, — заявилъ Манкюнъ.

— Это очень любезно съ вашей стороны, джентльмены,— сказалъ аукціонистъ, забирая билеты,—прямо даже пріятно видѣть такое оживленное состязаніе. Мистеръ Манкюнъ назначилъ по пятидесяти фунтовъ за голову. Слово за вами, мистеръ Штрелленхаузъ!

Джекъ Флиннъ что-то прошепталъ аукціонисту.

— Совершенно вѣрно!—сказалъ аукціонистъ и, обращаясь къ покупателямъ, произнесъ:—Джентльмены! Мистеръ Флиннъ, видя, что вы оба крупные покупатели, предлагаетъ вамъ присоединить къ торгуемой партіи партію его брата, мистера Тома Флинна. Въ этой партіи тоже семьдесятъ лошадей, такихъ же качествъ, какъ и лошади мистера Джека Флинна. Всѣхъ лошадей пойдетъ такимъ образомъ сто сорокъ. Имѣете ли вы какія-либо возраженія, мистеръ Манкюнъ?

— Никакихъ.

— А вы, мистеръ Штрелленхаузъ?

— Мнѣ это предложеніе очень нравится.

— Это великолѣпно, прямо великолѣпно! — воскликнулъ аукціонистъ.—Итакъ, мистеръ Манкюнъ, вы предлагаете по пятидесяти фунтовъ за голову, имѣя въ виду всѣ сто сорокъ лошадей?

— Да, сэръ.

Толпа шумно вздохнула. Сразу—семь тысячъ фунтовъ! Этого даже въ Донсло никогда не слыхали.

— Вы прибавите что-нибудь, мистеръ Штрелленхаузъ?

— Пятьдесятъ одинъ.

— Пятьдесятъ пять.

— Пятьдесятъ шесть.

— Шестьдесятъ.

Присутствующіе вѣрить своимъ ушамъ не хотѣли. Голловей стоялъ, разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза. Онъ ничего не понималъ. Аукціонистъ былъ принужденно развязенъ, дѣлая видъ, что его эти цѣны не изумляютъ. Джекъ Флиннъ изъ Кильдара блаженно улыбался и потиралъ руки. Толпа пребывала въ гробовомъ молчаніи.

— Шестьдесятъ одинъ фунтъ!—сказалъ Штрелленхаузъ.

Съ самаго начала торга онъ стоялъ неподвижно. На его кругломъ лицѣ не было и признака волненія. Соперникъ его, напротивъ, волновался, глаза его сверкали, и онъ постоянно дергалъ себя за бороду.

— Шестьдесятъ пять!—закричалъ онъ.

— Шестьдесятъ шесть.

— Семьдесятъ!

Штреленхаузъ молчалъ:

— Вы ничего не скажете, сэръ?—обратился къ нему аукціонистъ.

Штрелленхаузъ пожалъ плечами.

— Я покупаю для другого, и я достигъ предѣла своихъ полномочій. Если вы мнѣ позволите послать телеграмму...

— Къ сожалѣнію, сэръ, это невозможно. Торгъ не можетъ быть прерванъ.

— Тогда лошади принадлежатъ этому джентльмену.

Онъ первый разъ взглянулъ на своего соперника, и взгляды ихъ скрестились, какъ двѣ рапиры.

— Надѣюсь увидать этихъ лошадокъ,—добавилъ онъ.

— Я тоже надѣюсь, что вы ихъ увидите,—лукаво улыбаясь, отвѣтилъ Манкюнъ.

И они, раскланявшись другъ съ другомъ, разстались. Штрелленхаузъ пошелъ на телеграфъ, но ему пришлось долго прождать тамъ, ибо его опередилъ Ворлингтонъ Доддсъ, который спѣшилъ отправить важное извѣстіе въ Лондонъ.

Да, послѣ долгихъ догадокъ и неопредѣленныхъ умозаключеній онъ вдругъ понялъ смыслъ надвигающихся событій, которыя такъ странно отразились въ маленькомъ ирландскомъ городкѣ. Доддсу вспомнилось все: и политическіе слухи, и имена, прочитанныя имъ въ газетахъ, и телеграммы... Онъ понялъ, почему эти иностранцы покупали лошадей по бѣшеннымъ цѣнамъ. Да, онъ проникъ въ тайну и твердо рѣшилъ ею воспользоваться.

Варнеръ, компаніонъ Доддса, разоренный, какъ и онъ, неудачными биржевыми сдѣлками, былъ въ этотъ самый день на лондонской биржѣ, но нашелъ тамъ мало утѣшенія для себя. Бумаги стояли твердо, ибо европейскому миру ничто не угрожало, и въ мiровой политикѣ все обстояло благополучно. Газетнымъ сплетнямъ никто не вѣрилъ, и ни одинъ биржевикъ не рѣшался на серьезную повышательную или понижательную кампанію.

Вернулся Варнеръ къ себѣ въ контору послѣ полудня. На столѣ лежала телеграмма изъ Донсло. О городѣ этомъ Варнеръ никогда и не слыхивалъ даже. Онъ распечаталъ депешу. Она была отъ Доддса и написана шифромъ. Варнеръ расшифровалъ ее и прочиталъ слѣдующее:

«Продавайте какъ можно скорѣе всѣ французскія и прусскія бумаги. Продавайте безъ замедленія».

На мгновеніе Варнеръ усумнился. Что это такое могъ узнать Доддсъ, сидя въ какомъ-то медвѣжьемъ углу?

Но нѣтъ, Варнеръ зналъ своего компаніона. Попустому онъ такой телеграммы не послалъ бы. Скрѣпя сердце, Варнеръ снова направился на биржу и началъ жестокую кампанію на пониженіе французскихъ и прусскихъ бумагъ. Обстоятельства ему благопріятствовали, ибо какъ разъ въ этотъ моментъ на биржѣ было очень крѣпкое настроеніе, и недостатка въ покупателяхъ не было. Черезъ два часа Варнеръ вернулся къ себѣ и подсчиталъ свои операціи. Изъ этого подсчета явствовало, что не далѣе какъ завтра онъ и Доддсъ или разорятся окончательно, или же получатъ огромныя деньги. Все зависѣло отъ Доддса. Весь вопросъ въ томъ, ошибся ли онъ или нѣтъ, посылая эту странную телеграмму.

Варнеръ вышелъ на улицу. Въ нѣсколькихъ шагахъ мальчикъ-разсыльный приклеивалъ къ фонарному столбу листокъ съ телеграммами. Около фонаря сразу собралась кучка людей. Одни махали шапками, другіе перекликались черезъ улицу. Варнеръ бросился впередъ. На листкѣ красовались напечатанныя крупнымъ шрифтомъ слова:

ФРАНЦІЯ ОБЪЯВИЛА ВОЙНУ ПРУССІИ.

— Вотъ оно что!—крикнулъ весело Варнеръ.—Такъ оно и есть. Доддсъ былъ правъ!..

Черный замокъ.

Переводъ **Н. Д. Облеухова.**

Случилось это въ тѣ дни, когда нѣмецкія полчища наводнили Францію. Разбитая армія молодой республики отступала за Энъ на сѣверѣ и за Луару на югѣ. Отъ Рейна внутрь страны неудержимо стремились три потока вооруженныхъ людей. Эти потоки то отдѣлялись другъ отъ друга, то сближались, но всѣ эти движенія имѣли своею цѣлью Парижъ, вокругъ котораго они должны были слиться въ одно громадное озеро.

Отъ этого озера въ свою очередь стали отдѣляться рѣки. Одна потекла къ сѣверу, другая—къ югу, вплоть до Орлеана, третья—на западъ, въ Нормандію. Многіе изъ нѣмецкихъ солдатъ увидѣли впервые въ своей жизни море.

Горе, гнѣвъ и печаль угнетали французовъ. Врагъ наложилъ клеймо позора на ихъ прекрасную родину. Они сражались за отечество, но были побѣждены. Они боролись и ничего не могли сдѣлать съ этой сильной кавалеріей, съ этими безчисленными пѣхотинцами, съ этими убійственными артиллерійскими орудіями. Иноплеменники, захватившіе ихъ родину, были неуязвимы въ массѣ. Единственно, что оставалось французамъ, это—бить ихъ по одиночкѣ. Тутъ еще можно было уравнять шансы. Храбрый французъ еще могъ заставить нѣмца пожалѣть о томъ днѣ, когда онъ оставилъ берега Рейна. И такимъ-то образомъ вспыхнула совсѣмъ особенная, не записанная въ лѣтописяхъ сраженій и осадъ, война. Это была война въ одиночку, гдѣ главную роль играли убійства изъ-за угла и грубое насиліе.

Особенно сильно пострадалъ отъ этой войны начальникъ 24-го Познанскаго пѣхотнаго полка, полковникъ фонъ-Греммъ. Стоялъ онъ со своимъ полкомъ въ нормандскомъ городѣ Лэзъ-Андэли, а его аванпосты и пикеты были разсѣяны вокругъ города, въ деревушкахъ и хуторахъ окрестностей. Французскихъ войскъ нигдѣ по близости не было, но, несмотря на это, каждый день полковнику приходилось выслушивать пренепріятные рапорты. То часовой оказывался убитымъ на своемъ посту, то пропадала безъ вѣсти партія солдатъ, отправившаяся на фуражировку. При такихъ извѣстіяхъ полковникъ фонъ-Греммъ обыкновенно приходилъ въ ярость, и пламя пожара охватывало хутора, ближайшіе къ мѣсту преступленія.

Но эти экзекуціи пользы не приносили, и на слѣдующее утро начиналась та же самая исторія. Что ни дѣлалъ полковникъ, онъ никакъ не могъ усмирить своихъ невидимыхъ враговъ. По нѣкоторымъ признакамъ можно было догадываться, что всѣ эти преступленія совершались одною и тою же рукой, шли изъ одного источника.

Полковникъ фонъ-Граммъ попробовалъ, какъ было уже сказано, отвѣчать на насилія насиліями и потерпѣлъ неудачу. Тогда онъ обратился къ помощи золота. Всѣмъ окрестнымъ крестьянамъ было объявлено, что тотъ, кто укажетъ преступника, получитъ пятьсотъ франковъ награды. На это объявленіе не получилось никакого отвѣта. Награду пришлось повысить до восьмисотъ франковъ, но крестьяне оказались и на этотъ разъ неподкупными. Въ этотъ моментъ неизвѣстный врагъ зарѣзалъ капрала, и полковникъ назначилъ тысячу франковъ. Этой суммой ему удалось купить душу одного рабочаго на фермѣ, нѣкоего Франсуа Режана. Жадность пересилила въ немъ ненависть къ нѣмцамъ.

— Ты говоришь, что знаешь виновника всѣхъ этихъ преступленій?—спросилъ, съ презрѣніемъ оглядѣвъ рабочаго, прусскій полковникъ.

Передъ нимъ стояло существо въ синей блузѣ, лицомъ своимъ напоминавшее крысу.

— Да, полковникъ, знаю.

— Кто же онъ такой?

— А на счетъ тысячи франковъ какъ же?

— Ты не получишь ни сантима до тѣхъ поръ, пока я не провѣрю твоихъ словъ. Ну, кто убивалъ моихъ солдатъ?

— Графъ Евстафій изъ Чернаго замка.

— Лжешь!—сердито закричалъ полковникъ,—образованный человѣкъ и дворянинъ не можетъ дѣлать подобныхъ мерзостей.

Крестьянинъ пожалъ плечами.

— Ну, полковникъ, сейчасъ видно, что вы не знаете графа. Всѣ эти убійства—дѣло его рукъ. Я вамъ говорю правду и ни капельки не боюсь того, что вы хотите меня провѣрять. Графъ изъ Чернаго замка очень жестокій человѣкъ. Онъ и прежде-то былъ не изъ добренькихъ, ну а теперь превратился прямо-такъ въ звѣря. Это на него, извольте видѣть, смерть сына подѣйствовала. Сынокъ-то его, видите-ли, былъ взятъ въ плѣнъ подъ Дуэ. Оттуда его отправили въ Германію, а послѣ онъ бѣжалъ и умеръ.

У графа былъ одинъ только сынъ, и его смерть прямо свела старика съ ума. Мы промежъ себя его за сумасшедшаго почитаемъ. Онъ собралъ своихъ крестьянъ и началъ охотиться за нѣмецкой арміей. Сколькихъ онъ убилъ, не могу сказать, а только знаю, что онъ у всѣхъ убитыхъ крестъ на лбу вырѣзаетъ. Крестъ—это гербъ его фамиліи.

Франсуа Режанъ говорилъ правду. У всѣхъ убитыхъ надъ бровями оказывался, точно охотничьимъ ножомъ вырѣзанный, андреевскій крестъ. Полковникъ наклонился надъ столомъ и сталъ водить пальцемъ по картѣ.

— Черный замокъ отстоитъ отсюда не далѣе, чѣмъ четыре лиги,—сказалъ онъ.

— Три лиги и километръ, полковникъ.

— Ты мѣсто знаешь?

— Какъ же! Я тамъ работалъ на поденной.

Полковникъ фонъ-Граммъ позвонилъ.

— Дай этому человѣку ѣсть и задержи его,—сказалъ онъ вошедшему сержанту.

— За что же меня задерживать, полковникъ? Я все вамъ сказалъ.

— Ты будешь нашимъ проводникомъ.

— Проводникомъ?! А графъ? Помилуй Господи попасть въ его руки! Ахъ, полковникъ...

Прусскій полковникъ махнулъ рукой, давая Режану понять, чтобъ онъ молчалъ.

— Пошли ко мнѣ немедленно каписана Баумгартена, — сказалъ онъ, обращаясь къ сержанту.

Капитанъ явился немедленно. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ голубыми глазами и непомѣрно развитыми челюстями. Лицо у капитана Баумгартена было кирпично-красное, за исключеніемъ верхней части лба, которая, будучи защищена отъ воздуха и солнца мѣдной каской, сохранила бѣлый, точно слоновая кость, цвѣтъ. Рыжіе усы были лихо закручены вверхъ. Голова была у капитана совершенно плѣшивая и блестѣла, какъ зеркало. Молодые офицеры, ради шутки, подкрадывались къ капитану сзади и, глядя въ лысину, подкручивали себѣ усы. Капитанъ считался нѣсколько медлительнымъ, но надежнымъ и храбрымъ офицеромъ. Полковникъ безусловно ему довѣрялся.

— Вы отправитесь этою ночью въ Черный замокъ, капитанъ,—произнесъ полковникъ фонъ-Граммъ, — проводника я

вамъ досталъ. Вы арестуете графа и приведете его сюда. Если онъ будетъ сопротивляться, можете его застрѣлить.

— Сколько людей брать съ собою, полковникъ?

— Мы окружены шпіонами, и надо стараться о томъ, чтобы захватить его невзначай. Онъ не долженъ знать, что мы за нимъ охотимся. Если взять много солдатъ, всѣ замѣтятъ наши приготовленія. Съ другой стороны, намъ нельзя и рисковать. Васъ могутъ окружить.

— Полковникъ, я вотъ какъ поступлю. Я двинусь на сѣверъ и всѣ подумаютъ, что вы меня отправили къ генералу Гебену, а затѣмъ—поглядите-ка, вотъ тутъ на картѣ—я поверну на эту дорогу и мы окружимъ черный замокъ прежде, чѣмъ французы успѣютъ опомниться. Полагаю. что при такомъ планѣ мнѣ будетъ достаточно двадцати солдатъ....

— Очень хорошо, капитанъ. Надѣюсь увидѣться съ вами и вашимъ плѣнникомъ завтра утромъ.

Была холодная декабрьская ночь, когда капитанъ Баумгартенъ и его двадцать познанцевъ выступили изъ Лэзъ-Андэли и двинулись по большой дорогѣ въ сѣверо-западномъ направленіи. Пройдя двѣ мили, отрядъ повернулъ на узкую, лѣсную тропинку и быстро двинулся къ мѣсту своего назначенія. Моросилъ холодный мелкій дождь, и капли его стучали по сучьямъ высокихъ тополей или шуршали въ мертвой травѣ лужаекъ. Капитанъ шелъ впереди, рядомъ со старымъ сержантомъ Мозеромъ, который крѣпко держалъ за руку Франсуа Режана. Предварительно онъ успѣлъ шепнуть французу на ухо, что въ случаѣ внезапнаго нападенія первая пуля, которая вылетитъ изъ винтовки, будетъ направлена ему въ високъ. Сзади шлепали по мокрой землѣ двадцать пѣхотинцевъ, пряча лицо отъ дождя и спотыкаясь въ темнотѣ. Солдаты знали, куда и зачѣмъ они идутъ, и радовались. Имъ хотѣлось отомстить за смерть своихъ товарищей.

Изъ Лэзъ-Андэли отрядъ вышелъ около восьми часовъ вечера. Въ половинѣ двѣнадцатаго ихъ проводникъ остановился передъ воротами. Ворота были желѣзныя, рѣшетчатыя и были укрѣплены между двумя каменными столбами съ геральдическими украшеніями. Стѣнъ давно не существовало, и камни были покрыты терновыми кустами и травой. Пруссаки проникли внутрь и начали осторожно подвигаться впередъ по дубовой аллеѣ, засыпанной опавшими листьями. Пройдя аллею, они остановились и начали оглядывать мѣстность.

Передъ ними находился Черный замокъ. Мѣсяцъ, выглянувшій изъ-за дождевыхъ тучъ, облилъ старый домъ своими серебряными лучами. Домъ былъ построенъ глаголемъ. Въ серединѣ виднѣлась низкая сводчатая дверь. Ряды маленькихъ оконъ напоминали открытыя бойницы броненосца. Темная крыша обрывалась въ углахъ, гдѣ возвышались четыре небольшихъ башенки. Домъ словно спалъ въ молчаливомъ мѣсячномъ свѣтѣ. Въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа сіялъ одинокій огонекъ.

Капитанъ началъ отдавать шепотомъ приказанія. Нѣкоторымъ изъ солдатъ онъ велѣлъ стеречь парадный входъ, другимъ было поручено прокрасться къ задней двери. Одни стали на караулъ у восточной части дома, другіе — у западной. Самъ онъ съ сержантомъ прокрался на цыпочкахъ къ освѣщенному окошку.

Это была небольшая и убого обставленная комната.

Пожилой человѣкъ въ халатѣ сидѣлъ въ креслѣ и читалъ при свѣтѣ оплывающей свѣчки изорванную газету. Рядомъ съ нимъ на столѣ стояла бутылка съ бѣлымъ виномъ и наполовину опорожненный стаканъ. Сержантъ постучалъ штыкомъ въ окно Старикъ пронзительно взвизгнулъ и вскочилъ съ кресла.

— Молчать — или вы умрете. Домъ окруженъ. Бѣжать некуда. Идите и немедленно отоприте намъ дверь. Если вы ослушаетесь, вамъ не будетъ пощады.

— Ради Бога не стрѣляйте! Я отопру дверь! Я отопру дверь!

И старикъ со смятой газетой въ рукѣ бросился вонъ изъ комнаты. Черезъ секунду послышалось звяканье замковъ, стукъ поднимаемыхъ болтовъ, и маленькая дверь отворилась. Пруссаки ворвались въ вымощенныя каменными плитами сѣни.

— Гдѣ владѣлецъ Чернаго замка, графъ Евстафій?

— Мой господинъ? Его нѣтъ дома.

— Это ночью-то? Если вы лжете, то прощайтесь съ жизнью.

— Я говорю правду, господинъ. Его сіятельства нѣтъ дома.

— А гдѣ же онъ?

— Я не знаю.

— Что онъ дѣлаетъ теперь?

— Не могу сказать этого. Господинъ, вы напрасно на меня нацѣливаетесь. Убейте меня, если хотите, но чего я не знаю, того не могу вамъ сообщить

— И часто графъ отлучается такимъ образомъ по ночамъ?

— Часто.

— А когда онъ возвращается домой?

— Передъ разсвѣтомъ.

Капитанъ Баумгартенъ пустилъ крѣпкое нѣмецкое ругательство. Выходитъ, что онъ даромъ потратилъ день. Отвѣты этого человѣка были искренни и, конечно, онъ говорилъ правду. Впрочемъ, этого нужно было ожидать. Такъ или иначе, но нужно всегда обыскать домъ и удостовѣриться въ отсутствіи хозяина. Поставивъ пикеты у обѣихъ дверей, капитанъ и сержантъ пошли по дому вслѣдъ за дрожащимъ дворецкимъ. Свѣчка танцовала въ его рукѣ, и странныя тѣни бѣгали по старинньмъ обоямъ и рѣзному дубовому потолку. Такимъ образомъ былъ осмотрѣнъ весь домъ, начиная отъ громадной, вымощенной каменными плитами кухни и кончая столовой во второмъ этажѣ. Это была огромная зала съ хорами для музыкантовъ; стѣны ея были покрыты почернѣвшими отъ времени панелями. Нигдѣ не было ни живой души. Въ самомъ верхнемъ этажѣ, на чердакѣ, они нашли пожилую жену дворецкаго, Мари. Эти мужъ и жена были единственные слуги графа. Самого его нигдѣ въ домѣ не было, даже слѣдовъ его присутствія не замѣчалось.

Обыскъ продолжался долго, и прошло много времени прежде, нежели капитанъ Баумгартенъ удостовѣрился въ справедливости словъ дворецкаго. Трудно было осматривать этотъ домъ. Узкія крутыя лѣстницы, по которымъ нельзя было итти двоимъ врядъ, перемежались темными извилистыми коридорами. Стѣны были такъ толсты, что звуковъ въ сосѣдней комнатѣ совсѣмъ не было слышно. Капитанъ Баумгартенъ топалъ ногами срывалъ занавѣсы, тыкалъ саблей въ углы, надѣясь найти потайныя мѣста, но эти поиски не привели ни къ какимъ результатамъ.

— У меня есть одна идея, — сказалъ онъ, наконецъ, по-нѣмецки сержанту, — вы смотрите за этимъ молодцомъ и не позволяйте ему ни съ кѣмъ сообщаться.

— Слушаю, господинъ капитанъ.

— Четырехъ человѣкъ вы помѣстите въ засаду у передней двери и столько же у задней. Дѣло похоже на то, что на разсвѣтѣ птичка прилетитъ въ свое гнѣздышко.

— А прочіе солдаты, господинъ капитанъ?

— Пусть они отправляются на кухню ужинать. Этотъ человѣкъ долженъ подать вамъ вина и мяса. Погода сегодня отвратительная, и будетъ лучше, если мы проведемъ ночь здѣсь, чѣмъ въ дорогѣ.

— А вы сами гдѣ устроитесь, господинъ капитанъ?

— Я поужинаю здѣсь, въ столовой. Дрова въ каминѣ есть, и его легко затопить. Въ случаѣ тревоги вы меня позовете. Эй, вы! Что вы мнѣ можете дать на ужинъ?

— Увы, господинъ, были времена, когда я могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ: „Все, что вы пожелаете", по теперь я могу найти для васъ только бутылку молодого вина и холоднаго цыпленка.

— Ну, что же, этого достаточно. Пошлите съ нимъ солдата, сержантъ, и если онъ вздумаетъ шутить какія-нибудь шутки, пусть солдатъ всадитъ ему въ брюхо штыкъ.

Капитанъ Баумгартенъ былъ старый служака. Прослуживъ много лѣтъ въ Восточной Пруссіи и сдѣлавъ австрійскую кампанію, онъ въ совершенствѣ постигъ искусство комфортабельно устраиваться въ непріятельскихъ странахъ. Пока дворецкій носилъ ужинъ, онъ началъ готовиться къ пріятному отдыху на ночь. Онъ зажегъ всѣ десять свѣчей въ канделябрѣ, который стоялъ посрединѣ стола. Огонь въ каминѣ уже пылалъ, причемъ дрова весело потрескивали и выкидывали по временамъ клубы голубого дыма. Капитанъ приблизился къ окну и выглянулъ на дворъ. Луна снова скрылась въ тучахъ, и шелъ сильный дождь. Слышны были глухія завыванія вѣтра и шумъ гнущихся подъ его напоромъ деревьевъ. Капитану было особенно пріятно, что онъ находится въ эту бурную ночь въ теплой и свѣтлой комнатѣ, и онъ съ удвоеннымъ удовольствіемъ принялся за холодную курицу и вино, которые ему подалъ дворецкій. Послѣ долгой ходьбы онъ чувствовалъ усталость и голодъ. Онъ отстегнулъ саблю, снялъ револьверъ и каску и положилъ все это на кресло рядомъ съ собой, а затѣмъ съ аппетитомъ принялся ѣсть. Поужинавъ онъ налилъ стаканъ вина, закурилъ сигару и, развалившись въ креслѣ, оглянулся кругомъ.

Онъ сидѣлъ въ небольшомъ кружкѣ яркаго свѣта, который игралъ на его серебряныхъ эполетахъ и освѣщалъ его терракотовое лицо, густыя брови и рыжіе усы. Внѣ этого свѣтлаго круга царили тѣни и мракъ, и предметы, наполнявшіе столовую, различались съ трудомъ.

Двѣ стѣны столовой были отдѣланы дубовыми панелями, другія двѣ покрыты выцвѣтшими гобеленами, на которыхъ была изображена охота за оленемъ. Охотники и стая собакъ стремительно неслись впередъ за звѣремъ. Надъ очагомъ виднѣлся рядъ геральдическихъ щитовъ, на которыхъ были изображены гербы фамиліи и родственныхъ семействъ. Особенное вниманіе капитанъ Баумгартенъ обратилъ на роковой андреевскій крестъ, рѣзко выдѣлявшійся на геральдическомъ полѣ.

Противъ камина висѣли четыре портрета предковъ графа— это были люди со смѣлыми, высокомѣрными лицами и орлиными носами. Другъ отъ друга они отличались только костюмами. Одинъ былъ въ одѣяніи рыцаря эпохи Крестовыхъ походовъ, другой былъ одѣтъ кавалеромъ временъ Фронды.

Капитанъ Баумгартенъ покушалъ очень сытно и ощущалъ нѣкоторую тяжесть. Откинувшись на спинку кресла и пуская густые клубы табачнаго дыма, онъ глядѣлъ на эти старинные портреты и думалъ о превратности историческихъ судебъ. Кто могъ думать, что ему, смиренному уроженцу далекой Балтики, придется ужинать въ великолѣпномъ родовомъ замкѣ этихъ гордыхъ рыцарей Нормандіи?

Каминъ обдавалъ капитана своей пріятной теплотой, и глаза его начали смыкаться. Подбородокъ, наконецъ, упалъ на грудь, и свѣтъ десяти свѣчей канделябра весело заигралъ на его блестящей лысинѣ. Отъ этого сна его разбудилъ осторожный шумъ. Въ первый моментъ послѣ пробужденія капитану Баумгартену показалось, что одинъ изъ старинныхъ портретовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ напротивъ, выскочилъ изъ рамки и разгуливаетъ по комнатѣ. Около стола, совсѣмъ близко отъ него, стоялъ человѣкъ громаднаго роста. Онъ стоялъ молча и неподвижно, до такой степени неподвижно, что его можно было бы счесть за мертваго, если бы не жестокій блескъ глазъ. Онъ былъ черноволосъ и смуглъ, съ небольшой черной бородой. Всего болѣе на лицѣ выдѣлялся большой орлиный носъ. Щеки были покрыты морщинами и напоминали печеное яблоко, но старость не успѣла еще подорвать физическую силу. На это указывали широкія плечи и костистыя, узловатыя руки. Человѣкъ стоялъ, скрестивъ руки на впалой груди, губы его застыли въ неподвижной улыбкѣ. Пруссакъ бросилъ быстрый взглядъ на кресло, на которомъ онъ сложилъ оружіе. Кресло было пусто.

— Прошу васъ не безпокоиться и не искать вашего оружія,—произнесъ незнакомецъ.—Если вы позволите, я осмѣлюсь выразить свое мнѣніе. Вы поступили очень неосторожно, расположившись, какъ дома, въ замкѣ, который весь состоитъ изъ тайныхъ входовъ и выходовъ. Вамъ, можетъ быть, это покажется смѣшнымъ, но въ то время, какъ вы ужинали, васъ стерегли сорокъ человѣкъ... Ага! это еще что такое?

Капитанъ Баумгартенъ, сжавъ кулаки, кинулся впередъ. Французъ поднялъ правую руку, въ которой блеснулъ револьверъ, а лѣвой сгребъ нѣмца за грудь и швырнулъ его въ кресло.

— Прошу васъ сидѣть спокойно,—сказалъ онъ,—о солдатахъ своихъ, пожалуйста, не безпокойтесь. Мы ихъ уже устроили, какъ слѣдуетъ. Эти каменные полы прямо удивительны. Сидя наверху, вы совсѣмъ не слышите того, что дѣлается внизу. Да, мы освободили васъ отъ вашей команды, и вамъ приходится теперь думать только о себѣ самомъ. Вы позволите мнѣ узнать, какъ васъ зовутъ?

— Я—капитанъ Баумгартенъ изъ 24-го Познанскаго полка.

— Вы прекрасно произносите по-французски, хотя въ вашемъ произношеніи и есть общая вашимъ соотечественникамъ склонность превращать букву п въ б. Я ужасно смѣялся, слушая, какъ ваши солдаты кричали: бощадите! Вы по всей вѣроятности догадываетесь, кто имѣетъ честь бесѣдовать съ вами?

— Вы—графъ Чернаго замка?

— Совершенно вѣрно. Я былъ бы очень огорченъ, если бы вы покинули мой замокъ, не повидавшись со мной. До сихъ поръ мнѣ приходилось имѣть дѣла съ нѣмецкими солдатами. Что касается господъ офицеровъ, то я до сихъ поръ не имѣлъ счастья бесѣдовать съ ними. Вы—первый, и мнѣ надо будетъ съ вами какъ слѣдуетъ поговорить.

Капитанъ Баумгартенъ сидѣлъ, точно застывъ, въ своемъ креслѣ. Онъ былъ не робкаго десятка, но этотъ человѣкъ точно его гипнотизировалъ—онъ чувствовалъ страхъ, мурашки бѣгали по спинѣ. Растерянно онъ оглядывался по сторонамъ, ища исчезнувшее оружіе. Бороться же безъ оружія съ этимъ великаномъ было безполезно,—недаромъ онъ его швырнулъ, какъ ребенка, въ кресло.

Графъ взялъ въ руки пустую бутылку и поглядѣлъ въ нее на свѣтъ.

— Ай, ай, ай! Неужели Пьеръ не могъ вамъ предложить ничего получше? Мнѣ прямо стыдно глядѣть на васъ, капи-

танъ Баумгартенъ. Впрочемъ, мы сейчасъ исправимъ этотъ промахъ.

Онъ приложилъ къ губамъ свистокъ, который былъ при немъ на груди. На этотъ зовъ явился немедленно старый слуга.

— Шамбертенъ изъ отдѣленія номеръ пятнадцать!—крикнулъ графъ.

Черезъ минуту слуга явился снова, неся съ осторожностью покрытую паутиной сѣрую бутылку. Графъ налилъ два стакана.

— Пейте,—сказалъ онъ,—это лучшее вино моего погреба. Такого шамбертена вы не найдете нигдѣ отъ Руана до Парижа. Пейте, милостивый государь, и будьте счастливы. У меня есть еще холодное мясо и два свѣжихъ омара, только что доставленные изъ Гонфлера. Позвольте мнѣ предложить вамъ второй, болѣе изысканный, ужинъ?

Нѣмецкій офицеръ отрицательно потрясъ головой, но налитый хозяиномъ стаканъ осушилъ до дна. Графъ налилъ второй стаканъ и началъ упрашивать гостя покушать, предлагая ему разныя вкусныя снѣди.

— Все, что находится въ этомъ домѣ, къ вашимъ услугамъ,—говорилъ онъ,—вы только приказывайте. Не хотите, какъ угодно; въ такомъ случаѣ кушайте вино, а я вамъ буду разсказывать одну исторію. Мнѣ давно уже хотѣлось разсказать эту исторію какому-нибудь нѣмецкому офицеру. Я буду вамъ говорить о моемъ сынѣ Евстафіи, моемъ единственномъ сынѣ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и умеръ во время бѣгства изъ плѣна. Это презанимательная исторійка, и, мнѣ кажется, я могу вамъ обѣщать, что вы никогда ея не забудете.

«Надо вамъ сказать, капитанъ Баумгартенъ, что мой сынъ служилъ въ артиллеріи. Это былъ красивый мальчикъ, и мать справедливо гордилась имъ. Она умерла недѣлю спустя послѣ того, какъ мы узнали о его смерти. Новость эту намъ принесъ его товарищъ, офицеръ. Они были вмѣстѣ взяты въ плѣнъ и вмѣстѣ бѣжали. Ему удалось бѣжать, а мой мальчикъ умеръ. Я вамъ, капитанъ, разскажу все, что сообщилъ мнѣ этотъ офицеръ.

«Евстафія взяли въ плѣнъ при Вейсенбургѣ 4-го августа. Плѣнниковъ раздѣлили на партіи и отправили въ Германію разными дорогами. 5-го числа Евстафій былъ приведенъ въ деревню Лаутебургъ. Главный нѣмецкій офицеръ обошелся съ нимъ очень ласково. Этотъ добрый полковникъ зазвалъ моего голоднаго мальчишку къ себѣ ужинать, предложилъ ему все, что могъ, откупорилъ бутылку хорошаго вина,—однимъ словомъ

поступилъ съ моимъ сыномъ такъ, какъ я съ вами. Въ заключеніе онъ предложилъ ему сигару. Могу-ли я просить васъ, капитанъ, выбрать себѣ сигару?

Нѣмецъ отрицательно качнулъ головой. Имъ начиналъ овладѣвать ужасъ. Губы страннаго собесѣдника улыбались, но глаза его горѣли ненавистью.

— Да,—продолжалъ графъ,—этотъ полковникъ былъ добръ къ моему мальчику. Но, къ сожалѣнію, на слѣдующій же день военноплѣнныхъ отправили въ Этлингенъ, по ту сторону Рейна Тамъ имъ не повезло. Одинъ изъ офицеровъ, наблюдавшій за ними, былъ невѣжа и негодяй, капитанъ Баумгартенъ. Онъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы унижать и оскорблять храбрыхъ офицеровъ, попавшихъ ему подъ власть. Мой сынъ ответилъ грубо на одно изъ его издѣвательствъ, и онъ его ударилъ прямо въ глаза... Вотъ такъ ударилъ!

Звукъ сильнаго удара раздался по столовой. Нѣмецкій офицеръ схватился за лицо руками, и его пальцы мгновенно обагрились кровью. Графъ снова усѣлся въ кресло и продолжалъ·

— Лицо моего мальчика было обезображено этимъ ударомъ, и это обстоятельство послужило поводомъ для новыхъ издѣвательствъ этого офицера. Кстати, капитанъ, у васъ сейчасъ ужасно смѣшное лицо. Если бы васъ теперь увидалъ вашъ полковникъ, то онъ навѣрное догадался бы, что вы побывали въ хорошей передѣлкѣ. Однако, я возвращаюсь къ моему разсказу. Молодость и несчастное положеніе моего сына тронули сердце одного добросердечнаго майора и онъ далъ ему на честное слово взаймы десять наполеондоровъ. Эти десять золотыхъ монетъ я возвращаю вамъ, капитанъ Баугартенъ. Иначе я поступить не могу, такъ какъ имя этого добраго майора мнѣ неизвѣстно. Я глубоко, сердечно благодаренъ за это доброе отношеніе къ моему сыну.

«Гнусный тиранъ, однако, продолжалъ сопровождать военноплѣнныхъ до Дурлаха и далѣе до Карлсруэ. Сына моего онъ продолжалъ обижать и оскорблять всячески. Его сердило то, что мой мальчикъ держалъ себя гордо. Онъ не хотѣлъ выказывать притворной покорности этому нѣмцу, онъ былъ гордъ въ немъ жилъ духъ Чернаго замка. И знаете, что дѣлалъ съ Евстафіемъ этотъ подлый негодяй? О, клянусь, кровь его ещ обагритъ мою руку!... Онъ награждалъ моего мальчика пощечинами, билъ его, вырывалъ волосы изъ усовъ... Онъ съ нимъ поступалъ... вотъ такъ... вотъ этакъ... и опять-таки вотъ такъ

Напрасно капитанъ Баумгартенъ силился вырваться и спастись. Онъ былъ безпомощенъ въ желѣзныхъ рукахъ этого гнѣвнаго гиганта, который истязалъ его всяческимъ образомъ. Когда ему, наконецъ, удалось подняться на ноги, графъ снова швырнулъ его въ кресло. Капитанъ былъ окровавленъ, кровь залила ему глаза, онъ ничего не видѣлъ передъ собою.

Не помня себя отъ гнѣва и стыда, несчастный офицеръ теперь громко рыдалъ.

— Вотъ и мой сынъ также плакалъ отъ безсильнаго униженія,—продолжалъ владѣлецъ Черпаго замка.—Надѣюсь, вы теперь хорошо понимаете, какъ ужасно чувствовать себя безпомощнымъ въ рукахъ дерзкаго и безсовѣстнаго врага. Сынъ мой, наконецъ, прибылъ въ Карлсруэ. Лицо его было совершенно изуродовано злымъ надсмотрщикомъ. Въ Карлсруэ въ немъ принялъ участіе одинъ молодой баварскій офицеръ. Капитанъ, ваши глаза въ крови. Позьвольте мнѣ обмыть ваше лицо холодной водой и обвязать его этимъ шелковымъ платкомъ?

Графъ сдѣлалъ движеніе къ нѣмцу, но тотъ отстранилъ его.

— Я въ вашей власти, чудовище! Вы можете надо мною надругиваться, но ваше лицемѣрное участіе невыносимо.

Графъ пожалъ плечами.

— Я не лицемѣрю,—сказалъ онъ,—я только разсказываю событія въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ. Я далъ себѣ слово разсказать исторію моего сына первому нѣмецкому офицеру, съ которымъ мнѣ придется поговорить tête-à-tête. Однако, о чемъ я вамъ говорилъ? Да, о баварскомъ офицерѣ изъ Карлсруэ. Мнѣ очень жаль, капитанъ, что вы не хотите воспользоваться моими слабыми познаніями въ медицинѣ... Въ Карлсруэ моего сына заперли въ старыя казармы, и въ нихъ онъ прожилъ двѣ недѣли. По вечерамъ онъ сидѣлъ у окна своего каземата, а грубыя гарнизоныя крысы издѣвались надъ нимъ: это было самое худшее для сына въ Карлсруэ. Кстати, капитанъ, мнѣ кажется, и вы сейчасъ не на розахъ покоитесь? Вы вздумали затравить волка, а волкъ васъ самихъ схватилъ за горло зубами, не правда ли? Какъ красиво у васъ вышита рубашка, должно быть, ее жена вышивала? Жаль мнѣ вашу жену, впрочемъ, чего ее жалѣть? Одной вдовой больше, одной меньше—не все ли равно! Да, впрочемъ, она сумѣетъ скоро сыскать себѣ утѣшителя... Куда ты лѣзешь, нѣмецкая собака, сиди смирно! Ну, я продолжаю свою исторію. Просидѣвъ двѣ недѣли въ казармахъ, мой сынъ и его товарищъ

бѣжали. Не стану вамъ разсказывать объ опасностяхъ, которымъ они подверглись, ни о лишеніяхъ, которыя имъ приходилось терпѣть. Достаточно сказать, что они шли въ одеждѣ крестьянъ, которыхъ имъ посчастливилось встрѣтить въ лѣсу. Днемъ они прятались гдѣ-нибудь, а по ночамъ шли. Добрались такимъ образомъ до Ремильи во Франціи. Имъ оставалось пройти милю, одну только милю, капитанъ, для того, чтобы быть въ полной безопасности. Но какъ разъ тутъ ихъ захватилъ уланскій патруль. Ахъ, какъ это было тяжело, не правда-ли? Вѣдь это значило потерпѣть крушеніе у самой пристани.

Графъ два раза свистнулъ, и въ комнату вошли три дюжихъ мужика.

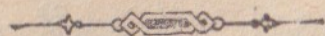
— Эти крестьяне будутъ играть роль моихъ улановъ,— сказалъ графъ.—Продолжаю свою исторію: капитанъ этихъ улановъ сразу же сообразилъ, что имѣетъ дѣло съ переодѣтыми въ штатское французскими офицерами, и велѣлъ ихъ повѣсить безъ суда и слѣдствія... Жанъ, я думаю, что средняя балка будетъ самая подходящая!

Черезъ одну изъ дубовыхъ балокъ въ потолкѣ была перекинута веревка съ петлей. Несчастнаго капитана схватили, потащили... Еще моментъ—и веревка стянула его шею. Мужики схватились за другой конецъ веревки и остановились, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Офицеръ, блѣдный, но спокойный, скрестилъ на груди руки и вызывающе взглянулъ на своего истязателя.

— Вы теперь лицомъ къ лицу со смертью, капитанъ, произнесъ графъ,—губы ваши шевелятся, я догадываюсь, что вы молитесь. Мой сынъ также молился, приготовляясь къ смерти. Но совершенно случайно на мѣсто происшествія прибылъ командиръ полка. Онъ услышалъ, какъ мой мальчикъ молился за свою мать, и это его тронуло... онъ былъ самъ отецъ... Генералъ приказалъ уланамъ удалиться и остался съ осужденнымъ на смерть одинъ, вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ. Узнавъ отъ моего мальчика все—и то, что онъ единственный сынъ старинной фамиліи, и то, что его мать больна—онъ снялъ съ его шеи веревку... Я также снимаю веревку съ вашей шеи. Затѣмъ онъ поцѣловалъ его въ обѣ щеки... Я также васъ цѣлую... А затѣмъ генералъ отпустилъ моего сына и его товарища на всѣ четыре стороны... И я васъ также отпускаю. Желаю вамъ также всѣхъ тѣхъ благъ, которыхъ пожелалъ для моего

сына этотъ благородный генералъ... Къ сожалѣнію, эти пожеланія не спасли моего сына отъ злокачественной лихорадки, которая унесла его въ могилу.

Такимъ-то образомъ вышелъ изъ Чернаго замка на слякоть и дождь въ одно холодное декабрьское утро, окровавленный и съ обезображеннымъ лицомъ, капитанъ Баумгартенъ.

Капитанъ Шаркэ.

Перев. Н. Д. Облеухова.

I. Удивительное приключеніе съ губернаторомъ.

Война за испанское наслѣдство окончилась Утрехтскимъ миромъ, и много неимущаго люда, добывавшаго себѣ кусокъ хлѣба службой въ войскахъ, осталась безъ занятій и заработка. Нѣкоторые изъ этихъ людей пошли по обыденной стезѣ «сухопутнаго» заработка, другіе записались въ рыболовной флотъ, а третьи, болѣе безпокойные, послѣдовали иному призванію.

Да, было много людей, посвятившихъ себя пиратству, объявившихъ войну всему человѣческому роду.

И по морямъ и океанамъ заскользили подозрительныя суда, команда которыхъ вербовалась изъ представителей всѣхъ племенъ и народовъ.

Иногда эти пираты исчезали неизвѣстно куда, иногда же, набравши много добычи, они появлялись въ какомъ-нибудь приморскомъ городѣ. Кутежи пиратовъ поражали своей расточительностью, жестокость же этихъ людей приводила мирныхъ жителей въ ужасъ.

Особенно усердствовали пираты около Коромандельскаго берега, въ Мадагаскарѣ, въ африканскихъ водахъ, у береговъ Вестъ-Индіи и, вообще, во всѣхъ американскихъ моряхъ. Зиму пираты грабили на югѣ новаго материка, а лѣто проводили въ Новой Англіи, прокучивая награбленное.

Старинные пираты были не только страшны, но и благородны.

Этого нельзя было сказать о новыхъ морскихъ разбойникахъ. Они были только свирѣпы и безжалостны. Они не церемонились ни съ кѣмъ и часто предавали плѣнниковъ жестокимъ истязаніямъ. Благородство ихъ носило шутовскій характеръ, но зато свирѣпость не знала никакихъ предѣловъ.

Шутки пиратовъ были страшны. Такъ, однажды, захвативъ купеческій корабль съ грузомъ, они отпустили капитана на свободу, но прежде надругались надъ нимъ. Отрѣзавъ ему носъ и уши, они приготовили изъ нихъ блюдо и заставили несчастнаго съѣсть это страшное кушанье. Въ тѣ времена только самые смѣлые моряки рѣшались на плаваніе по Караибскому морю.

Однимъ изъ такихъ отчаянныхъ моряковъ былъ капитанъ Джонъ Скарроу, командовавшій судномъ «Утренняя Звѣзда».

Но даже и этотъ храбрецъ испустилъ вздохъ облегченія когда его судно, послѣ опаснаго плаванія, бросило, наконецъ, якорь въ ста ярдахъ отъ грозной Бассетерской цитадели. Островъ Сентъ-Киттсъ былъ послѣднимъ этапомъ, и отсюда «Утренняя Звѣзда» должна была направиться къ берегамъ Старой Англіи.

Капитана Скарроу утомило это путешествіе по кишащимъ пиратами морямъ: начиная съ самаго Маракаибо ему пришлось быть на-сторожѣ. «Утренняя Звѣзда» везла очень большой грузъ сахара и краснаго перца, и капитанъ Скарроу съ безпокойнымъ вниманіемъ присматривался къ каждому парусу, который появлялся на фіолетовомъ горизонтѣ тропическаго моря. На всѣхъ стоянкахъ ему приходилось внимать разсказамъ о грабежахъ и насиліяхъ, происшедшихъ незадолго передъ его приходомъ.

Дѣло въ томъ, что какъ разъ передъ этимъ вдоль всего берега прошло пиратское судно, вооруженное двадцатью пушками. Судно это носило имя—«Счастливое Освобожденіе» и принадлежало нѣкоему капитану Шаркэ, который на своемъ вѣку перетопилъ много кораблей и перебилъ много людей. Страшныя сказанія ходили объ этомъ человѣкѣ. Жестокость его не знала границъ и, кромѣ того, онъ любилъ шутить надъ своими жертвами. О, это были угрюмыя, мрачныя шутки!

Его выкрашенное въ черную краску и носящее двусмысленное имя судно начало путь отъ Багамаса и, дойдя до океана, усѣяло весь путь смертью и еще кое-чѣмъ худшимъ, нежели смерть. Все это заставило капитана Скарроу быть въ высшей степени нервнымъ, и, оберегая свой грузъ, онъ пошелъ окольнымъ путемъ; онъ избѣгалъ всякихъ встрѣчъ; но и здѣсь, въ этихъ пустынныхъ водахъ, мрачная слава каптиана Шаркэ гремѣла во всю.

Однажды утромъ «Утренняя Звѣзда» встрѣтила яликъ, безпомощно колебавшійся посрединѣ океана. На яликѣ лежалъ

какой-то матросъ. Онъ былъ безъ сознанія и бредилъ. Когда несчастнаго втаскивали на палубу, онъ дико кричалъ. Языкъ у него весь высохъ и былъ черенъ, какъ грибъ. Бѣднягу привели въ чувство, и онъ оказался молодцоватымъ матросомъ изъ Новой Англіи. Родомъ онъ былъ изъ Марбль-Геда и отправился въ море на шкунѣ, которая имѣла несчастіе попасться страшному Шаркэ. Изо всей команды уцѣлѣлъ онъ одинъ.

Звали этого матроса Хирамъ Эвансонъ. Цѣлую недѣлю ему пришлось пробыть на яликѣ, безъ ѣды и питья, подъ тропическимъ солнцемъ. Въ качествѣ провизіи Шаркэ далъ Эвансону изуродованный трупъ его капитана, но матросъ поспѣшилъ бросить тѣло въ море, во избѣжаніе искушенія, какъ онъ выразился. Жилъ онъ эту недѣлю ужасно и уже впалъ въ безуміе отъ голода. Его спасла совершенно случайно „Утренняя Звѣзда".

Капитанъ Скарроу былъ доволенъ тѣмъ, что нашелъ Хирама Эвансона. Команды у него было мало, и она была плохо вооружена. Этотъ большой и сильный парень изъ Новой Англіи былъ положительно находкой. Скарроу благодарилъ въ душѣ знаменитаго Шаркэ.

— Должно-быть я единственный человѣкъ въ мірѣ, который обязанъ капитану Шаркэ благодарностью,—смѣялся онъ.

Но всѣ эти страхи прошли, и теперь, находясь подъ прикрытіемъ пушекъ Бассетерской крѣпости, капитанъ Скарроу чувствовалъ себя въ сравнительной безопасности отъ пиратовъ. Однако, на душѣ у него заскребли кошки, когда онъ увидалъ, что отъ зданія таможни отчаливаетъ лодка и направляется къ «Утренней Звѣздѣ».

— Держу пари, Морганъ,—сказалъ онъ старшему штурману,—что первое слово, которое произнесетъ таможенный агентъ, будетъ о капитанѣ Шаркэ.

— Что же, капитанъ, я готовъ поспорить съ вами на серебряный долларъ,—отвѣтилъ старый коренастый бристолецъ.

Гребцы-негры, быстро приближались къ судну. Еще моментъ, и одѣтый въ бѣлый полотняный костюмъ агентъ очутился на палубѣ «Утренней Звѣзды».

— Здравствуйте, капитанъ Скарроу! Не слыхали ли вы чего-нибудь о капитанѣ Шаркэ?—воскликнулъ онъ.

Капитанъ взглянулъ на штурмана и ухмыльнулся.

— А какую чертовщину онъ у васъ тутъ надѣлалъ, этотъ Шаркэ?—спросилъ онъ у агента.

— Чертовщину?!. Значитъ, вы ничего не слыхали? Такъ знайте же, что Шаркэ пойманъ и сидитъ въ Бассетерѣ подъ замкомъ. Въ среду его судили, а завтра утромъ будутъ вѣшать.

Капитанъ и штурманъ даже ахнули отъ радости. Вся команда начала радоваться и кричать. О дисциплинѣ было забыто, и всѣ столпились въ одну кучу. Хирамъ Эвансонъ былъ впереди всѣхъ, лицо его сіяло, глаза были молитвенно устремлены на небо. Надо сказать, что Эвансонъ былъ пуританинъ.

— Шаркэ будетъ повѣшенъ!—воскликнулъ онъ.—А знаете ли, господинъ агентъ, не нужно ли здѣшнимъ властямъ палача?

— Назадъ!—крикнулъ штурманъ, который вознегодовалъ на своихъ подчиненныхъ, забывшихъ дисциплину. Это негодованіе пересиливало въ немъ даже желаніе послушать интересныя новости.

А затѣмъ, обратившись къ начальнику, штурманъ произнесъ:

— Никогда я не платилъ за проигранное пари съ такимъ удовольствіемъ, какъ теперь. Я вамъ заплачу охотно этотъ серебряный долларъ, капитанъ Скарроу... Но скажите, пожалуйста, какъ удалось поймать этого негодяя?

— Видите, очень онъ ужъ сталъ жестокъ, такъ жестокъ, что даже своей собственной командѣ опротивѣлъ. Они не захотѣли держать его на кораблѣ и ссадили его на островокъ Литтль-Пэнглзъ, на югѣ Таинственной Бухты. Здѣсь его нашелъ одинъ торговецъ изъ Портобелло, который и доставилъ его въ Сентъ-Киттсъ. Сперва его хотѣли было отправить на Ямайку, чтобы тамъ судить, но нашъ добрый губернаторъ сэръ Чарльзъ Эванъ не хотѣлъ объ этомъ и слышать. «Нѣтъ,—говоритъ онъ,—это мое мясо, самъ его и состряпаю». Если вы у насъ побудете до завтра, до десяти часовъ утра, то вы можете поглядѣть, какъ его будутъ вѣшать.

— Хорошо бы поглядѣть,—печально сказалъ капитанъ,—но я и такъ иду съ опозданіемъ. Я уйду сегодня вечеромъ.

— Ну, это невозможно,—рѣшительно отвѣтилъ агентъ.—Развѣ вы не знаете, что губернаторъ ѣдетъ съ вами?

— Губернаторъ!

— Ну, да. Онъ получилъ приказъ отъ правительства явиться немедленно. Судно, привезшее приказъ объ этомъ, отбыло въ Виргинію. Сэръ Чарльзъ ждалъ вашего прибытія. Я ему доложилъ, что вы прибудете еще до дождей.

— Такъ-то это такъ!—сказалъ съ безпокойствомъ капи-

танъ.—Я—простой морякъ, куда ужъ мнѣ возиться съ разными губернаторами и баронетами. Кажется, я не видалъ ихъ съ роду. Но въ то же время я—вѣрный подданный короля Георга. Если господинъ губернаторъ желаетъ отправиться на «Утренней Звѣздѣ» въ Лондонъ, я сдѣлаю все, что ему угодно. Я даже уступлю ему собственную каюту. Милости просимъ! Насчетъ ѣды долженъ сказать, что мы питаемся по буднямъ рубленнымъ мясомъ съ овощами и винигретомъ, но господинъ губернаторъ, если ему наша пища покажется груба, можетъ взять съ собой на корабль своего повара.

— Не безпокойтесь, капитанъ Скарроу—отвѣтилъ агентъ:—сэръ Чарльзъ въ настоящее время все прихварываетъ и, по всей вѣроятности, онъ все время будетъ сидѣть въ своей каютѣ. Докторъ Ларуссъ приговорилъ его было къ смерти: у губернатора была перемежающаяся лихорадка, но его подвинтилъ арестъ Шаркэ, и онъ поправился. О, это большой человѣкъ, нашъ губернаторъ, только разговаривать не любитъ. Вы ужъ за это на него не сердитесь, капитанъ.

— Пусть губернаторъ дѣлаетъ и говоритъ все, что хочетъ, только бы не мѣшалъ мнѣ въ моихъ дѣлахъ,—сказалъ капитанъ. Онъ—губернаторъ Сентъ-Киттса, а я—губернаторъ «Утренней Звѣзды», и, съ позволенія губернатора, я уйду сегодня вечеромъ. Вѣдь и у меня есть обязанности, по отношенію къ хозяину, точно такія же обязанности, какія есть у вашего губернатора по отношенію къ королю Георгу.

— Едва ли онъ успѣетъ собраться къ вечеру. У него много дѣлъ на рукахъ.

— Ну, тогда мы уйдемъ завтра, рано утромъ.

— Вотъ и прекрасно. Вещи его я пришлю сегодня вечеромъ, а самъ онъ пріѣдетъ завтра, если мнѣ, разумѣется, удастся его уговорить. Онъ хотѣлъ остаться для того, чтобы присутствовать на казни Шаркэ. Думаю, однако, что я его уговорю. Вѣдь онъ долженъ повиноваться приказу и ѣхать спѣшно. Съ нимъ, по всей вѣроятности, поѣдетъ и докторъ Ларуссъ.

Когда агентъ уѣхалъ, капитанъ и штурманъ стали готовиться къ пріѣзду высокопоставленнаго пассажира. Для губернатора была приготовлена самая помѣстительная каюта, которую убрали со всевозможнымъ тщаніемъ. Кромѣ того, послали въ городъ, гдѣ купили нѣсколько бочекъ фруктовъ и ящиковъ съ виномъ.

Вечеромъ на судно привезли багажъ губернатора. Матросы

втаскивали на палубу и громадные, окованные мѣдью, сундуки, и небольшіе ящики съ офиціальными бумагами, и футляры, въ которыхъ хранились треуголки и шпаги.

Послѣ этого капитанъ получилъ письмо. На конвертѣ красовался дворянскій гербъ, и запечатано оно было большой печатью. Сэръ Чарльзъ Эванъ привѣтствовалъ въ этомъ письмѣ капитана Скарроу и увѣдомлялъ его о томъ, что пріѣдетъ завтра, рано утромъ.

И губернаторъ сдержалъ слово. Его шлюпка причалила къ пароходу въ то время, какъ сѣрая мгла разсвѣта только еще начала окрашиваться розовыми лучами зари. На палубу губернаторъ вскарабкался не безъ труда.

Капитану и прежде приходилось слышать, что губернаторъ—большой чудакъ, но онъ ни въ какомъ случаѣ не ожидалъ увидать передъ собой такое потѣшное существо. Сэръ Чарльзъ Эванъ появился на палубѣ и двинулся впередъ, слегка прихрамывая и опираясь на толстую бамбуковую палку. Голова его была покрыта старомоднымъ парикомъ. Волосы были тщательно завиты и закрывали верхнюю часть лица. Глаза были защищены громадными зелеными очками. Носъ у губернатора былъ тонкій и длинный и придавалъ его лицу какое-то хищное выраженіе. Сэръ Чарльзъ Эванъ далеко еще не оправился отъ болѣзни, и шея у него была закутана толстымъ шарфомъ. Поверхъ одежды былъ надѣтъ широкій халатъ, опоясанный шнуркомъ. Двигаясь впередъ, губернаторъ поднималъ носъ вверхъ и безпомощно оглядывался кругомъ своими близорукими глазами.

Наконецъ, онъ закричалъ сердитымъ и высокимъ голосомъ, призывая капитана

Тотъ подошелъ:

— Вы получили мои вещи?

— Точно такъ, сэръ Чарльзъ.

— А вино у васъ есть?

— Заказалъ пять ящиковъ, сэръ.

— А табакъ?

— Волокнистый крѣпкій изъ Тринидада.

— А въ пикетъ вы играете?

— Играю недурно, сэръ.

— Тогда подымайте якорь, и съ Богомъ!

Дулъ свѣжій восточный вѣтеръ, и солнце уже было видно черезъ утренній туманъ.

Дряхлый губернаторъ продолжалъ хромать на палубѣ, придерживаясь одною рукой за парапетъ.

— Теперь вы, капитанъ, очутились на государственной службѣ,—прокаркалъ онъ снова, обращаясь къ Скарроу,—правительство по пальцамъ считаетъ дни, ожидая моего пріѣзда. У васъ полный грузъ на кораблѣ?

— Да, сэръ Чарльзъ.

— Вотъ и прекрасно. Жаль только что я—слѣпой и больной старикъ. Моя компанія не доставитъ вамъ удовольствія.

— Совершенно напротивъ, ваше превосходительство, ваше присутствіе—для меня великая честь. Я очень сожалѣю о томъ, что у васъ болятъ глаза.

— Да, да, а все проклятое южное солнце и эти бѣлыя улицы Бассетера.

— Я слышалъ, что у васъ была также перемежающаяся лихорадка?

— Да, лихорадка задала мнѣ хорошую трепку.

— Мы отвели каюту и для вашего врача.

— Ну, едва ли мы дождемся этого плута. Онъ и не думаетъ ѣхать. Практика у него въ купеческихъ домахъ хорошая, вотъ онъ и уперся.

Вдругъ губернаторъ поднялъ вверхъ руку, украшенную кольцами. Съ берега донесся глухой пушечный выстрѣлъ.

Капитанъ удивился.

— Это съ острова стрѣляютъ; не сигналъ ли это, чтобы мы возвратились назадъ?

Губернаторъ разсмѣялся.

— А развѣ вы не слыхали, что сегодня утромъ должны были повѣсить пирата Шаркэ? Я приказалъ сдѣлать залпъ въ тотъ моментъ, когда негодяя вздернутъ на воздухъ. Мнѣ хотѣлось знать, когда именно это произойдетъ. Теперь дѣло сдѣлано. Шаркэ наступилъ конецъ.

— Конецъ Шаркэ!—подхватилъ капитанъ.

Этотъ возгласъ былъ подхваченъ всей командой, которая стояла группами на палубѣ, глядя на красноватую полоску удаляющагося острова.

Судно выходило при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ въ западный океанъ. Больного губернатора всѣ на кораблѣ полюбили. Всѣ моряки были благодарны ему за избавленіе отъ Шаркэ. Если бы не губернаторъ, негодяя отправили бы на Ямайку, а оттуда онъ, подкупивъ судей и полицію, бѣжалъ бы.

За обѣдомъ губернаторъ разсказалъ много анекдотовъ объ умершемъ пиратѣ. Старикъ оказался очень любезнымъ и обходительнымъ человѣкомъ. Между прочимъ, онъ обладалъ способностью примѣняться къ пониманію людей низшихъ, чѣмъ онъ, по положенію. Капитанъ и штурманъ были отъ него прямо въ восторгѣ. Они чувствовали себя свободно, точно съ товарищемъ бесѣдовали, а не съ высокопоставленнымъ сановникомъ.

— Ну, а какъ Шаркэ держалъ себя на судѣ?—спросилъ капитанъ.

— Ну, на судѣ онъ обнаружилъ полное присутствіе духа. Шаркэ—человѣкъ представительный.

— Ну, какой же онъ представительный! Я слыхалъ, что у него была пребезобразная рожа,—замѣтилъ штурманъ.

— Да, иногда онъ бывалъ безобразнымъ,—согласился губернаторъ.

— А вотъ одинъ китобой изъ новаго Бедфорда говорилъ мнѣ, что онъ во всю свою жизнь не забудетъ глазъ этого Шаркэ. Глаза у него были свѣтлые, свѣтло-голубые, а вѣки красныя и въ складочкахъ. Правда ли, сэръ Чарльзъ?

— Увы, у меня у самаго глаза такъ слабы, что я не вижу глазъ другихъ людей. Но, насколько мнѣ помнится, главный мой адъютантъ описывалъ глаза пирата именно такъ, какъ вы описываете. И, кромѣ того, адъютантъ разсказывалъ, что глупые присяжные засѣдатели терялись всякій разъ, какъ подсудимый на нихъ глядѣлъ. Этимъ присяжнымъ надо радоваться, что Шаркэ умеръ. Шаркэ не оставлялъ ни одной обиды не отомщенной. Что, если бы онъ остался живъ, да если бы кто нибудь изъ этихъ присяжныхъ попался ему въ руки? Онъ сдѣлалъ бы изъ нихъ всѣхъ соломенныя чучела.

И, сказавъ это, губернаторъ разсмѣялся,—разсмѣялся тонкимъ, пронзительнымъ смѣхомъ, напоминающимъ лошадиное ржаніе. Моряки тоже разсмѣялись, но далеко не такъ весело. Имъ пришло на мысль, что Шаркэ далеко не единственный пиратъ, котораго можно встрѣтить въ западныхъ моряхъ, и что и ихъ можетъ постигнуть участь, которая постигла бы присяжныхъ засѣдателей въ томъ случаѣ, если бы Шаркэ остался живъ.

Вина пили много. Окончивъ одну бутылку, раскупорили другую, а затѣмъ губернаторъ потребовалъ третью «для ровнаго счета». Капитанъ и штурманъ отправились послѣ этого къ своимъ обязанностямъ.

Продежуривъ четыре часа на вахтѣ, штурманъ снова спустился въ каюту и изумился. Губернаторъ продолжалъ сидѣть за столомъ, попыхивая трубкой, и передъ нимъ красовались шесть пустыхъ бутылокъ.

«Ну,—подумалъ штурманъ,—хорошо еще, что намъ пришлось пить съ губернаторомъ Сентъ-Киттса въ то время, какъ онъ боленъ. Упаси Боже попасть къ нему въ компанію въ то время, какъ онъ здоровъ».

Путешествіе «Утренней Звѣзды» было благополучно, и черезъ три недѣли она очутилась у устья Британскаго канала. Больной губернаторъ съ перваго же дня началъ поправляться и сдѣлался энергично дѣятеленъ. Люди, защищающіе пользу вина, могли бы сослаться на его примѣръ, ибо онъ повторялъ каждый вечеръ то же самое, что продѣлалъ въ первый день. Несмотря на это, онъ вставалъ рано и уже при первыхъ лучахъ восходящаго солнца выходилъ на палубу и бесѣдовалъ съ матросами. При этомъ онъ страшно интересовался всѣмъ, что касалось до управленія кораблемъ. Если бы не слѣпота губернатора, онъ ни въ чемъ не уступилъ бы никому на суднѣ. Но и это неудобство было устранено. Капитанъ приставилъ къ губернатору спасеннаго имъ уроженца Новой Англіи. Этотъ рослый морякъ водилъ его по кораблю и садился возлѣ него по вечерамъ, когда губернаторъ игралъ въ карты. Безъ посторонней помощи губернаторъ не могъ бы счесть выигрыша или отличить короля отъ валета.

Этотъ Эвансонъ служилъ губернатору съ удовольствіемъ, и это было вполнѣ естественно. Вѣдь Эвансонъ былъ жертвою негодяя Шаркэ, а губернаторъ отправилъ Шаркэ на висѣлицу. Американецъ съ величайшимъ удовольствіемъ сопровождалъ губернатора на его прогулкахъ, а по вчерамъ охотно стоялъ за его стуломъ и подавалъ ему прикупъ.

Губернаторъ почти всегда выигрывалъ и когда «Утренняя Звѣзда» стала подходить къ Англіи, въ карманахъ капитана и старшаго штурмана оставалось очень немного.

Скоро морякамъ пришлось узнать, что у сэра Чарльза Эвана преотвратительный характеръ. Противорѣчій онъ не выносилъ совершенно. При малѣйшемъ намекѣ на противорѣчіе, носъ его поднимался кверху, а бамбуковая трость начинала свистать по воздуху. Однажды онъ съѣздилъ палкой по головѣ плотника за то, что тотъ его случайно толкнулъ, проходя по палубѣ.

Кромѣ того, случилась такая исторія: матросы были недовольны пищей и ворчали. Капитанъ опасался бунта. Услышавъ объ этомъ, губернаторъ сразу же вспылилъ. Онъ воскликнулъ, что съ этими собаками разговаривать нечего, а надо выколотить изъ нихъ бунтовство палками.

— Дайте мнѣ ножъ и дубину,—кричалъ онъ,—и я расправлюсь, какъ слѣдуетъ, съ ихъ коноводомъ!

Насилу-насилу капитанъ Скарроу отговорилъ его отъ его намѣренія. Онъ напомнилъ ему, что на морѣ убійство карается гораздо строже, чѣмъ на землѣ.

Въ политикѣ губернаторъ былъ ярымъ сторонникомъ Ганноверскаго дома и клялся, что готовъ пристрѣлить на мѣстѣ всякаго якобита.

Несмотря, однако, на всю свою необузданность, сэръ Чарльзъ Эванъ былъ пріятнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ отлично умѣлъ разсказывать и помнилъ массу анекдотовъ. Скарроу и Морганъ никогда не проводили время такъ пріятно.

И вотъ, наконецъ, насталъ послѣдній день путешествія. «Утренняя Звѣзда» сдѣлала стоянку у Бичъ-Хедъ. Былъ вечеръ; судно тихо качалось въ недвижномъ морѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Винчельса. Вдали виднѣлись темныя очертанія Донджeнесса. На слѣдующее утро они должны были взять проводника въ Форландъ, а вечеромъ сэръ Чарльзъ долженъ былъ предстать предъ королевскими министрами въ Вестминстерѣ. На вахтѣ стоялъ боцманъ, а три пріятеля собрались въ послѣдній разъ въ каютѣ поиграть въ карты. Высокій американецъ стоялъ за кресломъ губернатора. На столѣ лежало очень много денегъ, такъ какъ моряки сдѣлали попытку отыграться. Губернаторъ вдругъ бросилъ карты, взялъ всѣ деньги и положилъ ихъ себѣ въ карманъ.

— Игра моя,—произнесъ онъ

— Ну, тише, сэръ Чарльзъ, не такъ скоро!—воскликнулъ капитанъ Скарроу.—Игра еще не сыграна, и мы вовсе не проиграли.

— Молчите, вы, лгунъ!—произнесъ губернаторъ.—Я говорю вамъ, что я выигралъ, а вы проиграли.

И, говоря эти слова, онъ сорвалъ съ себя парикъ и очки.

Моряки увидали высокій лобъ, плѣшивую голову и пару пронзительныхъ голубыхъ глазъ, съ красными, какъ у ищейки вѣками.

— Боже мой, да это Шаркэ!—воскликнулъ штурманъ.

Моряки вскочили со стульевъ, но высокій американецъ вынулъ изъ кармана пару пистолетовъ и направилъ ихъ на капитана и штурмана. Мнимый губернаторъ также вынулъ пистолетъ изъ кармана, положивъ его передъ собою на карты и разразился пронзительнымъ, похожимъ на лошадиное ржаніе, смѣхомъ.

— Имя мое, джентльмены, капитанъ Шаркэ, — сказалъ онъ,—а это—Нэдъ Галловей, по прозванію Ревунъ, квартирмейстеръ «Счастливаго Освобожденія». Мы поссорились съ нашей сволочью и насъ высадили: меня на землю, а его въ лодку безъ веселъ. Ахъ, вы, собаки! Жалкія подлыя и трусливыя собаки! Наконецъ-то мы васъ держимъ въ своей власти!

— Вы можете насъ застрѣлить! — крикнулъ Скарроу, ударяя себя въ грудь. — Пусть придетъ моя послѣдняя минута, Шаркэ, но я скажу, что вы кровопійца, и что васъ ждутъ адъ и мученія.

Пиратъ потеръ руки и произнесъ:

— Эге, это человѣкъ храбрый! Это человѣкъ вродѣ меня! Я съ удовольствіемъ посмотрю, какъ онъ будетъ умирать. Теперь пусть онъ передохнетъ немножко. Скажи-ка, Нэдъ, большая лодка готова?

— Точно такъ, капитанъ.

— А другія лодки ты просверлилъ?

Въ каждой по три дыры.

— Ну, въ такомъ случаѣ, мы должны покинуть васъ, капитанъ Скарроу. У васъ такой видъ, точно вы не можете опомниться. Не хотите ли вы о чемъ-нибудь попросить меня?

— Я полагаю, что вы самъ дьяволъ!—воскликнулъ капитанъ.—Но гдѣ же губернаторъ Сентъ-Киттса?

— Когда я видѣлъ его превосходительство послѣдній разъ, онъ лежалъ въ своей постели съ перерѣзаннымъ горломъ. Убѣжавъ изъ тюрмы, я узналъ отъ своихъ друзей, которые у меня есть повсюду, что губернаторъ отправляется въ Европу на кораблѣ, капитанъ котораго никогда не видалъ его. И вотъ я вскарабкался на балконъ его дома и уплатилъ ему маленькій должокъ. А затѣмъ, я прибылъ къ вамъ, захвативъ нужныя вещи и взявъ пару очковъ, которыя должны были скрыть мои глаза. Губернатора, какъ вы знаете, я разыгралъ хорошо... Ну а теперь, Нэдъ, намъ пора съ ними расправляться.

— На помощь! На помощь! Вахтенный сюда!—закричалъ штурманъ.

Шаркэ поднялъ пистолетъ: грянулъ выстрѣлъ, и штурманъ упалъ на полъ.

Скарроу бросился къ двери, но Нэдъ Галловей предупредилъ его и, охвативъ одной рукой за талью, другой зажалъ ротъ.

— Напрасно, право напрасно, господинъ Скарроу,—произнесъ Шаркэ.—Становитесь-ка лучше на колѣнки да просите, чтобы я васъ помиловалъ.

— Чортъ тебя дери!—кричалъ Скарроу, стараясь вырваться отъ американца.

— Ну-ка, выверни ему руку, Нэдъ. А что, теперь вы станете на колѣни?

— Ни за что на свѣтѣ, хотя оторви мнѣ руку прочь!

— Ну-ка, всунь ему ножъ въ тѣло на одинъ дюймъ.

— Всовывай хоть на шесть! Все равно не стану просить о помилованіи.

— Чортъ меня возьми, онъ мнѣ нравится!—воскликнулъ Шаркэ.—Положи ножъ въ карманъ, Нэдъ. Вы спасли свою шкуру, Скарроу, и мнѣ, право, жаль, что такой смѣлый человѣкъ, какъ вы, не избралъ моей карьеры. Порядочные люди въ наше время только и могутъ заниматься пиратствомъ. Очевидно, Скарроу, вамъ не суждена обыкновенная смерть. Вы были въ моихъ рукахъ и остались живы, а это много значитъ. Свяжи-ка его, Нэдъ.

— А потомъ положить его въ печку?

— Потише. Видишь, въ печкѣ огонь. Пожалуйста, безъ твоихъ дурацкихъ шутокъ, Нэдъ Галловей, я не просилъ тебя шутить. Если будешь говорить дерзости, то я тебѣ напомню, кто изъ насъ капитанъ и кто квартирмейстеръ. Привяжи его къ столу.

— Ну, вотъ. А я думалъ, что вы хотите его зажарить,—отвѣтилъ американецъ.—Неужто вы оставите его въ живыхъ?

— Послушай, Нэдъ, если насъ съ тобой ссадили съ судна вдвоемъ, то это еще не значитъ, что я пересталъ быть твоимъ начальникомъ. Ты долженъ мнѣ повиноваться, мерзавецъ ты этакій, а то смотри ты у меня.

— Ну, ну, капитанъ Шаркэ, не сердитесь, — проговорилъ американецъ, а затѣмъ поднялъ капитана Скарроу, какъ ребенка, и положилъ его на столъ.

Быстро и ловко связавъ его по рукамъ и ногамъ, онъ привязалъ его послѣ этого къ столу. Ротъ ему онъ заткнулъ боль-

шимъ шарфомъ, который прежде украшалъ шею губернатора Сентъ-Киттса.

— Ну, капитанъ Скарроу, теперь мы должны съ вами проститься. Если бы у меня было полдюжины моихъ смѣлыхъ ребятъ, я бы заполучилъ и вашъ грузъ, и вашъ корабль. Но Нэдъ Ревунъ не могъ найти среди вашей сволочи ни одного подходящаго человѣка. По сосѣдству здѣсь плаваетъ нѣсколько рыболовныхъ судовъ, и однимъ изъ нихъ мы завладѣемъ. Когда у капитана Шаркэ есть лодка, онъ можетъ получить рыболовное судно. Имѣя рыболовное судно, онъ получитъ бригъ; имѣя бригъ, онъ получитъ барку, имѣя барку онъ получитъ вооруженный пушками корабль. Торопитесь же въ Лондонъ, а то я вернусь, пожалуй, назадъ, да и отниму у васъ «Утреннюю Звѣзду».

Капитанъ Скарроу слышалъ, какъ повернулся ключъ за вышедшими пиратами. Онъ слышалъ ихъ шаги на палубѣ. Они подошли къ кормѣ и стали отвязывать большую лодку. Скарроу началъ рваться. Раздался плескъ волны; лодка была уже на водѣ. Еще съ большимъ бѣшенствомъ онъ старался освободиться. Наконецъ, ему это удалось, и онъ упалъ со стола прямо на тѣло убитаго штурмана. Онъ вскочилъ, выломалъ дверь и бросился безъ шляпы на палубу.

— Сюда! Петерсонъ, Эрмитажъ, Вильсонъ, сюда! Тащите ножи и пистолеты! Спускайте большую лодку! Видите вонъ ту лодку? Въ ней находится пиратъ Шаркэ! Влѣзайте въ лодку всѣ! Надо его непремѣнно изловить.

Лодки были спущены, но сейчасъ же начали тонуть

— Лодки просверлены!—закричали матросы.—Онѣ текутъ, какъ рѣшето!

Капитанъ крѣпко выругался. Онъ былъ побѣжденъ окончательно. Безоблачное, покрытое звѣздами, небо висѣло надъ моремъ; не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтерка, и паруса чуть замѣтно колыхались въ лунномъ сіяніи.

Вдали виднѣлось рыболовное судно. На его палубѣ работали надъ неводомъ нѣсколько рыбаковъ. Маленькая лодочка приближалась къ этому рыболовному судну, ныряя въ волнахъ, освѣщенныхъ мѣсяцемъ.

— Эти рыбаки погибли!—воскликнулъ капитанъ.—Крикните-ка имъ, ребята, пошибче! Надо ихъ продупредить объ опасности.

Но было уже поздно.

Какъ разъ въ эту минуту лодочка приблизилась къ рыболовному судну. Раздались два пистолетныхъ выстрѣла, затѣмъ стонъ, а затѣмъ снова пистолетный выстрѣлъ, послѣ котораго наступило молчаніе. Кучка рыбаковъ исчезла. И вдругъ—отъ береговъ подулъ вѣтеръ, паруса рыболовнаго суденушка стали надуваться, и оно медленно поплыло, направляясь къ Атлантическому океану.

II. Роковая борьба.

Кренгованіе *) совершенно необходимо для хорошаго пирата. Пиратское судно должно быть быстроходно. Только въ такомъ случаѣ оно и можетъ нагнать купеческое судно или спастись отъ военнаго. Но какъ сохранить быстроходность корабля? Для этого нужно время отъ времени—разъ въ годъ, по меньшей мѣрѣ—очищать дно корабля отъ морскихъ растеній и раковинъ, къ нему прилипающихъ. Особенно много этихъ раковинъ въ тропическихъ моряхъ.

Для того, чтобы очистить корабль, его облегчаютъ отъ груза и вводятъ въ какую-нибудь укромную и мелководную бухточку. Здѣсь къ мачтамъ прикрѣпляются канаты на блокахъ, и судно кладется на бокъ такимъ образомъ, чтобы его подводная часть вышла изъ воды. Послѣ этого вся внѣшняя часть корабля, начиная отъ кормы и кончая носомъ, чистится самымъ усерднымъ образомъ.

Въ періодъ кренгованія, длящагося нѣсколько недѣль, корабль становится, разумѣется, беззащитнымъ, но, съ другой стороны, къ нему невозможно приблизиться груженому и вооруженному судну. Кромѣ того, кренгованіе производится втайнѣ, и о томъ, гдѣ оно происходитъ, никто не знаетъ.

Пираты-капитаны кренгующихся кораблей умѣли устраиваться такъ, что имъ не грозила никакая опасность. Иногда они даже, оставивъ кренгующееся судно подъ присмотромъ нѣсколькихъ людей, сами отправлялись въ большой лодкѣ въ увеселительную экспедицію. Чаще всего въ это время кутили въ сосѣднихъ портахъ, ухаживали за женщинами или поили обывателей на площадяхъ виномъ, угрожая смертью каждому, кто откажется отъ угощенія.

---

*) Кренгованіемъ называется чистка и починка судна, для чего послѣднее подводится къ берегу и кладется на бокъ, такъ чтобы обнажилось его днище.

Иногда пираты появлялись даже въ такихъ городахъ, какъ Чарльстонъ, и разгуливали по его улицамъ, гремя саблями и открыто насмѣхаясь надъ правосудіемъ. Не всегда, впрочемъ, эти выходки сходили пиратамъ безнаказанно. Всѣ помнятъ, напримѣръ, какъ лейтенантъ Майнаръ отрубилъ голову пирату, который былъ извѣстенъ населенію подъ именемъ Черной Бороды. Голова преступника была прибита гвоздями къ носовой части его же собственнаго корабля.

Но такіе случаи были сравнительно рѣдки. Въ большинствѣ же случаевъ пираты скандалили и безобразничали безъ всякой помѣхи, а затѣмъ снова и безъ всякихъ препятствій уходили въ море грабить.

Единственнымъ пиратомъ, который никогда не показывался въ прибрежныхъ городахъ былъ зловѣщій Шаркэ, капитанъ «Счастливаго Освобожденія». Шаркэ былъ мрачный, необщительный и злой человѣкъ; кромѣ того, на немъ тяготѣло слишкомъ много отвратительнѣйшихъ преступленій. Вотъ причины, въ силу которыхъ онъ не осмѣливался показываться въ мѣстахъ, гдѣ жили покорные закону люди.

Когда нужно было чистить судно, Шаркэ поручалъ присмотръ за нимъ своему главному квартирмейстеру Нэду Галловелю, а самъ отправлялся въ лодкѣ въ продолжительное путешествіе. Одни говорили, что пиратъ въ этихъ случаяхъ отвозилъ въ укромное мѣсто свою долю добычи, но въ то же время доподлинно было извѣстно, что въ это время Шаркэ любилъ охотиться за дикими быками въ Испаньолѣ. Эти животныя приготовлялись особеннымъ образомъ, жарились цѣликомъ и грузились затѣмъ на барку. Шаркэ предварительно уславливался съ Нэдомъ Галловеемъ о мѣстѣ встрѣчи. «Счастливое Освобожденіе» приходило въ условное мѣсто и брало на бортъ своего начальника и убитыхъ имъ быковъ.

Жители острова надумались изловить Шаркэ во время одной изъ этихъ экспедицій. И вотъ однажды въ Кингстонѣ было получено извѣстіе такого рода, что на его основаніи становилось возможно попытать счастья и изловить пирата.

Извѣстіе привезъ старый дровосѣкъ, попавшій въ руки Шаркэ, но спасшійся какимъ-то чудомъ. Шаркэ въ это время пьянствовалъ и былъ въ благодушномъ настроеніи. По отношенію къ дровосѣку онъ ограничился «пустяками»: наказалъ его палками, разрѣзалъ носъ и затѣмъ отпустилъ на всѣ четыре стороны.

Разсказъ дровосѣка былъ точенъ и толковъ. Онъ сообщилъ, что «Счастливое Освобожденіе» кренгуется въ Торбекѣ, къ юго-западу отъ Испаньолы, а самъ Шаркэ съ четырьмя пиратами охотится на сосѣднемъ Коровьемъ островѣ.

Кровь многихъ сотенъ зарѣзанныхъ пиратами моряковъ вопіяла объ отмщеніи. Надо было попытаться изловить злодѣя.

Сэръ Эдвардъ Кэмптонъ, губернаторъ Кингстона, человѣкъ съ краснымъ лицомъ и большимъ носомъ, немедленно же приступилъ къ торжественному совѣщанію съ комендантомъ и президентомъ совѣта. Изъ этого совѣщанія ничего не вышло, и сановники рѣшительно не могли придумать, какимъ способомъ изловить пирата. Военныхъ судовъ ближе Джемстоуна не было, да и тамъ стояло только одно старое и тихоходное суденышко. Нечего было и мечтать о томъ, чтобы это судно догнало пирата въ открытомъ морѣ или же подстерегло его въ Торбекской бухтѣ. Солдатъ, годныхъ для экспедиціи, тоже не было. Въ Кингстонѣ и Портъ-Ройялѣ стояли только артиллеристы.

Вообще администрація оказывалась безсильной, нужно было обратиться къ личной иниціативѣ частныхъ лицъ.

Въ Кингстонѣ многіе ненавидѣли Шаркэ смертельной ненавистью, но что могли сдѣлать эти люди? Пиратовъ было много, и они были свирѣпы. Предположимъ, что можно отправиться прямо на Коровій островъ и устроить облаву на Шаркэ и его четырехъ товарищей, но какъ ихъ тамъ найти? Островъ весь покрытъ лѣсомъ, и на немъ на каждомъ шагу попадаются горы и непроницаемыя джунгли.

И вотъ губернаторъ объявилъ, что выдастъ награду тому, кто укажетъ, какъ поймать Шаркэ. Въ результатѣ появился человѣкъ, у котораго былъ свой собственный планъ экспедиціи, и, мало того,—онъ брался самъ привести этотъ планъ въ исполненіе.

Стефенъ Краддокъ былъ человѣкъ незаурядный,—это былъ пуританинъ, сбившійся съ истиннаго пути. Вышелъ онъ изъ хорошей семьи, жившей въ Салемѣ, и многіе говорили, что его порочность была протестомъ противъ суроваго религіознаго воспитанія, полученнаго имъ въ дѣтствѣ. Ставъ на стезю порока, онъ принесъ туда громадную физическую силу и энергію, полученную имъ отъ предковъ. Краддокъ былъ изобрѣтателенъ, неустрашимъ и упоренъ въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей. Онъ былъ еще совсѣмъ молодъ, когда имя его гремѣло по всему американскому побережью.

Въ молодости этотъ Краддокъ убилъ вождя семиноловъ. За это его судили въ Виргиніи, и ему угрожала смертная казнь. Краддокъ былъ оправданъ, но всѣ знали, что этимъ оправданіемъ онъ обязанъ подкупу свидѣтелей и судьи.

Впослѣдствіи Краддокъ занимался работорговлей и, какъ сплетничали, пиратствомъ. Такъ или иначе, но въ Бенинѣ о Краддокѣ ходили дурные слухи. Съ годами онъ остепенился и вернулся на постоянное жительство въ Ямайку. Теперь онъ былъ человѣкъ богатый, жилъ одиноко и сильно кутилъ.

Таковъ былъ этотъ худощавый, суровый и опасный человѣкъ. Онъ-то и предложилъ губернатору свой планъ изловленія Шаркэ.

Принялъ его сэръ Эдвардъ далеко не съ восторгомъ. Несмотря на то, что въ городѣ говорили, что Краддокъ исправился и сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, губернаторъ продолжалъ глядѣть на него какъ на паршивую овцу, которая можетъ испортить все его маленькое стадо.

Видя сухое и вѣжливое обращеніе съ нимъ сэра Эдварда и прекрасно понимая причины этой холодности, Краддокъ сказалъ:

— Не бойтесь меня, сэръ. Я сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Многіе годы я блуждалъ во мракѣ грѣха, но теперь снова увидѣлъ свѣтъ. Обязанъ я этимъ своему земляку, преподобному Джону Симсонсу. Побесѣдуйте съ нимъ, совѣтую вамъ: вы получите отъ него большую пользу

Губернаторъ принадлежалъ къ епископальной церкви, и поэтому совѣтъ Стефана Краддока ему совсѣмъ не понравился.

— Но мы, кажется, должны бесѣдовать о Шаркэ, мистеръ Краддокъ,—произнесъ онъ сухо.

— Мужъ Шаркэ есть сосудъ гнѣва,—отвѣтилъ Краддокъ,— рогъ его беззаконія переполнился, и я имѣю такую мысль, что сдѣлаю богоугодное дѣло, если мнѣ удастся его истребить. Если я его истреблю, мнѣ простится много грѣховъ, совершенныхъ мною въ моей неразумной молодости. Провидѣніе открыло мнѣ, какимъ образомъ я могу истребить Шаркэ.

Губернаторъ страшно заинтересовался. Мрачный и дѣловитый видъ его собесѣдника и выраженіе его рябого лица свидѣтельствовали о томъ, что онъ говоритъ совершенно серьезно. Какъ ни какъ, а Стефенъ Краддокъ опытный морякъ и воинъ и, кромѣ того, ему хочется загладить свое прошлое—искупить

свои грѣхи передъ Богомъ. Лучшаго человѣка для такого дѣла и найти нельзя.

— Но вѣдь это опасное дѣло, мистеръ Краддокъ,—сказалъ онъ.

— Ну, что же? Если я и погибну, то этимъ искупится моя грѣшная жизнь. Мнѣ приходится многое отмаливать.

Губернаторъ не нашелъ, что возразить на эти слова.

— Въ чемъ же заключается вашъ планъ?—спросилъ онъ.

— Вы, можетъ-быть, слышали о томъ, что судно капитана Шаркэ „Счастливое Освобожденіе" происходитъ изъ этого самаго порта?

— Какъ же, слыхалъ. Она принадлежала Кодрингтону, но была захвачена Шаркэ,—отвѣтилъ Эдвардъ.

— Совершенно вѣрно, но знаете-ли вы, что у Кодрингтона есть судно, какъ двѣ капли воды похожее на «Счастливое Освобожденіе?» Оно называется «Бѣлой Розой» и сейчасъ стоитъ въ нашей гавани. «Бѣлая Роза» окрашена въ бѣлую краску, но если ее выкрасить въ черную, то она станетъ двойникомъ «Счастливаго Освобожденія».

Губернаторъ ничего не понялъ, но сдѣлалъ видъ, что понимаетъ и спросилъ:

— Ну, и что-же дальше?

— А то, что она отдастъ въ наши руки этого человѣка.

— Но какимъ же образомъ?

— Я выкрашу ее въ черный цвѣтъ, приведу въ такой видъ, что она станетъ похожа на «Счастливое Освобожденіе», и отправлюсь на ней на Коровій островъ, гдѣ этотъ человѣкъ бьетъ теперь дикихъ быковъ. Увидавъ мое судно, онъ приметъ его за свое и войдетъ на него на свою же собственную погибель.

Планъ былъ очень простъ; губернатору онъ показался хорошимъ и легко осуществимымъ. И, не колеблясь, онъ далъ Краддоку разрѣшеніе дѣйствовать, какъ ему угодно. Впрочемъ, сэръ Эдвардъ не особенно разсчитывалъ на успѣхъ. Попытки изловить Шаркэ дѣлались уже не разъ, и результатъ этихъ попытокъ показалъ, что хитрость и лукавство Шаркэ не уступали его свирѣпости.

Но что же изъ этого? Этотъ мрачный пуританинъ былъ такъ же хитеръ и безжалостенъ, какъ и Шаркэ.

Состязаніе между Шаркэ и Стефеномъ Краддокомъ показалось губернатору очень интереснымъ.

Онъ былъ прирожденный спортсменъ. Въ глубинѣ души онъ

не вѣрилъ въ побѣду Краддока, но Краддокъ оказывался его «фаворитомъ», и онъ поэтому добросовѣстно поддерживалъ его, такъ же добросовѣстно, какъ если бы онъ держалъ пари за какую-нибудь лошадь или пѣтуха.

Съ предпріятіемъ нужно было изо всѣхъ силъ торопиться, нужно было осуществить его ранѣе, чѣмъ «Счастливое Освобожденіе закончитъ свою чистку. Если пираты успѣютъ уйти въ море, тогда все пропало. Къ счастью, однако, хлопотъ оказалось немного, команду судна навербовали скоро, такъ какъ въ желающихъ посчитаться съ Шаркэ недостатка не было.

«Бѣлая Роза» вышла въ море уже на второй день. Въ портѣ было много моряковъ, которые видали корабль капитана Шаркэ, и всѣ они согласно утверждали, что между «Бѣлой Розой» и «Счастливымъ Освобожденіемъ» нѣтъ никакой разницы.

Бѣлый корпусъ ея былъ выкрашенъ въ черный, ея мачты и реи умышленно закопчены. Судно имѣло теперь такой видъ, что можно думать, что оно долгое время уже находилось въ морѣ. Для полнаго сходства къ передней стеньгѣ пришили большой лоскутъ.

Команда была набрана изъ охотниковъ. Среди этихъ людей многіе совершали плаванія съ Стефеномъ Краддокомъ въ прежнія времена. На первомъ планѣ стоялъ штурманъ Іосія Гердъ; прежде онъ былъ работорговцемъ, и при его помощи Краддокъ совершилъ не мало преступленій. Въ хорошихъ отношеніяхъ они находились и до сихъ поръ; Гердъ явился на „Бѣлую Розу“ по первому призыву своего патрона.

И вотъ это, несущее съ собой месть и правосудіе судно понеслось по Караибскому морю. Маленькія рыболовныя суда, видя еще издали страшный парусъ съ цвѣтнымъ лоскутомъ, въ перепугѣ улепетывали въ разныя стороны.

Послѣ четырехдневнаго путешествія барка миновала портъ Абаку.

На пятый день она уже бросила якорь въ Черепашьей бухтѣ Коровьяго острова, на которомъ охотился Шаркэ со своими четырьмя сообщниками. Весь островъ густо заросъ пальмами и кустарникомъ. Песчаный берегъ шелъ полукругомъ и напоминалъ серебряный полумѣсяцъ. Слѣдовъ присутствія людей не было никакихъ. Приходилось ждать.

И вотъ «Роза» выкинула черный флагъ и красный вымпелъ. Отвѣта никакого. Напрасно Краддокъ всматривался въ море,

стараясь разглядѣть лодку, на которой Шаркэ приближается къ кораблю. Ничего не было видно.

Такъ прошла ночь, затѣмъ прошелъ день, а затѣмъ снова ночь. О Шаркэ и пиратахъ не было и помина. Дѣло было похоже на то, что «Бѣлая Роза» опоздала, и что Шаркэ уже покинулъ Коровій островъ.

На слѣдующій день Краддокъ сошелъ на берегъ, на поиски. То, что онъ нашелъ тамъ, вселило въ него новую увѣренность въ успѣхѣ. Въ одномъ укромномъ мѣстечкѣ въ лѣсу былъ найденъ цѣлый складъ провяливаемаго мяса. Было ясно, что пираты все еще охотятся на островѣ.

Но почему же они до сихъ поръ не показывались? Неужели они заподозрѣли обманъ, поняли, что ихъ хотятъ заманить на бортъ чужого корабля? Или, можетъ быть, они все это время охотились внутри острова, вдали отъ берега, и не успѣли еще увидѣть барки?

Краддокъ колебался и не зналъ, что ему дѣлать. Сомнѣнія его были разрѣшены случайно встрѣтившимся индѣйцемъ, который сообщилъ, что пираты находятся на островѣ, въ разстояніи одного дня ходьбы отъ морского берега. Индѣецъ бранилъ пиратовъ и говорилъ, что они отняли у него жену. Онъ показалъ свою спину: она была вся въ багровыхъ рубцахъ отъ полученныхъ ударовъ.

— Враги моихъ враговъ—мои друзья, и я укажу господину, гдѣ находятся эти люди, — закончилъ свой разсказъ индѣецъ.

Краддоку ничего иного и не было нужно. И вотъ раннимъ утромъ маленькая экспедиція, вооруженная и снаряженная какъ слѣдуетъ, двинулась, слѣдуя за индѣйцемъ-караибомъ, въ глубь острова. Цѣлый день они пробирались черезъ кусты и карабкались по скаламъ; кое-гдѣ они встрѣчали слѣды охотниковъ—кости убитаго быка, слѣды ногъ на болотѣ. Къ вечеру они услышали отдаленные выстрѣлы.

Ночь экспедиція провела въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ. На разсвѣтѣ встали и снова двинулись впередъ. Около полудня добрались до нѣсколькихъ шалашей изъ древесной коры. Проводникъ-индѣецъ сообщилъ, что это и есть стоянка охотниковъ. Въ шалашахъ, однако, никого не было. Очевидно, пираты ушли на охоту и вечеромъ возвратятся. Краддокъ и товарищи засѣли въ кусты—поджидать, но такъ никого и не дождались. Такъ прошла вторая ночь.

Всѣ средства были, такимъ образомъ, испробованы. Краддокъ, оставившій свой корабль два дня тому назадъ, рѣшилъ вернуться.

Обратный путь былъ совершенъ гораздо скорѣе и легче, такъ какъ дорога была извѣстна. Еще до вечера Краддокъ и товарищи достигли Черепашьей бухты. «Бѣлая Роза» стояла на якорѣ, на прежнемъ мѣстѣ. Лодки и весла находились въ кустахъ, опять-таки на своемъ мѣстѣ. Краддокъ велѣлъ спустить лодку на воду, и путники двинулись къ баркѣ.

Первымъ кого они увидали, былъ Іосія Гердъ. Лицо его было блѣдно. Выглядывая изъ-за кормы, онъ крикнулъ:

— Видно, нѣтъ удачи?

— Да, стоянка оказалась пустой, но онъ, можетъ быть, еще подойдетъ сюда,—отвѣтилъ Краддокъ, хватаясь за веревочную лѣстницу и готовясь взлѣзать на корабль.

Кто-то на палубѣ засмѣялся, а Іосія произнесъ:

— Прикажите-ка, Краддокъ, этимъ людямъ остаться въ лодкѣ.

— Это почему?

— Да вы сами это увидите, какъ взойдете на палубу,— какимъ-то страннымъ тономъ отвѣтилъ Іосія Гердъ.

Краддокъ разсердился.

— Что это значитъ, мистеръ Гердъ?!—воскликнулъ онъ, вскакивая на бортъ судна.—Никакъ вы присвоили себѣ команду надъ судномъ?

Но въ то время, какъ Краддокъ перелѣзалъ черезъ парапетъ палубы, къ нему приблизился матросъ съ бородой цвѣта пакли—этого человѣка онъ никогда прежде не видалъ—и, схвативъ его за руку, вырвалъ у него пистолетъ. Краддокъ схватилъ этого человѣка за руку, но въ это время къ нему приблизился Іосія Гердъ и сорвалъ съ него кортикъ.

— Что это за подлости?!—воскликнулъ Краддокъ, бѣшено оглядываясь во всѣ стороны.

Команда стояла на палубѣ маленькими группами. Люди перешептывались между собою и смѣялись. Никто не обнаруживалъ желанія подойти къ Краддоку и освободить его.

Краддокъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы наблюдать происходящее вокругъ него; однако, онъ замѣтилъ, что команда была одѣта очень странно. Одни были облечены въ верховые костюмы, другіе были въ бархатныхъ платьяхъ и шелковыхъ чулкахъ, подвязанныхъ у колѣнъ пестрыми лентами.

Всѣ эти господа походили болѣе на свѣтскихъ людей, чѣмъ на моряковъ. Глядя на эти странныя фигуры, Краддокъ подумалъ, что онъ грезитъ, и, чтобы очнуться, началъ самъ трясти себя за голову. Палуба стала гораздо грязнѣе, чѣмъ она была два дня тому назадъ. И кто это такіе—эти люди, такъ пристально всматривающіеся въ него? Никого изъ нихъ, кромѣ Іосіи Герда, Краддокъ не зналъ.

Ужъ не захватили ли барку, за его отсутствіемъ, пираты? Ужъ не пираты ли капитана Шаркэ окружаютъ его въ настоящую минуту?

Когда Краддоку пришла въ голову эта страшная мысль, онъ дико рванулся назадъ; онъ пытался спуститься назадъ въ лодку, но, увы, было поздно. Полдюжины рукъ вцѣпились въ него, и черезъ нѣсколько секундъ онъ очутился у дверей собственной каюты.

И каюта стала совсѣмъ другой. И полъ, и потолокъ, и обстановка—все было совсѣмъ другое. Его собственная каюта была убрана съ суровой простотой, а эта, въ которой онъ теперь стоялъ, поражала одновременно и роскошью, и грязью. Занавѣси изъ дорогого бархата были забрызганы виномъ, панели изъ рѣдкаго дерева были всѣ въ дырахъ отъ пистолетныхъ пуль. На столѣ была разослана большая карта Караибскаго моря, а надъ нею, съ компасомъ въ рукѣ, сидѣлъ гладко выбритый и блѣднолицый человѣкъ въ мѣховой шапкѣ и красномъ шелковомъ халатѣ. Краддокъ взглянулъ на длинный, тонкій, съ открытыми ноздрями носъ и смертельно поблѣднѣлъ,

На Краддока были устремлены насмѣшливые глаза съ красными вѣками. Шаркэ молчаливо насмѣхался надъ противникомъ, котораго онъ такъ ловко обошелъ.

— Шаркэ!—воскликнулъ Краддокъ.

Тонкія губы Шаркэ открылись, и онъ расхохотался пронзительнымъ, насмѣшливымъ смѣхомъ.

— Ахъ, ты, дуракъ!—воскликнулъ онъ.

И, приблизившись къ Краддоку, онъ ударилъ его нѣсколько разъ по плечу своимъ компасомъ.

— Ахъ ты, дуракъ, живая тупица! Съ чего это тебѣ вздумалось боротся со мною?

Не боль отъ этихъ ударовъ, но презрѣніе, звучавшее въ голосѣ Шаркэ, довело Краддока до дикаго безумія. Съ крикомъ бѣшенства онъ кинулся на пирата... Шесть человѣкъ едва-едва успѣли сладить съ нимъ и повалить на полъ, среди обломковъ

разбитаго вдребезги стола. И всѣ эти шесть человѣкъ были болѣе или менѣе серьезно помяты Краддокомъ. Шаркэ продолжалъ смотрѣть на него презрительнымъ взглядомъ.

Откуда-то вблизи донесся трескъ ломающагося дерева и крики испуганыхъ людей.

— Это что такое?—спросилъ Шаркэ.

— Потопили лодку, а люди всѣ пошли ко дну.

— Ну, и пускай ихъ тамъ лежатъ,—отвѣтилъ пиратъ.—Ну, Краддокъ, теперь вы знаете, куда попали. Вы находитесь на моемъ кораблѣ, и ваша жизнь зависитъ отъ моей воли. Я знаю, что, живя на берегу, вы были добрымъ морякомъ, и тогда ваши руки были не чище моихъ. Хотите ли подписать условіе, какъ сдѣлалъ это вашъ штурманъ, и присоединиться къ намъ, или я васъ отправлю туда, гдѣ находятся всѣ ваши товарищи.

— Гдѣ мое судно?—спросилъ Краддокъ.

— Въ бухтѣ, съ просверленнымъ дномъ.

— А команда?

— Тоже въ бухтѣ.

— Въ такомъ случаѣ я тоже хочу идти въ бухту.

Шаркэ скомандовалъ:

— Подрѣзать ему колѣнныя жилы и бросить его въ воду!

Дюжіе матросы потащили Краддока на палубу. Квартирмейстеръ Галловей вытащилъ свой ножъ и готовился произвести надъ нимъ ужасную операцію, какъ вдругъ изъ капитанской каюты поспѣшно вышелъ капитанъ Шаркэ.

— Стойте! Мы съ этой собакой расправимся гораздо лучше,—сказалъ онъ.—Ей Богу, мнѣ въ голову пришелъ великолѣпный планъ. Закуйте его въ оковы и бросьте его въ трюмъ. А ты, квартирмейстеръ иди ко мнѣ: я скажу тебѣ, что надумалъ.

Такимъ образомъ, Краддокъ, избитый, израненый, былъ брошенъ въ темный трюмъ.

Онъ былъ скованъ такъ, что не могъ двинуть ни рукой, ни ногой. Но духъ его былъ бодръ. Онъ не отчаивался, а совершенно напротивъ, жаждалъ мученической смерти, которой могъ бы искупить свои прежніе грѣхи. Всю ночь лежалъ онъ на кораблѣ, прислушиваясь къ всплескамъ воды. Корабль былъ, очевидно, уже въ ходу и шелъ чрезвычайно быстро. Рано утромъ кто-то пришелъ къ нему. Въ темнотѣ онъ узналъ по голосу пришедшаго. Это былъ измѣнившій ему штурманъ Іосія Гердъ.

— Вотъ ромъ и бисквиты, мистеръ Краддокъ. Я принесъ ихъ вамъ съ опасностью для жизни.

— О! это ты заманилъ меня въ ловушку и предалъ меня врагамъ?—воскликнулъ Краддокъ.—Какъ ты оправдаешься въ этомъ поступкѣ?

— Мистеръ Краддокъ, я сдѣлалъ это не по доброй волѣ: мнѣ угрожала смерть.

— Ну, Богъ проститъ тебя за трусость, Іосія Гердъ; но какъ ты попалъ къ пиратамъ?

— Видите ли, мистеръ Краддокъ, пиратское судно пришло въ бухту какъ разъ въ тотъ день, когда вы отправились на островъ. Они взяли насъ на абордажъ. Насъ было мало, и мы были плохо вооружены—вѣдь вы взяли съ собой самыхъ лучшихъ людей,—ну, однимъ словомъ, мы могли оказать имъ только самое слабое сопротивленіе, и они побѣдили. Нѣкоторые изъ насъ были убиты въ бою, другихъ зарѣзали послѣ; я спасъ себѣ жизнь, заключивши съ ними условіе.

— А «Розу» они, значитъ, затопили?

— Да, затопили. А потомъ Шаркэ и его спутники, наблюдавшіе за нами изъ-за кустарниковъ, прибыли на корабль. Видите ли, мистеръ Краддокъ, во время послѣдняго путешествія на баркѣ у пиратовъ была сломана бурей главная рея, а у насъ-то главная рея цѣлая. Вотъ онъ и заподозрилъ неладное. Ну, стало-быть, онъ и поставилъ вамъ ту самую ловушку, которую вы готовили для него.

Краддокъ простоналъ.

— Боже мой! Но какъ же я могъ знать, что у нихъ гротъ-рея поломана!.. Но куда же мы теперь идемъ?

— Мы идемъ въ сѣверо-западномъ направленіи.

— Въ сѣверо-западномъ направленіи? Такъ, стало-быть, мы идемъ назадъ къ Ямайкѣ?

— Да, со скоростью восьми узловъ въ часъ.

— А не слыхалъ ли ты, что они собираются со мной дѣлать?

— Не слыхалъ. Вотъ если бы вы подписали условіе...

— Довольно, Іосія Гердъ! У меня и безъ того много грѣховъ. Губить своей души не стану.

— Какъ хотите. Я сдѣлалъ все, что могъ. Прощайте.

Всю ночь и весь слѣдующій день «Счастливое Освобожденіе» неслось по волнамъ моря. Стефенъ Краддокъ лежалъ въ трюмѣ и старался высвободить руки изъ оковъ. Одну руку ему

удалось высвободить, хотя онъ изорвалъ себѣ кожу на ней до крови, но съ другой рукой онъ ничего не могъ подѣлать. Ноги также были закованы очень крѣпко, и что онъ ни дѣлалъ, никакъ не могъ освободить ихъ отъ кандаловъ.

По нѣкоторымъ даннымъ, Краддокъ догадывался, что корабль идетъ съ необычайной быстротой. Очевидно, они скоро придутъ въ Ямайку. Что за планъ въ головѣ Шаркэ, и зачѣмъ онъ оставилъ его въ живыхъ?

Краддокъ стиснулъ зубы и поклялся, что если онъ раньше былъ негодяемъ по доброй волѣ, то никогда не станетъ онъ негодяемъ по принужденію.

На слѣдующій день утромъ Краддокъ услыхалъ, что на палубѣ убираютъ паруса, и что корабль идетъ гораздо медленнѣе. По звукамъ, доносившимся съ палубы, и по многимъ другимъ даннымъ онъ, какъ опытный морякъ, догадывался, въ чемъ дѣло. Очевидно, судно маневрировало около береговъ, выбирая мѣсто, чтобы бросить якорь. Значитъ, они прибыли въ Ямайку. Но что имъ здѣсь нужно?

И вдругъ надъ его головой на палубѣ раздалось дружное «ура», а затѣмъ грянулъ выстрѣлъ изъ орудія. Издали донеслись отвѣтные салюты. Краддокъ сѣлъ и началъ прислушиваться.

— Что это такое? Ужъ не вступилъ ли съ кѣмъ-нибудь Шаркэ въ бой?

Но очевидно нѣтъ. Стрѣляли только изъ одной пушки, а отвѣчали изъ многихъ. И въ то же время не слышно, чтобы гдѣ-либо вблизи судна взрывались снаряды. Стало-быть, это не сраженіе, а салюты. Но кто станетъ салютовать пирату Шаркэ? По всей вѣроятности, онъ встрѣтился съ другимъ пиратскимъ судномъ.

Краддокъ простоналъ, легъ на спину и снова сталъ работать надъ освобожденіемъ своей правой руки.

Но вотъ гдѣ-то вблизи послышались шаги, и едва успѣлъ Краддокъ надѣть на себя цѣпь, которую снялъ раньше, какъ дверь отворилась, и въ трюмъ вошли два пирата.

Въ темнотѣ раздался голосъ высокаго квартирмейстера.

— Молотокъ взялъ, плотникъ? Раскуй ему ноги, а браслетки оставь, такъ будетъ безопаснѣе.

Плотникъ началъ работать, и скоро Краддокъ почувствовалъ, что его ноги свободны.

— Что вы хотите со мной дѣлать?—спросилъ Краддокъ.

— А вотъ иди и увидишь.

Матросъ схватилъ его за руку и грубо подтащилъ къ своему товарищу. Прямо надъ ихъ головами былъ виденъ квадратъ голубого неба, а на бизань-мачтѣ развѣвался флагъ. Душа Стефена Краддока замерла, когда онъ увидалъ эти флаги. Ихъ было два. Надъ чернымъ пиратскимъ флагомъ развѣвался флагъ британскій. Надъ знакомъ негодяйства виднѣлось знамя чести и славы.

Въ изумленіи стоялъ онъ, но пираты грубо толкнули его въ спину, и онъ полѣзъ по лѣстницѣ. Взойдя на палубу, онъ снова оглянулся. На главной мачтѣ тоже развѣвался британскій флагъ, и вся оснастка была изукрашена вымпелами и флажками.

Что же это такое? Взятъ, что ли, корабль Шаркэ въ плѣнъ? Но нѣтъ, всѣ пираты здѣсь налицо. Они толпятся около парапета, радостно машутъ шапками и кричатъ. На самомъ видномъ мѣстѣ стоитъ ренегатъ-штурманъ и усердно жестикулируетъ. Краддокъ взглянулъ на море. Кого это они привѣтствуютъ? И тутъ онъ сразу увидалъ, въ чемъ дѣло. Моментъ былъ критическій. Не далѣе, какъ въ милѣ, виднѣлись бѣлыя укрѣпленія и дома Портъ-Рояля. Надъ домами повсюду развѣвались флаги. Направо виднѣлась дорога въ Кингстонъ, а въ морѣ, не далѣе какъ въ четверти мили отъ судна, бѣлѣлась небольшая шлюпка, на которой развѣвался британскій флагъ. Вся оснастка шлюпки была также разукрашена вымпелами. Въ шлюпкѣ находилось много людей.

Всѣ они кричали «ура» и махали шапками. По красному цвѣту нѣкоторыхъ костюмовъ можно было догадываться, что среди находившихся въ шлюпкѣ людей были и офицеры мѣстнаго гарнизона. Въ одно мгновеніе Краддокъ понялъ, въ чемъ заключается планъ Шаркэ. Этотъ человѣкъ, дьявольски лукавый и смѣлый, задумалъ страшное дѣло. Онъ устроилъ такую обстановку, что жители острова приняли его судно за «Бѣлую Розу" и вообразили, что это возвращается Краддокъ съ побѣдой. Всѣ эти салюты, всѣ эти флаги были въ честь его, Краддока! И его Краддока, привѣтствовать идетъ эта шлюпка, въ которой находятся комендантъ, губернаторъ и все начальство острова. Еще десять минутъ—и шлюпка очутится подъ выстрѣлами „Счастливаго Освобожденія", а Шаркэ прославитъ себя такъ, какъ не прославилъ себя ни одинъ императоръ.

Увидавъ Краддока, шедшаго между квартирмейстеромъ и плотникомъ, Шаркэ крикнулъ:

— Выведите его впередъ! Наводите пушки! Еще два кабельтова, и они въ нашей власти.

— Но, они пошли назадъ! — крикнулъ боцманъ. — Видно, они почуяли неладное.

— Это мы сейчасъ исправимъ,—сказалъ Шаркэ, устремляя свои змѣиные глаза на Краддока.—Становись-ка сюда, вотъ сюда. Они тебя отсюда узнаютъ. Возьмись рукой за шляпу, сними шляпу! Махай ею! А то я тебѣ живо вышибу мозгъ изъ башки. Ну-ка, Нэдъ, пошали съ нимъ ножичкомъ... Вотъ такъ. Ну, что же? Будешь ли махать шляпой? Нечего дѣлать, Нэдъ, ткни его еще разокъ. Эй, стой! Держи его, стрѣляй, лови его!

Но было уже поздно. Надѣясь на то, что руки плѣннаго крѣпко закованы въ кандалы, Нэдъ Галловей выпустилъ ихъ на минуту изъ своихъ, и Краддокъ немедленно воспользовался этимъ моментомъ. Швырнувъ на земь державшаго его плотника, онъ вспрыгнулъ на парапетъ палубы, а затѣмъ, преслѣдуемый цѣлымъ дождемъ пистолетныхъ пуль, бросился въ воду и поплылъ.

Пираты продолжали стрѣлять, но много пистолетовъ нужно для того, чтобы убить рѣшительнаго и сильнаго человѣка, который рѣшилъ сдѣлать свое дѣло прежде, чѣмъ умереть.

Краддокъ плавалъ хорошо и, несмотря на полученныя раны, быстро началъ удаляться отъ пиратской барки. Шаркэ крѣпко выругался и крикнулъ:

— Подайте мнѣ мушкетъ!

Онъ былъ отличный стрѣлокъ. Нервы у него были желѣзные, и онъ не терялся никогда. Голова пловца превратилась въ черную точку, которая то показывалась, то скрывалась въ волнахъ.

Краддокъ успѣлъ уже проплыть половину разстоянія, отдѣлявшаго шлюпку отъ судна. И вотъ раздался трескъ мушкета. Пловецъ выпрямился, замахалъ обѣими руками по направленію къ шлюпкѣ, предостерегая находящихся въ ней и громовымъ голосомъ, раздавшимся по всей бухтѣ, крикнулъ:

— Берегитесь, это Шаркэ!

Шлюпка немедленно повернула назадъ, а пиратъ въ безсильной злобѣ далъ выстрѣлъ изъ всѣхъ орудій, но этотъ выстрѣлъ не принесъ шлюпкѣ ни малѣйшаго вреда.

По лицу умирающаго Краддока мелькнула улыбка, а затѣмъ, впавъ въ безсознательное состояніе, онъ медленно пошелъ къ золотому дну бухты, которая точно манила и призывала его къ себѣ.

III. Какъ погибъ знаменитый пиратъ.

Морскіе разбойники были разборомъ гораздо выше обыкновенныхъ мародеровъ. Пираты составляли какъ бы пловучую республику, въ которой господствовали свои собственные законы и обычаи, своя собственная дисциплина.

Всѣ помнятъ ужасную и жестокую борьбу, которую пираты вели съ испанцами. И что же? Пираты были увѣрены, что право въ этой борьбѣ на ихъ сторонѣ.

Да и въ самомъ дѣлѣ, пираты были не менѣе гуманны, чѣмъ порядочные люди того времени. Ихъ кровавые набѣги на прибрежные порты были нисколько не болѣе жестоки, чѣмъ вторженіе испанцевъ въ Нидерланды. Или, вспомните, какъ расправлялись испанцы съ караибами, жившими въ тѣхъ же водахъ Атлантики, въ которыхъ дѣйствовали пираты!

Вожди пиратовъ—англичане, или французы, Морганы или Ґраммоны—были людьми въ нѣкоторомъ родѣ отвѣтственными передъ общественнымъ мнѣніемъ своихъ странъ. Соотечественники восхваляли пирата въ томъ случаѣ, если онъ воздерживался отъ дѣяній, не одобряемыхъ толстокожей совѣстью XVII столѣтія. Нѣкоторые пираты были очень религіозные. Про одного изъ нихъ, Саукинса, разсказываютъ, что онъ подвергъ строгому наказанію своихъ подчиненныхъ за то, что они играли въ кости въ праздникъ. Пиратъ Даніэль застрѣлилъ человѣка, который, стоя въ церкви, произносилъ богохульство.

Но пришли дни, когда эти рыцарственные пираты отошли въ область прошлаго, а на ихъ мѣсто стали закоснѣлые и нераскаянные преступники. Впрочемъ, даже и эти преступники соблюдали отчасти преданія своихъ предшественниковъ. Между ними были такіе люди, какъ Эвори, Энгландъ и Робертсъ, которымъ человѣчность была не совсѣмъ чужда. Они воевали съ купцами, но щадили моряковъ. Однако благородныя традиціи скоро изсякли въ нихъ, и пираты стали врагами всего человѣческаго рода,—врагами совершенно безпощадными. Кто попадалъ въ ихъ руки—погибалъ, и поэтому объ ихъ подвигахъ мало кто слышалъ. Иногда только гдѣ-нибудь, среди океа-

на, находили остатки сгорѣвшаго и залитаго человѣческой кровью судна. О дѣятельности этихъ людей можно было только догадываться.

Самыми свирѣпыми пиратами считались Нэдъ Лоу, Гоу-шотландецъ и безбожный Шаркэ, черное судно котораго, носившее имя «Счастливое Освобожденіе», было извѣстно повсюду, начиная съ Новой Земли и кончая Ораномъ. Оно несло повсюду за собою разрушеніе и смерть...

На материкѣ и на островахъ жило много людей, которые питали смертельную ненависть къ Шаркэ. Но никто его ненавидѣлъ такъ жестоко, какъ Коплей Бэнксъ изъ Кингстона. Бэнксъ былъ крупный сахарозаводчикъ изъ Вестъ-Индіи. Это былъ человѣкъ съ положеніемъ, членъ Совѣта; женатъ былъ на особѣ, принадлежащей къ роду Персивалей, и приходился двоюроднымъ братомъ губернатору Виргиніи. У Бэнкса было два сына, которые учились въ Лондонѣ. Однажды мать поѣхала въ Англію, чтобы привезти ихъ домой. На возвратномъ пути судно, на которомъ ѣхали Бэнксы, «Герцогиня Корнуэльская» подверглась нападенію Шаркэ, и все семейство погибло ужасной смертью.

Коплей Бэнксъ, узнавъ о несчастіи, не сказалъ почти ничего, но впалъ въ угрюмую, безпросвѣтную меланхолію. Онъ пересталъ заниматься дѣлами, прекратилъ всякія знакомства и пристрастился къ посѣщенію кабаковъ самаго низкаго сорта. Часто его можно было видѣть въ этихъ притонахъ. Кругомъ ругательство и драки, а онъ сидитъ молчаливо у столика, куритъ трубку; лицо его спокойное, но глаза горятъ какимъ-то страннымъ огнемъ. Жители рѣшили, что Бэнксъ сошелъ съ ума. Старые знакомые стали его избѣгать. Нельзя же протягивать руку человѣку, который водится съ дурной компаніей.

Время отъ времени въ Кингстонъ приходили слухи о подвигахъ Шаркэ. Иногда эти новости привозилъ владѣлецъ какой-нибудь шкуны, который разсказывалъ, что онъ увидѣлъ на горизонтѣ большое пламя. Но подойдя къ мѣсту несчастія, онъ поспѣшно поворотилъ назадъ. Почему? Да потому что онъ увидѣлъ зловѣщее черное судно, которое, какъ волкъ среди убитыхъ овецъ, бродило между погибающихъ купеческихъ судовъ. Другой разъ—испуганный купецъ прибывалъ въ Кингстонъ съ изорванными парусами; купецъ этотъ едва-едва спасся отъ чернаго судна, которое его преслѣдовало. Одинъ побережный житель подойдя къ пустынному берегу, едва не сошелъ съ ума,

увидавъ цѣлую кучу высохшихъ подъ лучами солнца человѣческихъ труповъ. Таковы были подвиги Шаркэ.

Однажды въ Кингстонъ прибылъ человѣкъ, служившій штурманомъ на одномъ купеческомъ кораблѣ. Этотъ человѣкъ побывалъ въ плѣну у Шаркэ и былъ выпущенъ живымъ. Говорить онъ не могъ по той простой причинѣ, что Шаркэ отрѣзалъ ему языкъ. Но писать онъ могъ и писалъ много, къ великому удовольствію Коплея Бэнкса. Цѣлые часы проводили они вмѣстѣ, сидя надъ картою океана. Нѣмой водилъ пальцемъ по картѣ, показывая то на тотъ, то на другой пунктъ. А Коплей Бэнксъ слѣдилъ за его движеніями, куря свою неизмѣнную трубку. Лицо его было по-прежнему спокойно, въ то время какъ глаза горѣли дикимъ огнемъ.

Однажды утромъ—это было два года спустя послѣ несчастія—Коплей Бэнксъ вошелъ въ свою собственную контору. Это былъ снова прежній Коплей Бэнксъ. Видъ у него былъ веселый, энергичный. Директоръ взглянулъ на него съ удивленіемъ. Уже нѣсколько мѣсяцевъ хозяинъ не заглядывалъ въ контору.

— Здравствуйте, мистеръ Бэнксъ,—произнесъ онъ.

— Здравствуйте, Фриманъ. Кажется, я видѣлъ въ гавани «Драчуна Гарри?»

— Да, и онъ уже нагруженъ и въ среду уходитъ въ Англію.

— У меня, Фриманъ, другіе планы насчетъ этого судна. Я хочу его отправить въ Африку за рабами.

— Но вѣдь судно уже нагружено, сэръ?

— Что же дѣлать, Фриманъ: нужно его разгрузить. Я рѣшилъ окончательно, что «Драчунъ Гарри» пойдетъ въ Африку за рабами.

Какъ ни убѣждалъ, какъ ни упрашивалъ Фриманъ Бэнкса—все было напрасно. Судно пришлось разгрузить. И вотъ Коплей Бэнксъ сталъ готовиться къ путешествію въ Африку. Странно было, что онъ не принялъ мѣръ, которыя принимаются въ этихъ случаяхъ.

Блестящихъ побрякушекъ, которыя такъ любятъ негры, онъ съ собою не взялъ, но зато вооружилъ свой бригъ восемью крупно-калиберными пушками и сдѣлалъ большой запасъ мушкетовъ и кортиковъ. Около капитанской каюты устроили пороховой магазинъ. Запасъ снарядовъ былъ сдѣланъ огромный, не меньше, чѣмъ на любомъ военномъ кораблѣ.

Бенксъ сдѣлалъ также большой запасъ воды и провіанта

Очевидно, онъ готовился къ очень продолжительному путешествію.

Но всего изумительнѣе былъ способъ вербовки команды. Глядя на дѣйствія Бэнкса, директоръ Фриманъ началъ убѣждаться въ томъ. что городскіе сплетники правы, и что его патронъ, дѣйствительно, сошелъ съ ума. Дѣло въ томъ, что Бэнксъ подъ разными предлогами началъ увольнять старыхъ и испытанныхъ моряковъ, которые служили у него по многу лѣтъ; на ихъ мѣсто онъ сталъ набирать разную рвань, людей съ самой дурной репутаціей, которыхъ не взялъ бы къ себѣ на службу ни одинъ уважающій себя торговецъ.

Между прочимъ, въ Кингстонѣ жилъ нѣкій Берзмаркъ Свитлоксъ. Про этого Свитлокса, на лицѣ котораго было ужасное кровавое пятно, разсказывали, что онъ участвовалъ въ буйствѣ какихъ-то дровосѣковъ. Люди мистическаго образа мыслей добавляли, что и кровавое-то пятно на лицѣ этого человѣка наложено Небомъ въ видѣ знаменія его порочности.

И что же? Этого самаго Свитлокса взялъ Бэнксъ къ себѣ въ качествѣ штурмана; помощникомъ къ нему онъ назначилъ нѣкоего Мартина, человѣка также съ очень дурной репутаціей.

Команду свою Бэнксъ вербовалъ между посѣтителями тѣхъ самыхъ притоновъ, къ которымъ самъ за послѣднее время пристрастился. Буфетчикомъ на кораблѣ онъ взялъ человѣка съ дикимъ лицомъ, который и говорить-то порядкомъ не могъ, а кудахталъ, словно курица. Человѣкъ этотъ былъ гладко выбритъ и, глядя на него, немыслимо было узнать въ немъ того, кому капитанъ Шаркэ отрѣзалъ языкъ, и кто ушелъ отъ него, чтобы чтобы повѣдать о своихъ приключеніяхъ Коплею Бэнксу.

Приготовленія Бэнкса не прошли незамѣченными. Комендантъ Кингстона, майоръ артиллеріи Гарвей, сдѣлалъ докладъ губернатору.

— Это не купеческое судно, а маленькій военный корабль,—сказалъ онъ.—Я полагаю, что самое лучшее будетъ, если мы арестуемъ Бэнкса и наложимъ секвестръ на его судно.

— Ну что-же вы подозрѣваете?—спросилъ губернаторъ.

Этотъ губернаторъ соображалъ очень плохо. Умъ его былъ ослабленъ лихорадками и портвейномъ, который онъ потреблялъ въ большемъ количествѣ.

— Я подозрѣваю,—отвѣтилъ Гарвей,—что повторится исторія Стида Боннета.

Стилъ Боннетъ былъ богатый плантаторъ, извѣстный всѣмъ,

какъ человѣкъ высоко нравственный и религіозный. И вотъ въ одинъ прекрасный день этотъ Стидъ Боннетъ снарядилъ судно, ушелъ въ море и сдѣлался пиратомъ. Этотъ случай имѣлъ мѣсто недавно и произвелъ большую сенсацію на островахъ. Обвиняли администрацію, говорили, что Стидъ Боннетъ подкупилъ губернатора и обѣщалъ ему часть добычи.

Губернаторъ испугался.

— Ну что же, майоръ Гарвей,—сказалъ онъ,—мнѣ, конечно, очень грустно принимать мѣры, обидныя для моего друга Коплея Бэнкса; я вѣдь не разъ обѣдалъ у него: мы съ нимъ пріятели. Но разъ вы уже такъ говорите, то выбора нѣтъ; я вамъ предписываю произвести обыскъ на его кораблѣ и удостовѣриться во всемъ, какъ слѣдуетъ.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, майоръ Гарвей посадилъ на лодку своихъ солдатъ и прибылъ въ гавань, чтобы арестовать «Драчуна Гарри»,—но его уже въ портѣ не было. Коплей Бэнксъ предупрежденный, очевидно, объ опасности, удралъ, и его бригъ несся теперь по морю.

На слѣдующее утро бригъ прибылъ въ Морантъ, и тамъ Коплей Бэнксъ, вызвалъ свою команду на палубу и открылъ ей свои планы.

— Я выбралъ васъ,—сказалъ онъ,—потому что считаю васъ умными и проворными ребятами. Вы, конечно, согласитесь скорѣе рискнуть и получить хорошій заработокъ на морѣ, чѣмъ прозябать на берегу въ нищетѣ и угнетеніи. Бояться намъ нечего, у короля мало кораблей, и они слабы, а мы можемъ справиться съ любымъ купеческимъ судномъ. Работаютъ же другіе; отчего и намъ не поработать? Корабль у насъ хорошій. Теперь на васъ просмоленныя куртки, а поработаете—будете носить бархатное платье. Я буду вами командовать. Если кому не нравится мой планъ—выходи впередъ. Я дамъ вамъ лодку, и вы можете ѣхать обратно въ Ямайку.

На кораблѣ было 46 человѣкъ, и только четверо изъ нихъ не захотѣли сдѣлаться пиратами. Для нихъ была приготовлена лодка, и они отплыли, сопровождаемые насмѣшливыми криками команды. Остальные собрались вмѣстѣ и подписали уставъ товарищества. При общихъ крикахъ восторга, на главной мачтѣ былъ выкинутъ черный флагъ съ изображеннымъ на немъ человѣческимъ черепомъ. Были избраны офицеры, но власть ихъ была, какъ и подобаетъ, ограничена. Коплея Бэнкса выбрали капитаномъ. Штурмановъ на пиратскихъ корабляхъ не пола-

гается, и поэтому Берзмаркъ Свитлоксъ былъ назначенъ квартирмейстеромъ, а Израэль Мартинъ—боцманомъ. Уставъ братства былъ сочиненъ безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ половина матросовъ прежде еще служила на пиратскихъ корабляхъ. Пища должна была быть для всѣхъ одинаковая, а пить спиртные напитки было разрѣшено всѣмъ, когда и сколько угодно.

Капитану полагалось каюта, а матросамъ не возбранялось входить въ эту каюту, когда имъ угодно. Добыча должна была дѣлиться поровну, но капитану, квартирмейстеру, боцману, плотнику и завѣдующему орудіями полагалась прибавка. Тому, кто первый замѣтитъ купеческое судно, полагалось выдавать лучшее оружіе, на немъ найденное. Первый, взошедшій на непріятельское судно, имѣлъ право на лучшую пару платья, найденную тамъ. Всякій пиратъ имѣлъ право распоряжаться своимъ плѣнникомъ—будь это мужчина или женщина—какъ ему угодно. Пирата-труса квартирмейстеръ имѣлъ право застрѣлить. Таковы были правила новаго пиратскаго товарищества. Подъ условіемъ были поставлены сорокъ два креста.

Такимъ-то образомъ новое разбойничье судно появилось въ моряхъ, и не прошло и года, какъ имя «Драчуна Гарри» стало не менѣе знаменито, чѣмъ имя «Счастливаго Освобожденія». Повсюду на американскомъ побережьѣ Коплей Бэнксъ считался соперникомъ Шаркэ и ужасомъ купеческихъ кораблей. Но долгое время ихъ судна не встрѣчались другъ съ другомъ. А это было тѣмъ болѣе странно, что «Драчунъ Гарри» охотился именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и капитанъ Шаркэ.

Но вотъ, наконецъ, этотъ мигъ насталъ. «Драчунъ Гарри» задумалъ чиститься и для этой цѣли избралъ небольшую бухточку въ восточной части Кубы. Когда судно вошло въ бухточку, тамъ уже находился корабль Шаркэ «Счастливое Освобожденіе». Коплей Бэнксъ приказалъ произвести салютъ, а затѣмъ выкинулъ зеленый флагъ, какъ полагалось между благовоспитанными пиратами. Послѣ этого онъ отправился на лодкѣ въ гости къ капитану Шаркэ.

Шаркэ отличался отвратительнымъ характеромъ. Онъ не жаловалъ даже тѣхъ, которые занимались однимъ ремесломъ съ нимъ.

Когда Коплей Бэнксъ взошелъ на палубу, Шаркэ сидѣлъ верхомъ на одномъ изъ орудій. Около него стоялъ квартирмейстеръ Нэдъ Галловей и нѣсколько пиратовъ крайне свирѣпаго и дикаго вида. Но даже и эти дикіе звѣри усмирялись, когда

на нихъ устремлялся свирѣпый взглядъ ихъ капитана. Шаркэ сидѣлъ безъ верхней одежды, въ одной шелковой красной рубашкѣ. Жгучее тропическое солнце, повидимому, не имѣло власти надъ его безкровнымъ тѣломъ. Онъ сидѣлъ въ низкой мѣховой шапкѣ. Черезъ плечо у него была надѣта разноцвѣтная шелковая лента, на которой висѣла короткая сабля. За широкимъ поясомъ торчало нѣсколько пистолетовъ.

Когда Коплей Бэнксъ появился на палубѣ, Шаркэ закричалъ:

— Вонъ онъ, воръ и грабитель! Вотъ погоди, выколочу я изъ тебя твою проклятую жизнь! Какъ ты смѣешь ловить рыбу въ моихъ водахъ?

Коплей Бэнксъ взглянулъ на Шаркэ страннымъ взглядомъ. Такъ смотритъ путникъ на городъ, къ которому онъ давно стремился.

— У меня такія же мысли, какъ и у тебя,—отвѣтилъ онъ.— Намъ двоимъ тѣсно въ океанѣ. Бери съ собой саблю и пистолеты и иди со мной на берегъ. Тамъ мы рѣшимъ, кому изъ насъ владѣть океаномъ.

Шаркэ вскочилъ съ пушки и сердечно протянулъ руку Коплею Бэнксу.

— Вотъ это называется разговаривать! — воскликнулъ онъ.—Я видѣлъ мало людей, которые осмѣливались бы глядѣть прямо въ лицо Джону Шаркэ и разговаривать съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Чортъ меня возьми, если я не хочу быть твоимъ другомъ! Но если ты со мной сфальшивишь, то берегись! Я приду къ тебѣ на корабль и прибью твои уши къ кормѣ.

— И отъ меня можешь ожидать того же самаго,—отвѣтилъ Коплей Бэнксъ.

И съ этого дня пираты сдѣлались закадычными друзьями.

Лѣтомъ оба пиратскія судна отправились на сѣверъ, дошли до Нью-Фаундленда и ограбили много купеческихъ и китоловныхъ судовъ, шедшихъ изъ Новой Англіи. Ливерпульское судно «Ганноверскій Домъ» было взято въ плѣнъ Коплеемъ Бэнксомъ. Но не Коплей Бэнксъ, а Шаркэ велѣлъ привязать капитана этого судна къ мачтѣ и заколотить его до смерти пустыми бутылками.

Вмѣстѣ же Коплей Бэнксъ и Шаркэ дали сраженіе англійскому военному кораблю «Королевское Счастье». Корабль этотъ былъ посланъ въ догонку за пиратами, но былъ затопленъ ими послѣ пятичасоваго ночного боя. Пираты сражались при свѣтѣ

фонарей, пьяные и распѣвая пѣсни. Около каждаго орудія было поставлено ведро съ ромомъ и положенъ хлѣбъ на закуску. Послѣ сраженія пираты чинились въ одной изъ бухтъ Сѣверной Каролины. Весной они отправились въ Большой Кайкосъ, чтобы тамъ приготовиться къ долгому плаванію въ вестъ-индскихъ водахъ.

Къ этому времени Шаркэ и Коплей Бэнксъ успѣли сдѣлаться самыми закадычными друзьями. Шаркэ любилъ опытныхъ негодяевъ и уважалъ людей съ характеромъ. Коплея Бэнкса онъ уважалъ за то и другое. Онъ ему долго не довѣрялъ, такъ какъ былъ отъ природы очень подозрительный человѣкъ. Видѣлся съ нимъ только на своемъ кораблѣ и никогда не отлучался отъ своей команды.

Но Коплей Бэнксъ часто бывалъ на суднѣ Шаркэ и такъ часто участвовалъ въ его отвратительныхъ кутежахъ, что тотъ, въ концѣ концовъ, пересталъ его опасаться. Вѣдь онъ не зналъ, что Коплей Бэнксъ таитъ противъ него зло. Шаркэ сдѣлалъ на своемъ вѣку такъ много преступленій, что положительно не могъ помнить объ умерщвленныхъ имъ женщинѣ и дѣтяхъ.

И вотъ, когда оба корабля стояли у берега Кайкоса, Шаркэ и его квартирмейстеръ Нэдъ Галловей получили отъ Коплея Бэнкса приглашеніе пожаловать къ нему на бригъ поужинать. Шаркэ принялъ это приглашеніе.

За недѣлю передъ этимъ пираты ограбили прекрасное пассажирское судно. Денегъ у нихъ было много, и вслѣдствіе этого ужинъ былъ пышный. Послѣ ужина всѣ принялись пить. Сидѣли впятеромъ въ капитанской каютѣ. Кромѣ обоихъ капитановъ, здѣсь находились Берзмаркъ Свитлоксъ, Нэдъ Галловей и Израиэль Мартинъ. Прислуживалъ нѣмой дворецкій Бэнкса. Онъ не угодилъ Шаркэ, наливая ему вино слишкомъ медленно, и тотъ за это разбилъ стаканъ объ его голову.

Квартирмейстеръ убралъ потихоньку отъ Шаркэ его пистолеты, такъ какъ у Шаркэ была дурная привычка въ пьяномъ видѣ стрѣлять подъ столомъ въ ноги сидѣвшихъ напротивъ него. Однажды онъ такимъ образомъ серьезно изранилъ своего боцмана. Опасаясь подобной выходки, Нэдъ Галловей взялъ у Шаркэ, подъ какимъ-то предлогомъ, пистолеты и положилъ ихъ въ другомъ углу каюты.

Капитанская каюта на «Драчунѣ Гарри» помѣщалась на палубѣ близко къ кормѣ.

Въ ней же стояла крупно-калиберная пушка. По стѣнамъ были уложены круглые снаряды, порохъ помѣщался тутъ же въ большихъ бутыляхъ и ящикахъ. Въ этой-то мрачной комнатѣ пять пиратовъ пѣли пѣсни, орали и пили вино. Молчаливый дворецкій то и дѣло наполнялъ стаканы и подавалъ ящикъ съ табакомъ. Часъ отъ часу бесѣда становилась безсвязнѣе. Наконецъ, трое изъ собесѣдниковъ свалились подъ столъ и заснули мертвымъ сномъ. За столомъ теперь сидѣли только двое: Коплей Бэнксъ и Шаркэ. Первый,—потому что пилъ мало, а второй—потому что никогда не бывалъ пьянъ. Спиртные напитки не дѣйствовали на его желѣзные нервы, не могли разогрѣть его холодную, какъ у слизняка, кровь. За стуломъ у Шаркэ стоялъ нѣмой дворецкій, прислуживая ему.

Извнѣ доносился шумъ морского прибоя и звуки пѣсенъ. Это пѣли на «Счастливомъ Освобожденіи».

Слова пѣсни отчетливо были слышны въ каютѣ. Коплей Бэнксъ и Шаркэ сидѣли молча и прислушивались къ словамъ пѣсни. Бэнксъ глянулъ на нѣмого дворецкаго, и тотъ незамѣтно снялъ съ полки веревку.

— Капитанъ Шаркэ,—произнесъ Бэнксъ;—помните ли вы „Герцогиню Корнуэльскую", судно, шедшее изъ Лондона и затопленное вами у Стотерсъ-Шоля?

— Чортъ меня возьми, если я помню всѣ эти имена,—отвѣтилъ Шаркэ.—Какъ разъ въ это время мы затопили десять судовъ въ теченіе одной только недѣли.

— Между пассажирами были двое дѣтей съ матерью. Можетъ-быть, вы припомните эту исторію.

Капитанъ Шаркэ откинулся назадъ и сталъ припоминать. Затѣмъ онъ вдругъ разсмѣялся своимъ пронзительнымъ смѣхомъ, напоминающимъ лошадиное ржаніе.

— Да, да, я помню этотъ случай,—сказалъ онъ и началъ разсказывать Бэнксу подробности.

Окончивъ разсказъ, онъ воскликнулъ:

— Но удивительно, что я все это позабылъ. Скажите, Бэнксъ, почему вы меня спросили объ этой исторіи?

— Мнѣ это было интересно,—отвѣтилъ Бэнксъ:—убитая вами женщина была моя жена, а дѣти—мои единственные сыновья.

Шаркэ воззрился на своего пріятеля. И всегда-то въ его глазахъ мелькалъ какой-то подозрительный огонекъ, теперь

этотъ огонекъ горитъ полнымъ и зловѣщимъ пламенемъ. И Шаркэ понялъ, что ему угрожаетъ опасность.

Быстро схватился онъ за поясъ—кобуръ былъ пустъ, пистолетовъ не было. Онъ оглянулся кругомъ, ища оружія, но вдругъ около него обвилась веревка, и онъ увидалъ себя связаннымъ.

— Нэдъ!—кричалъ онъ,—проснись, Нэдъ! Тутъ подлая измѣна! На помощь, Нэдъ, на помощь!

Но трое пиратовъ не слыхали этого крика; они были погружены въ свой скотскій сонъ, а веревка продолжала обвиваться вокругъ тѣла Шаркэ и скоро онъ оказался забинтованнымъ до самой шеи. Бэнксъ и нѣмой дворецкій взяли его на руки и положили около пороховой бочки. Ротъ ему заткнули носовымъ платкомъ. Теперь Шаркэ не могъ уже кричать, онъ только глядѣлъ на своихъ мучителей, и взоръ его ядовитыхъ голубыхъ глазъ посылалъ имъ молчаливыя проклятія.

Нѣмой былъ въ восторгѣ и неумолкаемо лопоталъ что-то. Шаркэ увидалъ, наконецъ, что у этого человѣка нѣтъ языка и заморгалъ глазами. Онъ понялъ, что и этотъ нѣмой—тоже мститель,—мститель терпѣливый и коварный, который долго выжидалъ случая отомстить.

А Бэнксъ и нѣмой начали приводить въ исполненіе свой планъ. Этотъ планъ былъ довольно сложный.

Они распечатали двѣ пороховыя бочки и высыпали порохъ на столъ и на полъ, особенно много насыпали они пороха около трехъ пьяныхъ людей, продолжавшихъ спать на полу. Затѣмъ они подтащили Шаркэ къ пушкамъ и привязали его такимъ образомъ, что голова его приходилась какъ разъ противъ дула; нѣмой привязалъ его крѣпко, такъ что высвободиться онъ не могъ никакимъ образомъ.

И не только высвободиться не могъ Шаркэ, но даже шевельнуться. Ему приходилось безпомощно ожидать своей смерти.

— Ну, а теперь, кровопійца и дьяволъ, слушай!—мягко произнесъ Коплей Бэнксъ.—Ты долженъ выслушать, что я тебѣ скажу, и это будутъ послѣднія слова, которыя ты услышишь на этомъ свѣтѣ. Ты въ моихъ рукахъ. Я купилъ тебя дорогой цѣной. Я овладѣлъ тобой, я долженъ былъ опуститься до твоего уровня. Два года я боролся съ собой, надѣясь найти какой-нибудь другой способъ добраться до тебя, но наконецъ, я увидѣлъ, что другого способа нѣтъ. Мнѣ пришлось грабить,

мнѣ пришлось убивать, мнѣ—что еще хуже—пришлось жить и дружиться съ тобой. И все время я преслѣдовалъ одну цѣль. И вотъ, мое время пришло, и ты умрешь, какъ я хочу. Смерть будетъ красться къ тебѣ потихоньку, и въ мракѣ этомъ, на тебя надвигающемся, ты увидишь своего отца—сатану, который готовится овладѣть тобой.

Шаркэ слушалъ эту страшную рѣчь и въ то же время до него доносилась пѣсня его пьяныхъ товарищей со «Счастливаго Освобожденія».

Шелъ по морю изъ Америки купецъ.
Къ намъ попалъ онъ въ руки и насталъ ему конецъ.
Мы отправили его на дно, о, океанъ!
Золото купца попало въ нашъ карманъ.
Ой, пираты, теперь можно покутить,
Можно въ портѣ весело-превесело пожить:
И винца попить и дѣвочекъ любить.

Слова пѣсни отчетливо раздавались въ ушахъ Шаркэ. Такъ же отчетливо онъ слышалъ шаги двухъ пиратовъ, гулявшихъ по палубѣ.

Веселыя слова пѣсни и разухабистый ея мотивъ особенно терзали умирающаго пирата. Смерть его ужасала, но злые голубые глаза не смягчались. Попрежнему они блестѣли ядовитой злобой. Какое ужасное состояніе—быть привязаннымъ къ дулу пушки и не быть въ состояніи двинуться; нельзя даже застонать. А на баркѣ продолжали пѣть:

Рѣжь купцовъ и кровь, какъ воду, лей,
Не жалѣй ихъ! Бей и женщинъ и дѣтей!
Деньги шелкъ и бархатъ забирай!
Руль скорѣе къ порту, къ порту направляй.
Какъ стрѣла, корабликъ нашъ летитъ.
Ужъ къ себѣ пирата портъ манитъ.
Тамъ съ себя онъ смоетъ жертвы кровь,
Тамъ пирата встрѣтитъ счастье и любовь!

Коплей Бэнксъ заряжалъ тѣмъ временемъ пушку, а затѣмъ взялъ свѣчку и обрѣзалъ ее. Образовался огарокъ въ полтора дюйма вышиной. Огарокъ онъ поставилъ около казенной части пушки на слой пороха. Затѣмъ онъ подсыпалъ еще пороху на полъ.

Планъ былъ ясенъ. Огарокъ догоритъ, пушка выстрѣлитъ и оторветъ пирату голову, а одновременно съ этимъ вспыхнетъ и порохъ на полу, и весь корабль взлетитъ на воздухъ.

— Ну, Шаркэ, тебѣ нравится любоваться смертью ближнихъ,—произнесъ Бэнксъ,—теперь пришла твоя очередь. Ты умрешь вмѣстѣ съ этими свиньями.

Онъ зажегъ огарокъ и потушилъ свѣчи на столѣ.

Затѣмъ Бэнксъ и нѣмой вышли изъ каюты. Запирая дверь, Бэнксъ оглянулся. Видъ у него былъ торжествующій, но и здѣсь его глаза встрѣтились съ глазами, въ которыхъ свѣтилась непобѣдимая ненависть. Въ слабомъ свѣтѣ огарка виднѣлось бѣлое, какъ слоновая кость, лицо, на высокомъ лбу блестѣли капли холоднаго пота.

Таковъ былъ Шаркэ въ свою послѣднюю минуту.

Коплей Бэнксъ и нѣмой его помощникъ сѣли въ приготовленную заранѣе лодку и направились къ берегу. Гребя веслами, они то-и-дѣло оглядывались на бригъ, который былъ скрытъ на половину пальмовыми деревьями.

И вотъ въ тиши ночи раздался глухой звукъ пушечнаго выстрѣла, а затѣмъ грянулъ оглушительный взрывъ. Оба судна, стоявшія рядомъ, точно прыгнули въ воздухъ, а затѣмъ погрузились на дно бухты.

Берегъ огласился стонами и криками погибающихъ, а затѣмъ все смолкло. Всѣ погибли.

Душа мстительнаго Коплея Бэнкса ликовала. Онъ тронулъ товарища за плечо, и они двинулись прочь отъ рокового мѣста.

ОГЛАВЛЕНІЕ.